

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN

№ 7

Academic Journal

Series

History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies

ARBOR MUNDI
THE WORLD TREE

Comparative Studies in Culture. International Journal
Issue 21

Moscow
2015

ВЕСТНИК РГГУ

№ 7

Научный журнал

Серия «История. Филология. Культурология.
Востоковедение»

ARBOR MUNDI
МИРОВОЕ ДРЕВО

Международный журнал по теории и истории мировой культуры
Выпуск 21

Москва
2015

УДК 94(05)+80(05)+008.001(05)
ББК 63.3я5+80я5+71я5

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.В. Иванов, акад. РАН, д-р филол. н., проф. (РГГУ; Калифорнийский ун-т Лос-Анджелеса, США), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Кашганов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клоканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Козлов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), Е.Е. Кравцова, д-р психол. н., проф. (РГГУ), М. Крэммер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглсонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»

Редакционная коллегия серии

Е.И. Пивовар, гл. ред., чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.И. Гиндин, зам. гл. ред., канд. филол. н., доц. (РГГУ), Г.И. Зверева, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), И.С. Смирнов, зам. гл. ред., канд. филол. н. (РГГУ), П.П. Шкаренков, зам. гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), М.Л. Андреев, д-р филол. н. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Т.Г. Архипова, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Н.И. Басовская, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Г. Васильев, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.И. Дурновцев, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е.Е. Жигарина, канд. филол. н. (РГГУ), С.В. Карпенко, канд. ист. н., доц. (РГГУ), В.Ф. Козлов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), И.В. Кондаков, д-р филос. н., канд. филол. н., проф. (РГГУ), М.А. Кронгауз, д-р филол. н., проф. (РГГУ; РАНХиГС), Г.Н. Ланской, д-р ист. н. (РГГУ), Д.М. Магомедова, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Ю.В. Манн, д-р филол. н., проф. (РГГУ; ИМЛИ РАН), И.Г. Матюшина, д-р филол. н. (РГГУ), А.Н. Мещеряков, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.Ю. Неклюдов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Е.В. Пчелов, канд. ист. н., доц. (РГГУ), Н.И. Рейнгольд, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Р.И. Розина, д-р филол. н. (РГГУ; ИРЯ РАН), Н.Р. Сумбатова, д-р филол. н. (РГГУ), Я.Г. Тестелец, д-р филол. н., проф. (РГГУ), В.И. Тюпа, д-р филол. н., проф. (РГГУ), П.Ю. Уваров, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), В.И. Уколова, д-р ист. н., проф. (РГГУ; МГИМО (У) МИД России), А.С. Усачев, д-р ист. н., доц. (РГГУ), И.О. Шайтанов, д-р филол. н., проф. (РГГУ), А.Л. Юрганов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), С.А. Яценко, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Ответственные за выпуск: Л.М. Андреев, д-р филол. н. (РГГУ; ИМЛИ РАН), Н.В. Брагинская, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.Л. Доброхотов, д-р филос. н., проф. (НИУ ВШЭ), Л.П. Петрик, канд. филол. н. (РГГУ)

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2015

ISSN 2073-6355

СОДЕРЖАНИЕ

Якобсон сегодня. Материалы XXI Лотмановских чтений

От оргкомитета	9
<i>Н.С. Автономова</i>	
Лотман и Якобсон: между «уроком» и «экзаменом»	11
<i>С.Н. Зенкин</i>	
Якобсон и визуальность	28
<i>Т.Д. Венедиктова</i>	
Разговор Романа Осиповича Якобсона с «Вороном»	43
<i>Патрик Серю (Швейцария)</i>	
Почему похожее похоже?	60
<i>Патрик Флак (Швейцария)</i>	
Роман Якобсон и переход немецкой научной мысли к структуралистской парадигме: К новой историографии структурализма	73

Литература Средних веков и Возрождения

<i>И.Г. Матюшина</i>	
Альфред Этелинг и поэма Англосаксонской хроники	83

Переводы

Евгений Толедский. Из «Книги стихотворений»	
<i>Предисловие, пер. с латинского и коммент. М.Р. Ненароковой</i>	122

In memoriam

<i>С.Ю. Неклюдов, О.Б. Христофорова</i> Памяти Елены Сергеевны Новик	149
Сводное содержание «Arbor Mundi» № 11–20	157
Abstracts	165
Сведения об авторах	169

CONTENTS

Roman Jakobson today. Proceedings of the 21st Lotman Conference

---

From the organising Committee	9
<i>N. Avtonomova</i>	
Lotman and Jakobson: between the “lesson” and the “exam”	11
<i>S. Zenkin</i>	
Jakobson and Visuality	28
<i>T. Venediktova</i>	
A Conversation between Roman Jakobson and “The Raven”	43
<i>Patrick Sériot (Switzerland)</i>	
Why are similar things similar?	60
<i>Patrick Flack (Switzerland)</i>	
Roman Jakobson and the Transition of German Thought to the Structuralist Paradigm: Towards a New Historiography of Structuralism	73

Medieval and Renaissance literature

<i>I. Matyushina</i>	
Alfred the Ætheling and the Anglo-Saxon Chronicle Poem	83

Translations

Eugene of Toledo. From “The Book of Poems”	
<i>Preface, transl. from Latin and comment. by M. Nenarokova</i>	122

In memoriam

<i>S. Necklyudov, O. Khristophorova</i> Remembering Elena Sergeevna Novik	149
Contents of “Arbor Mundi” № 11–20	157
Abstracts	165
General data about the authors	170

Яacobсон сегодня. Материалы XXI Лотмановских чтений

ОТ ОРГКОМИТЕТА

20–21 декабря 2013 г. Институт высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского РГГУ (соорганизатор – Институт философии РАН) провел XXI Лотмановские чтения по теме «Яacobсон сегодня». Чтения были посвящены обсуждению вопроса о том, в каких формах идеи Р.О. Яacobсона существуют сейчас в России и в мире – для лингвистов, литературоведов, фольклористов, антропологов, философов, психологов и на пересечениях разных дисциплин. Организаторы конференции видели свою задачу в том, чтобы вписать наследие Яacobсона в контекст проблем, в известной мере определивших облик XX века: речь идет прежде всего о судьбе структурно-семиотических методов, о современных взаимоотношениях науки и искусства, о роли культурно-исторических и политических факторов в процессах познания и еще о многом другом. Что в наследии Яacobсона принадлежит прошлому, что волнует нас сегодня?

В Чтениях участвовали российские и зарубежные исследователи: от самых маститых (в их числе лингвисты Т.М. Николаева и Т.В. Цивьян) до самых молодых (фольклорист Н. Петров). Конференцию украсили доклады Т.Д. Венедиктовой (МГУ) с ее виртуозной интерпретацией яacobсоновского прочтения «Ворона» Эдгара По и С.Н. Зенкина на тему «Яacobсон и визуальность». В историческом блоке докладов дополняли друг друга выступления Патрика Серию (Лозаннский университет) об истоках и формах «антипозитивизма» в русско-пражском структурализме, Патрика Флака (Карлов университет в Праге) о широком спектре немецких влияний на идеи Яacobсона, А.Н. Дмитриева о фактологической подоснове работы Яacobсона и Богатырева, посвященной славянской филологии 1910–1920-х годов (1923). Хенрик Баран (университет Олбани, США) дополнил известный нам образ Яacobсона примерами его «ангажированности», страстной защиты продвигаемых им идей (а в трудных ситуациях – также и людей) в профессиональном и социальном плане.

Конференция завершилась докладами, в которых научная проблематика лингвистического анализа текстов соединялась с воспоминаниями очевидцев (выступления Г.А. Левинтона, Т.В. Цивьян, Ю.Л. Фрейдина); своими воспоминаниями о встречах с Якобсоном поделились также Т.М. Николаева и Е.В. Падучева.

Вступительное слово к Чтениям произнес С.Д. Серебряный. Серию докладов открыла Н.С. Автономова: в ее выступлении речь шла об отношении Лотмана к Якобсону (прежде всего о лотмановской идее «Якобсона-романтика» и в этой связи – о динамике коммуникации как многоязычного процесса и о различном отношении Лотмана и Якобсона к проблемам перевода и непереводаемости). К сожалению, на конференцию не смогла приехать итальянская исследовательница Маргарита де Микиел: переключка тем обоих докладов могла бы стать поводом для интересной дискуссии. Приятно отметить широкое и заинтересованное присутствие слушателей всех возрастов. Это способствовало общему высокому уровню научного обсуждения докладов (среди многих выступавших с комментариями особенно выделялись А.Л. Топорков и Г.А. Левинтон).

В подборку материалов, предлагаемых вниманию читателя, входят основные доклады российских и зарубежных исследователей – Н.С. Автономовой, Т.Д. Венедиктовой, С.Н. Зенкина, П. Серрио и П. Флака; они стали стержнем развернувшихся на конференции дискуссий о современной судьбе наследия Романа Осиповича Якобсона, о его месте во всемирной и российской интеллектуальной истории.

ЛОТМАН И ЯКОБСОН: МЕЖДУ «УРОКОМ» И «ЭКЗАМЕНОМ»

Понятия «экзамен» и «урок», которыми Лотман определял отношение Якобсона к сонму бессмертных и отношение живых к ушедшему классику, используются здесь для проверки нашего собственного отношения к Якобсону и Лотману. Различные аспекты их наследия соединяются в идее «романтика в науке»: так Лотман назвал Якобсона, но это определение относилось и к нему самому. В исследовательских подходах Якобсона и Лотмана немало общего; основные различия между ними обнаруживаются в трактовке коммуникации и механизмов перевода. Так, в отличие от Якобсона Лотман настаивает на многоязычии коммуникативных схем и видит креативный смысловой потенциал в ситуациях культурного непонимания и непереводаемости.

Ключевые слова: «романтик в науке», междисциплинарность, многоязычие, перевод и непереводаемость, романтический сциентизм.

Для меня высокая честь открывать Лотмановские чтения, посвященные Якобсону. В них воплощается событие гостеприимства: Якобсон в гостях у Лотмана. В данном случае уже устоявшаяся традиция Лотмановских чтений приглашает нас к размышлению о том, что такое Якобсон, что он значит для нас сегодня, как он помогает нам находить свое место среди таких важнейших и во многом определивших XX век научных течений и тенденций, как структурализм, семиотика, междисциплинарность, возрастающая роль языка и языковых механизмов среди других способов человеческого существования в мире и др.

Романтик в науке

Название моего выступления одновременно энигматическое и абстрактное. Но за ним стоит конкретный текст Лотмана, который подводит нас ко многим вопросам, обсуждающимся на конференции. Поэтому я расскажу о нем подробнее. Этот текст называется «Последний экзамен, последний урок. Несколько слов о Романе Осиповиче Якобсоне». Он впервые вышел на эстонском языке в 1983 г., на русском – в 1995¹. Это некролог, частью которого выступает рассказ о предыстории работы над данным текстом.

Само предложение – написать некролог Якобсону – поначалу показалось Лотману неосуществимым. Он объясняет почему. Легко писать, когда речь идет о человеке, «чей человеческий, научный, творческий путь закончился задолго до того, как жизнь покинула его тело. Но как “подводить итоги” научной деятельности исследователя, который до последних дней напоминал гейзер, готовый в любую минуту взорваться целым извержением гипотез, идей, блестяще подобранных неожиданных фактов?»² Как писать об исследователе, «каждый доклад которого был сенсацией, открытием, разрушал сложившиеся представления и открывал новые научные перспективы?» И далее: «Он никогда не был продолжателем. Даже продолжателем самого себя...»³ Лотман утверждает, что во время их последней встречи в Москве, состоявшейся за два года до этого⁴, Якобсон был точно таким, каким он знал его и раньше: блестящая память, исключительная умственная энергия, новые идеи и никакого следа умственной старости: «Он не кончал путь, он был в пути. Как тут “подводить итоги”?»⁵

Продолжая далее свой рассказ, Лотман вводит понятия, вынесенные в заглавие данной статьи, – «урок» и «экзамен». «Смерть для того, что умирает, – *последний экзамен* (курсив мой. – Н. А.). Умерший уже не среди нас – он среди тех, чьи имена написаны на корешках книг, чьи мысль, труд и вдохновение стоят на полках. Его – по крайней мере, если речь идет об ученом, поэте или мыслителе, – сопоставляют уже не с коллегами по институту или товарищами, как и он, претендующими на место в квартирной очереди или на путевку в дом отдыха [тут мы видим реалии советской жизни, которые умерли вместе с ней. – Н. А.], а с теми, кто ни на что не претендует: с Ньютоном, Пушкиным, Эйнштейном. Как ему там?» Лотман задает этот вопрос риторически и продолжает: «Для тех, кто остался, смерть – *последний урок* (курсив мой. – Н. А.). То, что человек делал, обретает финал, в свете которого его поступки получают новый смысл: жалкий или величественный, но всегда простой

и загадочный одновременно. Этот смысл надо понять. Чтобы понять – надо подумать. Я бы никогда не торопился писать некрологи. Их должно писать время»⁶.

Такова преамбула.

В итоге, признается Лотман, он смог написать этот текст только тогда, когда постиг, как ему кажется, «идею» творческого пути Якобсона – ту, что объединяет столь многое, – его юношеские стихи, работы по фонологии, фольклору, по «Слову о Полку Игореве» и по поэзии Маяковского, по проблемам афазии и функциональной асимметрии больших полушарий головного мозга, по поэзии грамматики и грамматике поэзии. И т. д. Эту идею Лотман формулирует так: «Роман Осипович Якобсон всю жизнь был романтиком в науке»⁷. Заметим: не был когда-то и не стал романтиком, но именно «был всю жизнь...».

Само по себе слово «романтик» (и соответственно «романтизм») достаточно размыто и многозначно. Некогда американский коллега Якобсона физик Виктор Вайскопф сравнивал его с Пикассо, причем главное сходство между тем и другим он видел в окружавшей Якобсона ауре «интеллектуальной интенсивности», которая заставляла всех, кто с ним сталкивался, «вибрировать в резонанс»⁸. А известный психолог Джером Бруннер говорил, что в присутствии Якобсона сознание его собеседника невольно включало режим автоматизма и переключалось в режим радикальной дезавтоматизации, что в общении с ним, о каких бы вещах ни шла речь, всегда присутствовала «драма», т. е. интенсивное человеческое взаимодействие. Наверное, все это – проявления «романтических» личностных качеств и их воздействия на окружающих. Применительно к тому, как Лотман характеризует якобсоновский романтизм, можно выделить несколько разных смыслов идеи романтизма и романтики, прежде всего личностно-характерологический (бунтарский дух, свержение идолов), проблемно-тематический (интерес к динамике и преодолению, связь с искусством), концептуально-стилистический (черты «научного почерка») и др.

Лотман напоминает нам, что лингвист Якобсон сначала имел другое призвание – он был поэтом, и в его творчестве мы видим отчасти искусство, перенесенное в науку. Отсюда – дух бунтарства, свержение идолов как «повседневное занятие», – так было в кружке молодых футуристов, а потом и молодых филологов. Смысл перехода от одного к другому заключался в том, что Якобсон – человек авангардной культуры – трактовал язык Хлебникова и футуристов «не как аномалию, но как последовательную реализацию структуры языка и как импульс дальнейших фонологических ра-

зысканий»⁹ (позже об этом интересно расскажет Борис Михайлович Гаспаров¹⁰).

Некоторые сопоставительные разъяснения своей мысли о Якобсоне-романтике Лотман дает нам, обращаясь к истории поколения ученых – ровесников Якобсона. Исследуя пути ученых, которые вошли в науку одновременно с Якобсоном, часто наблюдаешь, как «юношеский романтизм их научных идей с годами – добровольно или под влиянием обстоятельств – сменялся *научным классицизмом, добропорядочным академизмом, а иногда просто усталостью* (курсив мой. – Н. А.), старые идеи делались привычными, на научных баррикадах 1920-х годов возникали уютные академические квартиры (хотя немало было и могил). Якобсон не старел, не уставал, не делался “добропорядочным” – он был и оставался бунтарем в науке, ниспровергателем, тем, кто будоражит, вносит смуту, не дает уютно устроиться в привычных, обжитых идеях, а тащит в степь, в пургу новых, ошеломляющих и непривычных мыслей и гипотез». Здорово сказано: «тащит в степь, в пургу!» Туда, где ты один, где воют стихии...

Интересно, однако, что наука при этом виделась вовсе «не как сложенный из вековых камней храм, но как *несущийся автомобиль* (курсив мой. – Н. А.) (автомобиль, – уточняет Лотман, – казался тогда пределом техницизма и скорости)»¹¹. Как видим, Лотмана совершенно не смущает такое противоречивое воплощение духа романтизма: он совершенно спокойно соединяет здесь романтические эпитеты с технологическими предметностями. Я подчеркиваю это потому, что в своей интересной статье о московско-тартуской школе Виктор Маркович Живов¹², на которого я буду и далее ссылаться, сделал акцент никак не на романтизме, но, напротив, на «технологизме» и «сциентизме» Якобсона, причем эти качества он равно приписывал и Якобсону, и тартуской школе.

А Лотман заключает свой текст так: «Мне случалось читать медицинские работы, утверждавшие, что талант – это болезнь. Глядя на творческий путь Р.О. Якобсона, хочется сказать, что это болезнь заразительная, куда бы Якобсона ни забросила трудная судьба человека середины XX века, вокруг него неизменно возникал центр мирового значения. Это делает научную биографию Якобсона неделимой от истории гуманитарной науки нашего века»¹³.

Эту идею Якобсона как романтика в науке, как ученого, который одновременно был и поэтом, Лотман проводит по разным уровням, вводит в разные контексты¹⁴. И во всех случаях главное – это идея изменения, стремление понять динамику развития как некий мотор всего сущего.

Первая область, в которой можно это наблюдать, – лингвистика. Прежде всего, по Лотману, это стремление ввести динамику в само понятие структуры языка – характерная черта якобсоновской мысли с самого начала. Так, лингвистический структурализм как авангардное направление в мировой лингвистике 1920–1930-х годов (Пражский лингвистический кружок) отмечен преодолением принципов соссюрианской лингвистики с жестким разделением синхронии и диахронии. В «Принципах исторической фонологии» (опубликованы в Трудах Пражского лингвистического кружка в 1931 г.) Якобсон писал, что «статический срез – фикция», вспомогательный научный прием, а вовсе не способ существования. В целом отношение Якобсона к Соссюру Лотман именуется «героической работой по преодолению Соссюра в рамках соссюрианской традиции»¹⁵. Типичная модель этой динамики – «преодоление»; существуют различные ее разновидности, это может быть, например, «преемственность через преодоление», «продолжение через преодоление» и др. При этом «столкновение и борьба» выступают как «самое плодотворное продолжение традиции». Это, может быть, и не революционная, но все же бунтарская установка. Она может показаться вполне гегелевской, но никогда не предполагает синтеза или тем более синтеза всего ценного и лучшего в духе упрощенного гегельянства.

Вторая область – семиотика. Здесь также Лотман видит у Якобсона идею динамики и конфликтности. На месте статических моделей теории информации у Якобсона возникает картина «взаимоотношений, конфликтов, перекодировок, превращающих семиотическое исследование в динамический портрет духовной жизни общества»¹⁶. Сама идея семиотики как «динамического портрета духовной жизни общества» представляется в своей масштабности некоторым оптимистическим преувеличением, однако она свидетельствует о том, насколько близким Лотману было стремление распространить семиотику на предельно широкие области общественной и культурной жизни.

Романтической чертой «научного почерка» Якобсона Лотман считает его интерес к динамическим взаимосвязям между различными областями знания и культуры. И, стало быть, к междисциплинарности. Речь идет не о разграничении компетенций, но об изучении вторжений каждой области на территорию другой: так, грамматика вторгается в поэтику, поэтика в живопись или кинематограф. Редкое чутье Якобсона к новому Лотман отмечает применительно к различным дисциплинам и на стыках дисциплин (от лингвистики и семиотики до молекулярной генетики и новейших

исследований функциональной асимметрии больших полушарий головного мозга). Причем Лотман утверждает, что все эти «научные предчувствия» появились у Якобсона уже в начале 1940-х годов (возможно, Лотман имеет здесь в виду работу Якобсона «Детский язык, афазия и всеобщие звуковые законы»).

В целом у читателя возникает впечатление, что Лотман видел или же подчеркивал у Якобсона то, что заставлял в самом себе. Иначе говоря, те черты романтика в науке, которые он приписывал Якобсону, были и чертами самого Лотмана. Причем, как мне представляется, когда Лотман приписывал то или иное качество или склонность Якобсону, это было не натяжкой, но констатацией доказуемого, что далеко не всегда бывает с подобными параллелями¹⁷.

Многоязычие, перевод, неперевоидимость

Среди общих моментов научного романтизма Якобсона и Лотмана мы видим прежде всего новую программу соотношений науки и искусства (по Лотману: наука вторгается в сферу непредсказуемого, которой всегда интересовалось искусство, и это меняет облик науки¹⁸) и глубокое понимание динамики структуры. Оба эти момента могли бы стать предметами отдельного рассмотрения. В этой связи очень важна и трактовка коммуникативного акта. Лотман всячески приветствует момент «конфликтности», «перекодировок» в якобсоновской интерпретации процесса коммуникации, но вносит в нее новый смысловой акцент. А именно акцент на *многоязычии* коммуникации¹⁹. В трактовке этого момента Лотман, можно сказать, отталкивался от Якобсона и *преодолевал* его, если воспользоваться его собственной терминологией. Здесь вот что для нас важно: Лотман не был лингвистом, однако именно он, переходя от анализа литературы к рассмотрению общих механизмов культуры, обосновал необходимость многоязычия как характерной черты культуры и актуальность его введения в трактовку коммуникативного механизма. При этом у Лотмана этот тезис о многоязычии формулируется фактически как критика якобсоновской концепции коммуникативного акта.

Основные моменты этой лотмановской критики Якобсона следующие. В основе якобсоновской схемы коммуникативного акта, по мнению Лотмана, лежит абстракция, предполагающая полную идентичность передающего и принимающего, и именно эта абстракция переносится Якобсоном на языковую реальность. Однако общий язык и одинаковый объем памяти у говорящего и принима-

ющего – это ситуация, которая соответствует, подчеркивает Лотман, не языку, а коду, и такая подмена небезопасна. Прежде всего потому, что код – структура созданная, искусственная, введенная договоренностью, он не подразумевает истории и памяти, тогда как «язык – это код плюс его история»²⁰. Фактически подразумеваемая структура без памяти вполне адекватна для целей передачи информации, но она не сможет выполнять функции, возлагаемые на язык: «эти инстанции общения будут понимать друг друга, но им не о чем будет говорить»²¹.

Однако наиболее значимое отторжение Лотмана от Якобсона логически вырастает из всего того, что ранее говорилось о многоязычии коммуникативного акта, – это проблема перевода и непереводаемости, понимания и непонимания. Насколько я могу судить, у Лотмана эта концепция стала оформляться в последнее десятилетие жизни, уже после смерти Якобсона. Спрашивается: кто тут с кем спорит? Один романтик с другим романтиком? Или, может быть, романтик Лотман спорит с классиком Якобсоном (якобсоновская трактовка перевода, можно сказать, вполне классична)? Как известно, якобсоновская схема, на которую ссылаются все современные исследователи, которые что-либо писали о переводе, объединяет три типа перевода – внутриязыковой, межъязыковой и межсемиотической²². Три способа перевода – это, по Якобсону, три способа интерпретации вербального знака: так, знак может быть переведен в другие знаки того же языка (переименован), переведен на другой язык, наконец, переведен в другую, невербальную систему символов. При внутриязыковом переводе получают синонимичные выражения, которые не являются вполне эквивалентными. При межъязыковом переводе происходит процесс перекодировки (слов или целых сообщений). Наконец, третий вид перевода имеет дело с различными семиотическими системами и потому тем более упирается в вопрос о взаимной переводимости языков и знаковых систем.

Спору нет, процедура перевода в любом случае очень сложна, а потому в наши дни отчаявшиеся преуспеть в этом деле все громче провозглашают тезис о непереводаемости. Якобсон некогда назвал его «догмой непереводаемости»²³. Основной пафос Якобсона в этой статье о лингвистических аспектах перевода заключается в том, что он опровергает эту «догму непереводаемости» доводами из практики межъязыкового перевода: если в языке, на который мы переводим, не находится нужных слов, можно придумать новые слова, использовать описательные обороты или же прибегнуть к заимствованиям. Если в языке, на который мы переводим, отсут-

ствует какой-то важный грамматический прием, можно передать понятную информацию, содержащуюся в оригинале, иными средствами. В любом случае для Якобсона практика перевода (или иначе – «перекодирующая интерпретация») есть то, что позволяет нам найти выход из ситуаций, поначалу воспринимаемых как примеры языковой несоизмеримости.

Как можно видеть, Лотман понимает перевод шире и в некоторых существенных моментах – иначе, чем Роман Якобсон. В отличие от подхода Якобсона лотмановский подход к переводу основан на том, что я называю идеей продуктивной непереводимости²⁴. Прежде всего, в дополнение к трем классическим якобсоновским типам перевода Лотман фактически (хотя подчас и неявно) прорабатывает и другие возможности. Так, он обращает наше внимание на значимость *первичного акта выражения*, вербализации, текстового выражения любого непосредственно переживаемого опыта²⁵, а кроме того, пытается нащупать узловые моменты и типические ситуации семиозиса или, иначе говоря, множественных переходов из внесемиотического (или досемиотического) мира в семиотический, культурно опосредованный мир, и обратно²⁶.

Однако самым важным концептуальным отличием лотмановского подхода к переводу от якобсоновского была связь вопроса о *непереводимости* с вопросом о *непонимании*. Якобсон не тематизирует непонимание как отдельный момент и не вычленяет какие-либо хотя бы гипотетически положительные стороны непонимания. Лотман иначе смотрит на эти вещи: «“Понимаемость”, к которой мы так стремимся, – это один полюс; другой необходимый полюс – “непонимаемость”, потому что *непонимание делает понимание мучительным и вместе с тем имеющим смысл и высокую ценность* (курсив мой. – Н. А.)»²⁷.

Таким образом, если Якобсон трактует «непереводимость» фактически как помеху коммуникации, устраняемую определенными процедурами, то Лотман усматривает в феномене непереводимости (или осложненной переводимости) продуктивный механизм культуры, который, затрудняя человеческое общение, делает это общение в конечном счете более насыщенным и более интенсивным, приводит к порождению новых культурных смыслов.

Кроме того, Лотман – единственный из известных мне исследователей, кто прямо связывает *познание с переводом*, ср.: «<...> мы начинаем познавать, описывать, *то есть переводить* на какой-то другой язык»²⁸. Лотман прямо уравнивает познание, описание и перевод, причем познавательный акт выступает как действие перевода: «<...> сама природа интеллектуального акта может быть

описана в терминах *перевода*, определение значения – *перевод* с одного языка на другой...»²⁹. Более того, Лотман трактует перевод как «универсальную научную задачу»³⁰.

Лотман выдвигает еще более сильный эпистемологический тезис, правда, формулирует его не очень аккуратно. Так, по мысли Лотмана, хотя языки лишь «ограниченно переводимы» или даже «взаимно непереводимы», «их взаимная *непереводимость* (...) является *источником адекватности* внеязыкового объекта его отражению в мире языков» (речь здесь, по-видимому, идет скорее об адекватности отражения объекту, нежели объекта отражению. – Н. А.)³¹. Но в целом эта мысль заслуживает особого внимания: свидетельством продвижения по пути познания, вопреки всем очевидностям, оказывается именно *непереводимость*: феномены непереводимости (если не воздвигать на их основе «идеологию непереводимости») вполне могут быть продуктивными в том смысле, что они способны стимулировать механизмы перевода и вообще интенсифицировать языковую артикуляцию реальности.

Вопрос об основаниях этих различий в якобсоновской и лотмановской моделях коммуникации и в трактовке механизмов перевода, на мой взгляд, не решается однозначно. Иногда спрашивают: почему Якобсон, который в своем раннем творчестве (например, в ранней трактовке идеи «языковых союзов») применяет едва ли не гумбольдтианские идеи, так далек от них в своей трактовке коммуникации? Можно предположить, что в основе концептуального творчества Якобсона пражского и американского периодов лежат разные эпистемологические модели и соответственно разные акценты в понимании коммуникации. Можно также предположить, что позднему Лотману пражский Якобсон был ближе, чем Якобсон американский, а та борьба с куйановской идеей «радикальной непереводимости», которая вполне могла бы лежать в подтексте якобсоновской трактовки перевода в 1960-е годы, для Лотмана неактуальна. Но все это пока лишь гипотезы.

Романтический «сциентизм»?

Прервем на этом месте изложение сходств и различий между якобсоновским и лотмановским подходами к коммуникации и переводу, чтобы ввести эти явные или неявные споры в контекст некоторых современных трактовок данных вопросов. Среди современных исследователей роль концепции перевода и непереводимости у Лотмана с удовлетворением отмечал, например, уже упоми-

навшийся В.М. Живов. И считал это проявлением лотмановского постструктурализма. Такая характеристика Лотмана достаточно типична. Так, принято считать, что структурализм в гуманитарных науках – это дела давно минувших дней и что Лотман интересен нам сейчас преимущественно как мыслитель, сумевший преодолеть свои структуралистские заблуждения (речь обычно идет о позднем Лотмане). Соответственно антитезой Лотману-постструктуралисту выступает ранний Лотман-«сциентист». Да и в целом суть концепций Лотмана и Якобсона определяется Живовым прежде всего как «сциентистская переформулировка гуманитарных наук»³².

Свою концепцию «сциентистской» науки – применительно к московско-тартуской школе и применительно к Якобсону – Живов проводит довольно широко. Относительно Якобсона он считает, что тот, видимо, искренне верил, что гуманитарные науки могут стать «настоящими» науками, и видел в семиотике пространство, в котором должна осуществиться эта трансформация. В связи с этим, полагает Живов, Якобсон и поддерживал «фантастические проекты», вроде асимметрии полушарий головного мозга. Он стремился реализовывать свои футуристические мечты и создавал нечто вроде фабрики, на которой мог считать себя «главным». И вообще, дескать, Якобсон мечтал о превращении гуманитарных исследований в «настоящую» науку, кроме всего прочего, еще и как организатор науки. Ему нравилось придумывать большие проекты, основанные на своего рода новых технологиях, например, на выявлении универсальных дифференциальных признаков в звуковом составе языка. Суть этого проекта заключалась в том, чтобы «переписать фонетику» в новых терминах. Эту затею Живов считал «не слишком сложной и в целом едва ли нужной». Ведь минимальный набор дифференциальных признаков основывался на идее инвариантности (наблюдаемое разнообразие сводилось к абстрагированному однообразию), тогда как абстрактный характер языкового механизма находил соответствие в безличной индустриальности лингвистической науки. Однако если так относиться к идее инвариантности, а тем самым и поиску закономерного, то неудивительно, что и понятие «наука» применительно к Лотману и Якобсону употребляется у Живова как бы в кавычках – наука есть то, что ныне находится под подозрением и нуждается в разъяснениях и дообоснованиях.

Не могу не отметить здесь, что моя позиция в отношении моих героев во многом противоположна тем, что чаще всего встречаются в наши дни. Мне представляется, напротив, что лотмановская и якобсоновская концепции структуры никогда не чурались не-

структурного, не исключали всего того, что в структуру не уместится. При этом важно, что неструктурное (например, «непереводимое» в ситуации постоянного культурного многоязычия у Лотмана) – это не мусор на фоне главного и магистрального. Совсем наоборот: именно неструктурное и непереводимое, находящееся за границами упорядоченных культурных миров, является местом поиска других структур, нам неизвестных. По сути, это отличает то, что Лотман называл «открытой моделью» культуры³³: она предполагает различные формы взаимодействия структурного (только более сложноструктурного) и неструктурного, переводимого и непереводимого, устойчивого и взрывного на тех или иных уровнях. Впрочем, не стоит упускать из виду, что механизмы устойчивого, повторяющегося – именно из-за их привычности – подчас труднее бывает уловить, нежели моменты яркой новизны, которые между тем становятся заметны лишь на фоне устойчивого. То же касается и Якобсона. Ему так же не нужно было становиться постструктуралистом, чтобы заинтересоваться динамикой структур. Свидетельств этому много. В целом представляется более осмысленным не производить Лотмана и Якобсона в постструктуралисты (которые, по сути, отказываются от понятия структуры), но сказать себе, что, видимо, пришла пора иного понимания структуры и ее динамики на всех уровнях.

Выше мы говорили о тематических моментах якобсоновского «романтизма», однако его следы можно видеть и на уровне того, что можно было бы назвать концептуальным стилем. Так, иногда возникает впечатление, что Якобсон не столько разворачивает свои индукции или дедукции, сколько оперирует заряженными квантами интеллектуальной энергии, которые, как магниты, притягивают к себе другие элементы и другие темы, образуя связки и кластеры. Якобсон почти никогда не писал больших книг, а исключения (например, написанная совместно с Линдой Во книга «Звуковая структура языка»³⁴) скорее подтверждают правило. Зато он всегда был готов к лекции, к докладу, к быстрой мобилизации всего багажа знаний ради поставленного вопроса. В его мыслительной кладовой, кажется, ничто не пропало, все ждало своего часа и оживало в новых контекстах. В текстах Якобсона заметна высокая степень повторяемости каких-то элементов и даже формулировок, но это не повтор тождественного, но контекстуальное преобразование данного применительно к новым задачам³⁵. Быть может, Якобсон не строил линейных и протяженных текстов именно потому, что хотел сохранить энергетический потенциал слов, образов, метафор, понятий, их готовность к новым взаимодействиям.

В самом деле, как побудить идеи, образы, темы двигаться, перемещаться, преобразовываться? Яacobсон, по-видимому, интуитивно понимал эту механику. Например, он, как уже отмечалось, не писал трактатов о диалоге, но уникально умел общаться с людьми – с предшественниками и современниками, с гуманитариями и естественниками, с художниками и поэтами, где бы он ни находился (в Москве и Петрограде, в Праге и Копенгагене, в Нью-Йорке и Париже). Он пропагандировал малоизвестных авторов (например, извлек из бездны забвения Бахтина и Выготского), неизменно подчеркивал свой долг перед теми, кого считал своими предшественниками (от Бодуэна до Пирса), писал десятки некрологов, причем писал на века – так, чтобы эти имена никогда не стерлись из нашей памяти. Не говоря уже о том, что он работал, причем постоянно, как несколько институций, вместе взятых, сочиняя программы и манифесты, организуя научные школы, журналы, семинары и конгрессы по всему свету. И конечно, черты его личности играли здесь свою роль.

А теперь вновь обратимся к тем образам, на которых строится заглавие, – «урок» и «экзамен». Вспомним, что согласно Лотману экзамен был уделом Яacobсона, и это был экзамен на причастность к сонму великих, урок же был уделом живущих, обязанных разгадывать мысль ушедшего. Мне бы хотелось иначе взглянуть и на урок, и на экзамен. И прежде всего устранить иерархию между небожителями и обычными людьми. И тогда *экзамен* предстанет как повседневное испытание жизнью, через которое проходит каждый, а *урок* – как нечто такое в наследии обоих героев, что может помочь нам выдерживать эти испытания.

Экзистенциальный рисунок внешнего поведения Лотмана и Яacobсона был разный, но в нем в обоих случаях присутствуют некоторые романтические мотивы – погони и бегства, столкновения с противником лицом к лицу и др. Так, один из наших героев убежал от растекавшейся по Европе смертельной угрозы фашизма и, к счастью, смог спастись; другой же долго воевал, долго был на передовой и потом советовал, если случится, идти на передовую, чтобы преодолеть страх. Один существовал как вынужденный космополит в процессе обживания все новых мест, пригодных для интеллектуальных занятий; вся жизнь другого жестко уместилась в границы советского периода (так, Лотман родился в 1922 г., в котором Съезд Советов в своей Декларации зафиксировал образование Советского Союза, а умер в 1993 г., в самом начале постсоветского периода), хотя и была прожита, как теперь иногда говорят, во внутренней эмиграции. При этом в их жизненных и познавательных установках было много общего. Фактически у обоих были свои способы побеждать челове-

ский страх, был свой юмор и оптимизм. Этот оптимизм крепился на чем-то одновременно и личном, и общезначимом. На чем же?

На днях я слушала беседу Якобсона с французским журналистом – это была запись так называемых «Архивов XX века». Журналист задавал вопросы, а Якобсон ярко и уместно отвечал. Так вот один из этих вопросов (замечу, типичный для любого французского журналиста) прямо касался политических позиций, участия и проч. в период его молодости. На что наш герой – с высоты своих 78 лет (дело было в 1974 г.) – предпочел ответить, переведя вопрос в иной план. Он сказал: эпоха моей жизни была эпохой огромных перемен, потрясений и переворотов, периодом катастроф, смятения. И в эту эпоху мы видели нашу задачу в том, чтобы закончить исследование, пока это еще возможно, чтобы стать интеллектуально вооруженными (*intellectuellement armés*)³⁶. У нас есть и более поздние аналогичные свидетельства, например, чешского периода: фашисты уже у ворот, а я еще не закончил того-то и того-то... никогда еще так не работал! Быть *intellectuellement armé* – это, по сути, военная метафора, хотя и стертая. И Лотман, который, как мы знаем, очень любил военные метафоры (полигоны, окопы, артиллерийская стрельба у него встречаются подчас в самых неожиданных местах), безусловно подписался бы под таким девизом. Ведь на первый план здесь выдвигается идея сопротивления хаосу, смятению душ – с помощью интеллекта, разума.

Оба наши героя – кто бы что бы ни говорил про их технологизм и сциентизм – высоко ставили моральный престиж и человеческое достоинство науки, что в наши дни далеко не само собой разумеется. Сейчас сама эта установка может выглядеть как несколько архаичное проявление романтизма. Но это скорее свидетельство мудрости тех, кто через многое прошел и научился беречь то, на чем выросла вся нововременная европейская цивилизация и без чего ее не будет (без опоры на науку у современного европейского человека не было бы ни целей, ни ценностей). В любом случае этот девиз – пусть романтический и уж никак не «сциентистский» – позволял им обоим не сторониться настоящего и не бояться будущего. И за этот урок бесстрашия в ситуации не нами выбранного жизненного экзамена мы должны быть им благодарны.

Примечания

¹ Он включен в том: *Лотман Ю.М.* Воспитание души. СПб.: Искусство-СПб., 2003. С. 74–77.

² Там же. С. 74.

³ Там же.

⁴ По-видимому, это ошибка памяти: последний визит Якобсона в Москву состоялся осенью 1979 г., после знаменитого тбилисского симпозиума, который назывался «Международный симпозиум по проблеме неосознаваемой психической деятельности» (29 сент. – 5 окт. 1979). Попутно воспользуюсь поводом, чтобы отметить, что материалы этого симпозиума в трех объемных томах, озаглавленные «Бессознательное: природа, функции, методы исследования», вышли за год до проведения симпозиума – в 1978 г. в тбилисском издательстве «Мецниереба», а поэтому во многих ссылках на симпозиум приводится дата – 1978. Участники симпозиума встречали Якобсона стоячей овацией во Дворце шахмат. Для меня участие в Тбилисском симпозиуме было счастливым шансом личного знакомства с Р.О. Якобсоном.

⁵ Лотман Ю.М. Воспитание души. С. 74.

⁶ Там же. С. 74–75.

⁷ Там же. С. 75.

⁸ A Tribute to Roman Jakobson (1896–1982). Berlin; N. Y.: Mouton, 1983. P. 86–87.

⁹ Лотман Ю.М. Воспитание души. С. 75.

¹⁰ Gasparov B. Futurism and Phonology: Futurist Roots of Jakobson's Approach To Language // Jakobson entre l'Est et l'Ouest 1915–1939. Cahiers de l'ILSL. 1997. № 9. P. 109–130. Авторская версия этого текста на русском языке будет опубликована в томе «Роман Осипович Якобсон» из серии «Философия России первой половины XX века» (изд-во «РОССПЭН»).

¹¹ Лотман Ю.М. Воспитание души. С. 75.

¹² Живов В.М. Московско-тартуская семиотика: ее достижения и ее ограничения // Новое литературное обозрение. 2009. № 98. С. 17–27.

¹³ Лотман Ю.М. Воспитание души. С. 77.

¹⁴ Применительно к Якобсону мне ранее доводилось видеть противопоставление романтизма классицизму и у других авторов, например у В. Плуңгяна в его швейцарском докладе в честь столетия Якобсона (*Plungjan V. R.O. Jakobson et N.S. Trubetzkoy: deux personnalités, deux sciences? // Jakobson entre l'Est et l'Ouest 1915–1939. P. 185–194*). В антитезе «духа романтизма» и «духа классицизма» Якобсон и Трубецкой сопоставлялись здесь через идею закрытой, замкнутой системы у Трубецкого и открытой системы – у Якобсона. Правда, Плуңгян вводил в этой связи различие системного и структурного, что для нас сейчас не так важно. А важно то, что, согласно Лотману, Якобсон попадает в романтические ученые – со склонностью к открытой структуре или, как говорил Лотман применительно к идеям тартуской школы, – «открытой модели». Кстати, Лотман предложил модель противопоставления «классический – романтический» в статье «Две формы динамики» (*Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 120–122*). При этом он ссылался на В.М. Жирмунского, противопоставлявшего классическое искусство романтическому (первое направлено на создание законченного произведения искусства, подчиненного сво-

им особым законам, второе – на раскрытие души художника). В самой антитезе «классицизм – романтизм» у Жирмунского Лотман видел противопоставление двух стилей, но также принципиально разное решение вопроса «искусство и жизнь»: «Для нас важно подчеркнуть, что эти два типа модели культуры, по мнению Жирмунского, составляют универсальную константу, независимо от того, сменяют ли они друг друга или хронологически сосуществуют» (Там же. С. 120–121).

¹⁵ Лотман Ю.М. Воспитание души. С. 116.

¹⁶ Там же. С. 76.

¹⁷ В отличие от некоторых интерпретаций Лотманом Бахтина, когда, например, Лотман пишет об общении матери с младенцем или о взаимодействии полушарий головного мозга как о путях и формах научного развития идеи диалога. Разумеется, к диалогу в бахтинском смысле это не имело никакого отношения. Что же касается Якобсона, то он, кажется, специально не писал о диалоге – за рамками общелингвистической идеи диалога как обмена репликами, но прекрасно умел общаться с людьми. Сошлюсь в этой связи на уже не новую, но не потерявшую актуальности статью Цветана Тодорова, рисующую разноплановый контрастно-сопоставительный портрет Якобсона и Бахтина. См.: *Todorov Tz. Monologue et dialogue: Jakobson et Bakhtine // Acta Linguistica Hafniensia. 1998. Vol. 29. (R. Jakobson Centennial Symposium. Oct. 10–12, 1996)*. Относительно лотмановской интерпретации бахтинских идей см.: *Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. 2-е изд., испр. и доп. М.: СПб., 2014. С. 197–199.*

¹⁸ Лотман Ю.М. Воспитание души. С. 149: «Мы до сих пор считали, что непредсказуемости нет, по Гегелю, или же полагали, что, если она есть, она остается за пределами науки. Это давало нашей науке очень малое пространство, и, по сути дела, наука получала очень тощий отпечаток реальности. Непредсказуемое, случайное... механизм которого является одним из важнейших объектов науки, вводит совершенно по-новому в науку и роль искусства. Потому что если наука ориентирована на предсказуемость, то искусство было всегда ориентировано на непредсказуемость». И еще один интересный момент: поэтическая функция языка перестает быть привилегией языка литературы и становится принадлежностью любого языка. Лотман кратко поясняет это отношение так: обычно либо язык рассматривался как машина передачи сообщений, и тогда поэтический язык выступал как «странный уголок этой системы», либо творческая функция языка трактовалась как универсальная, и тогда поэтический язык толковался как наиболее представительная демонстрация языка как такового. Стронником первого принципа был Соссюр, сторонником второго принципа – Якобсон, искусство с его духом интеграции разных сторон культуры было ему особенно близко (Лотман Ю.М. Семиосфера. С. 161). Отметим, что хотя любовь к искусству явным образом объединяет Якобсона и Лотмана, увлекавшие их эстетические модели – раз-

ные: в частности, авангардное искусство в каких бы то ни было его формах не было близко Лотману.

- ¹⁹ «Одна из фундаментальных особенностей тартуской школы состоит в представлении о том, что мир не может иметь один язык и что реальность не описывается одним языком. Минимум – много языков. Можно даже предположить, что это число *открытое*» (Лотман Ю.М. Воспитание души. С. 288).
- ²⁰ Лотман Ю.М. Семиосфера. С. 15.
- ²¹ Там же.
- ²² Якобсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода (1966) // Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 362.
- ²³ Там же. С. 363.
- ²⁴ Мне доводилось неоднократно писать об этом. См., например: Автономова Н. Проблема перевода в свете идеи продуктивной непереводаемости (по страницам работ Лотмана) // Пограничные феномены культуры. Перевод. Диалог. Семиосфера: Материалы Первых Лотмановских дней в Таллинском университете (4–7 июня 2009 г.) Таллинн, 2011. С. 19–35; *Autonomova N. Le problème de la traduction et l'intraduisible dans la conception sémiotique de Lotman* // Glissements, décentrement, déplacement. Pour un dialogue sémiotique franco-russe / Sous la dir. de M. Costantini. P., 2013. P. 49–57. URL: http://www.bibliotheque-numerique-paris8.fr/fre/cms/Fonds/Colloques_de_Paris_8.html. В каталоге библиотеки Париж-8 постоянный инвентарный номер: <http://www.bibliotheque-numerique-paris8.fr/fre/ref/164239/COLN3/>
- ²⁵ Условием человеческой культуры выступают многообразные механизмы перевода: «само существование культуры подразумевает построение системы, *правил перевода непосредственного опыта в текст*» (Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн: Александра, 1993. Т. 3. С. 329; курсив мой. – Н. А.).
- ²⁶ «...мир семиозиса не замкнут фатальным образом в себе: он образует сложную структуру, которая все время “играет” с внележащим ему пространством, то втягивая его в себя, то выбрасывая в него свои уже использованные и потерявшие семиотическую активность элементы» (Лотман Ю.М. Семиосфера. С. 30.)
- ²⁷ Лотман Ю.М. Воспитание души. С. 121.
- ²⁸ Там же. С. 287 (курсив мой. – Н. А.).
- ²⁹ Лотман Ю.М. Семиосфера. С. 17 (курсив мой. – Н. А.). Впрочем, трактовка определения значения как перевода свойственна и Якобсону – по-видимому, через Пирса.
- ³⁰ Там же. С. 386.
- ³¹ Там же. С. 13 (курсив мой. – Н. А.).
- ³² Живов В. Московско-тартуская семиотика: ее достижения и ее ограничения. С. 11.
- ³³ Ср.: «Если традиционно семиотический процесс был обращен к пространству одного языка и представлял замкнутую модель, то теперь, видимо, наступает время принципиально *открытой модели* (курсив мой. – Н. А.). Окно культур-

ного мира никогда не затворяется» (*Лотман Ю.М.* Тезисы к семиотике русской культуры // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 416).

³⁴ *Jakobson R., Waugh L.* The Sound Shape of Language. Brighton: The Harvester Press, 1979. (Более точный перевод заглавия: «Звуковая оболочка языка», «Звуковые очертания языка».)

³⁵ В известном смысле даже такое важное для него понятие, как «релятивистская инвариантность», навеянное новыми идеями теории относительности, – это тоже заряженный квант, который в разных контекстах может выступать как ресурс, готовый к развертке ввиду актуальной задачи.

³⁶ При обсуждении моего доклада Хенрик Баран заметил, что ответы Якобсона во время этой передачи не были спонтанными, так как вопросы были даны ему заранее, а потому в его ответах вполне могли быть и сознательные умолчания. Наверное, это так, однако мне кажется, что содержательную суть его ответа, равно как и иерархию значимости «политики» и «исследования», это обстоятельство не меняет; к тому же нам известны аналогичные его высказывания в других критических ситуациях.

ЯКОБСОН И ВИЗУАЛЬНОСТЬ

Работы Романа Якобсона по визуальной семиотике отличаются сложностью, вариативностью применяемого метода. Проблематика визуальности не поддается чисто структуралистскому исследованию, и Якобсон выступает порой как формалист в опоязовском смысле слова, внимательный к силовым, конфликтным взаимодействиям в художественном объекте, а иногда и как стихийный феноменолог, исследующий восприятие человеком собственного тела и его проекции на внешние образы. Постоянным элементом этих работ является динамический подход к визуальному образу, причем это не диахроническая динамика эволюции, а статическая динамика конфликта и напряжения сил, которой образуется эстетический объект.

Ключевые слова: Якобсон, визуальность, методология, структурализм, формализм.

Роман Якобсон был филологом, работал почти исключительно с языковыми фактами – текстами, произведениями литературы и фольклора. У него нет научных трудов о визуальном искусстве как таковом. Тем не менее специфика визуальных знаковых систем не раз затрагивается в теоретических трудах Якобсона, а в некоторых статьях сделана попытка проблематизировать взаимодействие словесных и зрительных искусств. Среди собственно научных его работ таких статей имеется две¹, теоретический комментарий к которым и будет предложен ниже.

Якобсон ощущает визуальность как конфликтное, неуживчивое начало культуры. Визуальные искусства испытывают давление со стороны словесной культуры, которое иногда касается отдельных направлений в этих искусствах, а иногда их статуса вообще; с другой стороны, визуальное искусство, особенно авангардное,

само вступает в силовые отношения с собственным предметом. В ранней – еще не научной, а критической – статье 1920 г. «Новое искусство на Западе (Письмо из Ревеля)» Якобсон, говоря об экспрессионизме в живописи, дважды сочувственно цитирует книгу Ф. Ландсбергера, отмечающего «момент борьбы художника с предметом восприятия», «насилие творца над природой»²; это, конечно, характерно «формалистическое» представление об искусстве как деформации. Формализм изучает динамику художественного акта, авангард осуществляет ее на практике, отсюда его боевитость. В той же маленькой статье Якобсон не забывает упомянуть и об обратном давлении, которому подвергается сам живописный авангард, – о «белогвардейской травле против нового искусства», развернутой, в частности, «маститым Репиным»³.

Сорок с лишним лет спустя Якобсон возвращается к последнему феномену уже в строго научном контексте. В 1964 г. выходит его статья, существующая на английском языке в двух версиях и под несколько различными названиями – «Зрительные и слуховые знаки» и «О соотношении зрительных и слуховых знаков»⁴. Первая из них начинается со следующей постановки вопроса:

Почему беспредметная, неизобразительная, абстрактная живопись или скульптура до сих пор вызывают яростные нападки, презрение, насмешки, поношение, оторопь, иногда даже запрет, тогда как в многовековой истории музыки призывы к подражанию внешней реальности составляют исключение?⁵

В другой версии статьи Якобсон поясняет, что именно послужило поводом к его наблюдению: это знаменитое выступление Н.С. Хрущева по поводу художественной выставки в Манеже в декабре 1962 г. Консервативные силы продолжают травить авангардное, деформирующее реальность искусство, правда в роли таких сил выступают теперь уже не «белогвардейцы», а руководитель КПСС.

Итак, чистая визуальность авангардной живописи, не поддерживаемая в достаточной мере изображением опознаваемых фигур и выражением определенных смыслов, вызывает непонимание и враждебность. Чтобы выяснить причину этого, Якобсон предпринимает общий сравнительный анализ звуковых и зрительных знаков – например, как в только что процитированной фразе, живописно-скульптурных и музыкальных. Он вспоминает старую, 1929 г., статью русского младоформалиста Марка Аронсона, опубликованную по-немецки в Праге и анализировавшую результаты

опытов на Ленинградском радио по опознанию слушателями бытовых шумов⁶. Оказывается, человек плохо распознает эти шумы в отсутствие каких-либо знаковых пояснений, в то время как мы обычно легко распознаем зрительные изображения – фотографии, кинокадры и т. д. Аронсон делал отсюда общий вывод, что «мы живем скорее зрением, чем слухом» (*Wir leben mehr mit der Sehkraft als mit dem Gehör*)⁷. Якобсон уточняет это слишком широкое утверждение с точки зрения семиотики, различая разные типы знаков:

...вывод Аронсона о преобладании зрения над слухом в нашей культурной жизни справедлив только для индексов и иконических знаков, но не для символов⁸.

Разумеется, оппозиция символов и иконических знаков по Пирсу не эквивалентна оппозиции знаков слуховых и визуальных: существуют слуховые иконические знаки (звукоподражания) и визуальные знаки-символы (например, буквы алфавита). Однако условные знаки-символы изначально возникают – по крайней мере в естественном языке – именно в звуковой форме, как устная речь. Письменная же (визуальная) коммуникация, существующая не во всех языках, образует своего рода «надстройку», «паразитическое образование» над универсальным феноменом устной речи⁹. Для символических знаковых систем, таких как язык, наиболее органично именно слуховое, а не зрительное восприятие, т. е. временное, а не пространственное¹⁰.

Действительно, материальную оппозицию двух органов восприятия (зрения и слуха) Якобсон предлагает заменить более абстрактной концептуальной парой, восходящей к Лессингу и различающей пространственные и временные, симультанные и сукцессивные искусства¹¹. Он отвлекается от существования синтетических искусств – театра и кино, которые по обоим параметрам имеют комбинированный характер: пространственно-временной и (в большинстве случаев, кроме абсолютно немого кино и чисто мимического театра, лишенных всякого звукового сопровождения) зрительно-слуховой. Даже приводя в качестве примера абстрактные кинофильмы, Якобсон рассматривает их как сугубо визуальные произведения, не принимая в расчет обыкновенно сопровождающую их фонограмму.

В таком контексте следует понимать и объяснение, даваемое им преимуществу временных, сукцессивных систем над пространственно-симультанными: сукцессивные системы более *структурированы*, чем симультанные.

Словесная или музыкальная синтагма, когда нам нужно ее произвести, проследить или запомнить, выполняет два основополагающих требования: она являет собой устойчиво иерархическую структуру и может быть разложена на минимальные, дискретные, точно определенные компоненты <...>. Подобных компонентов нет в основе зрительных знаковых объектов, а если в них и появляются иерархические построения, то они не бывают ни обязательными, ни систематическими. Именно отсутствие этих двух свойств раздражает и быстро утомляет нас, когда мы смотрим абстрактный фильм, и подавляет наши способности к восприятию и запоминанию¹².

Яacobсон сравнивает зрительные системы со звуковыми (речью или музыкой), но, как мы помним, не по их материально-физическому отношению с реципиентом, а по их структуре. Его объяснение требует комментариев, так как в нем соединены два независимых, вообще говоря, признака: иерархическая организация структуры, т. е. наличие в ней разных уровней, и дискретная природа составляющих ее элементов. Эти признаки и по отдельности не абсолютно распределяются по двум типам систем: структура устно-речевой синтагмы (как, впрочем, и ее визуального эквивалента – письма) безусловно дискретна, но это не всегда можно сказать о синтагме музыкальной: существуют формы чисто мелодической музыки со свободным, слабо выраженным ритмом, где мелодия развивается континуально; таковы, например, некоторые традиционные формы церковного пения¹³. Что же касается иерархической структуры уровней, то она встречается в большинстве произведений живописи или фотографии, где имеется несколько иерархически соотношенных знаковых уровней: фигуры, их пространственный синтаксис, супрасегментные элементы вроде фактуры и окраски фона и т. д.

Оттого загадочным представляется приводимый Яacobсоном аргумент о семиотической недоброкачественности абстрактного фильма: такой фильм, как сказано выше, плохо поддается восприятию и запоминанию из-за отсутствия в нем двух указанных признаков – дискретности и иерархической структуры. Однако, по мысли самого Яacobсона, эти признаки отсутствуют во *всех* симультанно-пространственных знаковых системах, включая живопись; между тем в другой версии своего текста Яacobсон специально оговаривает различие в восприятии абстрактного фильма и абстрактной живописи:

Позвольте мне поделиться своим личным опытом абстрактных кинофильмов. Хотя я принадлежал к ярким и активным приверженцам абстрактной живописи с самых первых шагов, делавшихся в этом на-

правлении в России (у Кандинского, Ларионова, Малевича, Байдина, Романовича, Родченко), я чувствую себя совершенно обессиленным после пяти- или десятиминутного просмотра таких фильмов, и я слышал много сходных свидетельств от других людей¹⁴.

Получается, что абстрактное кино раздражает зрителя (включая столь искушенного ценителя, как Якобсон) не столько своей визуальной симультанностью, которую оно разделяет с «доброкачественной» абстрактной живописью, сколько своей... сукцессивностью, т. е. временной сменой кадров и образов. При этом признаки абстрактности (несемантичности) и сукцессивности у него общие также и с заумной поэзией, которую Якобсон тоже ценил, хотя и не упоминает о ней в данном рассуждении. В итоге получается сложная и трудно упорядочиваемая система признаков, где некоторые показатели сомнительны (иерархична ли музыкальная структура?)¹⁵, а ряд других неоднозначны (и да, и нет):

	Зритель- ное	Слухо- вое	Симуль- танное	Сукцес- сивное	Иерар- хичное	Дискрет- ное	Осмыс- ленное
Музыка	-	+	-	+	?	+/-	+/-
Осмысленная речь	-	+	-	+	+	+	+
Заумная речь	-	+	-	+	+	+	-
Осмысленное письмо	+	-	-	+	+	+	+
Заумное письмо	+	-	-	+	+	+	-
Фигуративная живопись (фотография)	+	-	+	-	+	+/-	+
Абстрактная живопись (фотография)	+	-	+	-	+/-	+/-	-
Фигуративное кино	+	+/-	+	+	+	+/-	+
Абстрактное кино	+	+/-	+	+	+/-	+/-	-

Возможно, под дискретностью и иерархичностью, которых недостает в зрительных системах, Яacobсон подразумевал двойное членение означающего, описанное Андре Мартине для естественного языка¹⁶. По Мартине, в языке присутствуют единицы двух уровней – смысловые (морфемы, лексемы), каждая из которых обладает собственным значением, и смысловоразличительные (фонемы), которые сами по себе не значат ничего, но служат для различения других, значащих единиц. При этом лингвист Мартине имел в виду как само собой разумеющееся, что единицы и первого и второго уровня дискретны. В визуальных же знаковых системах, по-видимому, имеется только один уровень дискретного членения – смысловое членение (а может не быть и его, как в некоторых видах абстрактного искусства).

Некоторые элементы изображения (прежде всего фигуры) могут обладать символическим значением – Яacobсон называет это «визуальной семантикой» – и в силу этого дискретны, а вот смысловоразличительные, как правило, не значимые сами по себе (линии, тени, цветовые пятна) воспринимаются зрителем скорее как континуальные, даже когда они видимым образом состоят из технически отдельных пространственных сегментов (мазков в классической живописи, точек в пуантилизме, зерен и пикселей в фотографии)¹⁷. В зрительском восприятии они непрерывно переходят друг в друга, там же, где эта непрерывность прерывается, образуются фигуры, относящиеся уже (хотя бы потенциально) к смысловым единицам¹⁸. Итак, означаемое в зрительной синтагме действительно не полностью разлагается на дискретные элементы (остаются значительные зоны континуального перехода). Оно также не всегда разделяется на два иерархических уровня и не может образовать устойчивой иерархической структуры с планом содержания, так как невозможна однозначная корреляция элементов разных уровней. Разумеется, такая гипотеза нуждается в проверке, и нет даже уверенности, что именно ее имел в виду Яacobсон, который не ссылается на книгу Мартине, хотя должен был уже знать ее в 1964 г.

Итак, отправляясь в своем анализе соотношения зрительных и слуховых систем от строгих структурно-семиотических категорий, Яacobсон оказывается перед лицом запутанных соотношений между разными категориями и признаками, идущими от разных научных традиций и трудно сводимыми в единую концепцию. Свой структуральный метод он пытается обосновать нейропсихологией А.Р. Лурия¹⁹, которая вслед за Сеченовым различает сукцессивный и симультанный синтез восприятий и применима к любым восприятиям – не только знаковым и даже не только слуховым или зри-

тельным. Наконец, для оценки семиотической «полноценности» знаковых систем Якобсон использует, в духе формализма 20-х годов, острабяющий, деформирующий опыт *неудовольствия* от чисто визуального, неиерархического художественного зрелища. Начав свое рассуждение с рецептивного эксперимента, проанализированного М. Аронсоном (распознавания шумов), он заканчивает его своим собственным рецептивным экспериментом – просмотром абстрактных фильмов.

Вернемся теперь хронологически назад, к хорошо известной статье Якобсона «Статуя в поэтической мифологии Пушкина», впервые опубликованной по-чешски в 1937 г. В ней ученый не просто разбирает общие различия вербальных и визуальных знаковых систем, но показывает их конкретное взаимодействие в художественных текстах – прежде всего в таких произведениях Пушкина, как «Каменный гость», «Медный всадник» и «Сказка о золотом петушке». Первый его исследовательский жест и здесь вполне структуралистский: он вычленяет в этих текстах структурные инварианты. Так, в их названиях содержатся эпитет, отсылающий к мертвой материи, и определяемое слово, обозначающее живое существо. Еще важнее инвариантная структура их «сюжетного ядра», которую есть большой соблазн назвать схемой Эдипова комплекса, хотя Якобсон, описывая ее, не ссылается на Фрейда:

1. Усталый, смирившийся человек мечтает о покое, и этот мотив переплетается со стремлением к женщине. <...> 2. Статуя, вернее существо, неразрывно связанное с этой статуей, обладает сверхъестественной, непостижимой властью над желанной женщиной. <...> 3. После безуспешного бунта человек гибнет в результате вмешательства статуи, которая чудесным образом приходит в движение; женщины исчезает²⁰.

Однако в приложении к конкретному материалу структуралистский замысел усложняется и деформируется, используемые понятия отклоняются от структуральной концепции знака.

Как писал Якобсон в начале статьи, целью его структурного анализа является «овладеть символикой поэта <...> обнаружить те постоянные символы, из которых складывается мифология этого поэта»²¹. Мифология, в таком понимании, складывается не из повествовательных синтагм, а из символов, которые в принципе могут и не иметь никакой повествовательной разработки. Такое воззрение было типичным для эстетической мысли конца XIX – начала XX в., т. е. эпохи, сформировавшей Якобсона как ученого, тогда как

в XX столетии действует тенденция к ренарративизации понятия мифа, рассматриваемого как повествование, а не как статичный символ; крупнейшим представителем этого научного направления был Клод Леви-Стросс, с которым Яacobсон познакомился через несколько лет после написания своей статьи. Пока же он отдает предпочтение символическому пониманию мифа и вообще осуществляет редукцию повествовательности в изучаемых им текстах²². Повествовательной моделью он пользуется главным образом в связи с биографией самого Пушкина, в которую включены произведения с мотивом оживающей губительной статуи. Этот биографический нарратив различает три версии мифа, связывая первую из них со страхом Пушкина перед женьбой (после сватовства к Наталье Гончаровой в 1829 г.), вторую – с его «капитуляцией»²³ перед царской властью в 30-е годы, а третью – с ироническим преодолением трагизма в последней «Сказке о золотом петушке». Напротив, в анализе сюжетного инварианта нарратологический аспект почти отсутствует: биографию поэта Яacobсон разворачивает, а сюжет его произведений – свертывает. Изучая повествовательные тексты, он выделяет в них структуры, но не повествовательные, а символические.

Сюжеты об оживающей статуе заключают в себе проблему интрадигетического образа, т. е. визуального образа как «действующего лица» (актанта) в повествовании. В своем анализе Яacobсон опирается не на нарратологию, а на общую семиотику, в частности на понятие метаязыка, к которому отсылает его выражение «знак знака»:

Статуя, стихотворение и вообще любое художественное произведение представляют собой особого рода знак. Стихотворение о статуе является, следовательно, знаком знака или *образом образа*²⁴.

Из этого отождествления знака с образом ясно, что знак понимается Яacobсоном не как соотношение нематериальных означающего и означаемого (по Соссюру), а как материальный знак, соотношенный с материальным же референтом (каковой единственно и может отображаться в образе). Именно в такой концептуальной системе координат трактуется и сюжет об оживающей статуе – он, по Яacobсону, заключается в «овеществлении» знака: знак становится референтом, образ превращается в реальное действующее лицо. Такое овеществление может происходить условно в некоторых видах классического экфрасиса, а у Пушкина оно становится сюжетным событием, происходящим в отношениях между знаком и референтом: «внутренний

дуализм знака снимается, неизбежно исчезает и противоречие знака и обозначаемого объекта – *знак овеществляется*»²⁵.

Природу такого события Якобсон описывает с помощью понятия *антиномии*.

Преобразование знака в тематический компонент принадлежит к числу излюбленных формальных приемов Пушкина, и это обычно сопровождается обнаженными и подчеркнутыми внутренними противоречиями (*антиномиями*), которые составляют необходимую, существенную основу любого семиотического мира²⁶.

Это понятие антиномии любопытно своей непроясненностью и многозначностью. В нем скрывается несколько разных значений, которые все выводят за рамки классического структурализма к иным моделям и методам мышления.

Иногда Якобсон подразумевает под антиномией само «отношение знака к обозначаемому объекту, и в особенности отношение изображения к изображаемому объекту, их одновременное тождество и различие». Эта «одна из наиболее драматичных семиотических антиномий»²⁷, самая общая и абстрактная из всех, выводится из вековых споров об иконоборстве, из традиций православной религии и, в позднейшие времена, из дискуссий о художественном реализме.

В других случаях та же антиномия трактуется конкретнее, как противопоставление между тематическим значением знакового объекта и ситуацией, в которой он предъявляется: например, статуя *изображает* Петра Первого, но по ходу действия она *сходит с пьедестала и преследует* героя «Медного всадника». «Таким образом явно подчеркивается коренное различие между двумя необходимыми компонентами языкового выражения – его темой и описываемой ситуацией»²⁸. Это различие темы и ситуации заставляет вспомнить книгу П.Н. Медведева «Формальный метод в литературоведении», особенно его главу о жанре, где сделана попытка определить данное понятие в рамках «социологической поэтики». Жанр, по Медведеву, характеризуется его «двойной ориентацией»²⁹, т. е. именно этими двумя параметрами: тематикой произведения (тем, о чем в нем говорится) и ситуацией, где оно произносится, публикуется, доводится до воспринимающего. Фантастическая оживающая статуя функционально аналогична реальным речевым и литературным жанрам.

Здесь Якобсон несомненно отходит от структурального метода, так как тема и ситуация – элементы неоднородные (они, вооб-

ще говоря, принадлежат разным мирам: ситуация всегда реальна и актуальна, тогда как тема может быть вымышленной и очень далекой от мира, где происходит высказывание); кроме того, по яacobсоновскому пониманию знака они оба внеположны знаковой системе (тема – это не сосюроевское внутризнаковое «означаемое», а внезнаковый референт) и поэтому не могут быть элементами одной знаковой структуры. Чувствуя это, Яacobсон пытается свети свою «антиномию» к обычным семантическим оппозициям – например, к оппозициям подвижное/неподвижное или живое/мертвое, которые он прослеживает в разных текстах Пушкина, содержащих мотив статуи³⁰; однако интеллектуальное богатство его работы сильнее всего проявляется в тех местах, где он трактует свою «антиномию» в иных, не-семиотических рамках. Таковы некоторые второстепенные примеры из его статьи, которые не связаны с заглавным мотивом оживающей статуи, но в которых работает аналогичный эффект. Яacobсон приводит в качестве примера «антиномии» то, что сегодня уместно будет определить как *иллокутивное противоречие*, противоречие между смыслом высказывания и речевым актом, который совершается этим самым высказыванием. В «Египетских ночах» Пушкина поэт-импровизатор сочиняет стихи на заданный его слушателем сюжет: «Поэт сам избирает предметы для своих песен; толпа не имеет права управлять его вдохновением», т. е. «идейное содержание» стихотворения прямо опровергается фактом его создания и произнесения, акт высказывания противоречит высказыванию. В «Каменном госте» Дон Гуан говорит, что он «страдает в безмолвии», на что Дона Анна справедливо возражает: «И так-то вы молчите?» – имея в виду, что высказывание «я молчу» идет вразрез с событием речи. В 1937 г. Яacobсон, конечно, не мог говорить об иллокуции, так как теория речевых актов еще не была создана ни в философии, ни в лингвистике, поэтому иллокутивное противоречие пушкинского героя он трактует грамматически, как «противоречие между первым лицом как говорящим и первым лицом как предметом речи»³¹. Между тем это его беглое, терминологически не оформленное замечание о речевом акте существенно для общего вопроса о различии между словесными и визуальными знаковыми системами. В языковой деятельности речевые акты происходят потому, что она развивается во времени, представляет собой именно *деятельность*, тогда как трудно вообразить нечто аналогичное речевому акту в визуальном искусстве, особенно статичном и чисто пространственном, как живопись или скульптура, не переживаемые зрителем как активность. Невозможность иллокуции – это еще один семиотический

дефицит (подобный отсутствию иерархии и дискретных единиц), свойственный визуальным знаковым практикам; Якобсон лишь коснулся его, но не разработал дальше.

Еще одно понимание «антиномии» содержится в его анализе пушкинского стихотворения «Мирская власть». В этих стихах, пишет он, «намеренно стирается граница между распятием, изображенным на картине Брюллова, и часовыми, охраняющими эту картину»³²:

Мы зрим – поставлено на место жен святых
В ружье и кивере два грозных часовых.

В современных категориях поэтики такой эффект называется металеписсом – внезапным переходом из внутритекстового во вне-текстовое пространство или наоборот. В отличие от иллюзии металеписс не специфичен для языковой деятельности, он встречается и в визуальных произведениях (например, в хорошо известных зеркальных эффектах, позволяющих ввести фигуру автора и/или зрителя в воображаемое пространство картины или фотографии). В данном же случае металептический эффект имеет место на границе словесного и визуального (стихи Пушкина / картина Брюллова), это тоже один из параметров, описывающих статус зрительного объекта в словесной, текстуальной среде, и Якобсон усматривает в нем аналогию с сюжетами об оживающей статуе. Действительно, в таких сюжетах роль персонажей реального мира (часовых, охраняющих ценную картину) играют воображаемые действующие лица, окружающие знаковый объект (зрительный образ, статую) и взаимодействующие с ним, находясь одновременно и вне и внутри ее семиотического мира.

Наконец, последнее понимание «антиномии» встречается у Якобсона в связи с письмом Пушкина жене 1834 г., где речь идет о работе поэта над «Историей Петра»:

«Скопляю матерьялы – привожу в порядок – и вдруг вылью медный памятник, которого нельзя будет перетаскивать с одного конца города на другой, с площади на площадь, из переулка в переулок».

«Здесь, несомненно, – комментирует Якобсон, – речь идет о словесном памятнике, не зависящем от местоположения в отличие от статуи»³³. Чуть ниже он продолжает, связывая эту шутливую эпистолярную фразу Пушкина с его написанным двумя годами позже знаменитым стихотворением:

...церковнославянский эпитет *нерукотворный* (acheiropoietos) был использован и переосмыслен Пушкиным в его стихотворении, написанном 21 августа 1836 г., «Elegi monumentum», для описания своего собственного памятника, созданного поэтическим словом, чья «непокорная глава» затмевает Александровскую колонну <...>, самое высокое сооружение подобного рода в пушкинское время. Так logos (слово) побеждает eidolon (кумир) и кумиропоклонство³⁴.

В данном примере визуальное и вербальное искусство различаются по очень любопытному (и, конечно, не структурно-семиотическому) параметру – *помещенности* или *непомещенности* человеческого тела. Визуальный, например медный, памятник имеет место в пространстве, а «нерукотворный» словесный памятник такого места не имеет – и именно по этой причине его нельзя и передвигать, таскать «с площади на площадь, из переулка в переулок». Визуальный знак или образ закрепляет в определенном (пусть даже переменном) месте спроецированное на него тело самого поэта или того, кто воспринимает произведение, он образует их овеществленное инобытие. Заметим, что такое механическое перемещение мертвого тела упоминается и в стихотворении Пушкина «К вельможе», в словах о прахе Вольтера, который, «не успокоившись и в гробовом жилище, // Доныне странствует с кладбища на кладбище». Иначе обстоит дело с образом вербальным, лишенным места и свободным от омертвляющей материальности; причем перед нами не *семантика* мертвого и живого, упоминавшаяся Яacobсоном в другом месте его статьи, а *действительно* переживаемое субъектом овеществление и развеществление его тела. Яacobсоновский анализ завершается замечанием о преодолении кумира словом, т. е. не просто о таксономическом разграничении двух видов знаковых объектов, но о *борьбе* одного с другим. Такая же борьба происходит и в пушкинском мифе об оживающей статуе, и Яacobсон нащупывает подходы к ней с разных сторон. Не все эти подходы в равной мере разработаны им, но все они интересны для современной рефлексии.

Итак, работы Яacobсона по визуальной семиотике интересны сложностью, вариативностью применяемого метода. Обращаясь к проблемам визуальности, исследователь отходит от структурализма, выступая порой как формалист в опоязовском смысле слова, внимательный к силовым, конфликтным взаимодействиям в художественном объекте, а иногда и как стихийный, не вполне сознательный феноменолог, исследующий восприятие человеком собственного тела и его проекции на внешние образы. Постоянным

элементом этих методологических вариаций является динамический подход к визуальному образу – причем это не диахроническая динамика эволюции, а статическая динамика конфликта и напряжения сил, которой образуется эстетический объект. Якобсона интересует скорее устройство конкретных знаковых объектов (художественных произведений), чем развитие культуры в целом.

В его подступах к визуальной семиотике наглядно – почти как сам зрительный образ! – видны трудность и продуктивность проблемы визуальности для разработки общей теории культурных объектов. Структурная семиотика и поэтика, сталкиваясь с визуальным образом, обнаруживает собственные границы и уступает место другим способам рассмотрения смысловой деятельности.

Примечания

- ¹ В качестве третьего такого текста можно назвать статью Якобсона «О стихотворном [verbal] искусстве Уильяма Блейка и других поэтов-художников» (1970). Однако в ней сопоставление поэзии с живописью сводится к общим для них законам композиционной симметрии, т. е. вопрос о *взаимодействии* двух искусств не поставлен. Этот текст не будет использоваться в дальнейшем изложении.
- ² Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 424–425.
- ³ Там же. С. 425.
- ⁴ Jakobson R. Selected Writings. Vol. 2. The Hague; P.: Mouton, 1971. P. 334–337 (“Visual and Auditory Signs”), 339–344 (“On the Relation between Visual and Auditory Signs”, заключительные замечания на симпозиуме о моделях восприятия речи и визуальных форм, Бостон, октябрь 1964 г.). Эти два текста различаются по объему и изложению, но в основном близки по концептуальному содержанию. В дальнейшем они будут рассматриваться параллельно как варианты одной работы.
- ⁵ Ibid. P. 334.
- ⁶ Aronson M. Radiofilme // Slavische Rundschau. 1929. № 1. Об этом пражском журнале, членом редколлегии которого был сам Якобсон, см.: Автономова Н.С. Журнал «Славянское обозрение» – форма самоутверждения «русской теории»? // Русская теория. 1920–1930-е годы. М.: РГГУ, 2004. С. 81–102.
- ⁷ Jakobson R. Selected Writings. Vol. 2. P. 335.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Ibid. P. 340.
- ¹⁰ Якобсон, впрочем, предостерегает от отождествления временного устройства слуховых знаковых систем с линейностью: в устной речи имеется не только

- линейная синтагматическая ось, но и «иерархическое устройство любой синтаксической конструкции» (Ibid. P. 336), т. е. элементы двумерного пространства.
- ¹¹ «В зрительных знаках первенством обладает пространственное измерение, тогда как в слуховых знаках – временное. Слуховые знаки действуют во временной последовательности» (Ibid. P. 341).
- ¹² Ibid.
- ¹³ Отдельный вопрос, не затрагиваемый в рассуждении Якобсона, где речь идет только об устройстве знаковой *синтагмы*, – это дискретная или континуальная *парадигматика* знаковых систем. По-видимому, требование парадигматической дискретности также не всегда соблюдается в музыке: во всяком случае, в современном искусстве именно к эффекту парадигматической континуальности стремится хроматическая, додекафоническая музыка.
- ¹⁴ *Jakobson R. Selected Writings. Vol. 2. P. 341–342.*
- ¹⁵ В музыке, безусловно, есть разные уровни – например, мелодия и ритм; но они вряд ли иерархичны, так как единицы одного не складываются из единиц другого.
- ¹⁶ *Martinet A. Éléments de linguistique générale. P.: Armand Colin, 1960.*
- ¹⁷ О континуальности зрительных знаков-образов уже после Якобсона неоднократно писал Ю.М. Лотман.
- ¹⁸ Потенциальная семантичность визуальных фигур актуализируется или нет в зависимости от общего контекста. Квадрат или круг в абстрактной композиции если что-то и «значат», то только «форму квадрата» или «форму круга»; а вот другая простая геометрическая фигура – крест – в некоторых случаях может быть еще и христианским символом.
- ¹⁹ *Лурия А.Р. Мозг человека и психические процессы. М.: Педагогика, 1963.*
- ²⁰ *Якобсон Р.О. Работы по поэтике. С. 148–149.*
- ²¹ Там же. С. 146. В этой статье Якобсона «символ» понимается не в пирсовском смысле «условного знака» (как в рассмотренной выше работе 1964 г.), а в более расхожем «литературном» значении, как многосмысленный знак, подлежащий тщательной и продуктивной интерпретации.
- ²² Г.А. Левинтон при обсуждении данной работы справедливо уточнил, что символический подход применяется Якобсоном к *индивидуальному* мифу Пушкина, который отличен по природе от коллективных мифов древности.
- ²³ *Якобсон Р.О. Работы по поэтике. С. 154.*
- ²⁴ Там же. С. 166.
- ²⁵ Там же. С. 167.
- ²⁶ Там же. С. 166.
- ²⁷ Там же. С. 170.
- ²⁸ Там же. С. 166.
- ²⁹ *Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении. М.: Лабиринт, 2003 [1928]. С. 142.*
- ³⁰ «...неподвижная статуя подвижного существа понимается либо как движущаяся статуя, либо как статуя неподвижного существа» (Якобсон Р.О. Работы по

поэтике. С. 168). Ср. «явственную антиномию между изображением и изображаемым объектом», проявляющуюся, в частности, в «противопоставлении безжизненной, неподвижной массы, из которой вылеплена статуя, и подвижного, одухотворенного существа, которое статуя изображает» (Там же. С. 166–167).

³¹ Там же. С. 166.

³² Там же. С. 168.

³³ Там же. С. 164. Говоря о «перетаскивании» медного памятника, Пушкин, по-видимому, намекал на памятную обоим супругам и упомянутую Якобсоном выше (Там же. С. 157) историю с «медной бабушкой» – большой статуей Екатерины II, которую дед Натальи Гончаровой собирался продать в 1830 г., собирая внучке приданое.

³⁴ Там же. С. 164.

Т.Д. Венедиктова

РАЗГОВОР РОМАНА ОСИПОВИЧА ЯКОБСОНА С «ВОРОНОМ»

В статье рассматривается работа Р. Якобсона «Язык в действии» (1949), интересная с точки зрения становящегося в ней представления о коммуникации как о «многосложном», полифункциональном процессе, в котором передача человеческого опыта обеспечивается косвенностью речи. Интерес представляет выбор объекта анализа («Ворон» Э.А. По), его интерпретация, использование фигуры американского поэта-аналитика в качестве имплицитруемой ролевой модели.

Ключевые слова: коммуникация, поэтическая функция, перформативное использование языка.

«Как поэт и математик, он должен обладать способностью к логическим рассуждениям, а будь он всего только математиком, он вовсе не умел бы рассуждать логически...»

Э.А. По. Похищенное письмо

«Вы, значит, не верите Якобсону? А я верю...»

*Реплика из дискуссии по докладу,
ставшему основой данной работы*

Роман Якобсон был неравнодушен к творчеству Эдгара Аллана По и к разбору строф из «Ворона» обращался не раз, приводя их как образец доминирования в речи поэтической функции, ярко выраженной связи звучания и значения (хрестоматийный пример – в статье «Лингвистика и поэтика»). Демонстрация получалась *более чем наглядной* и «чуть-чуть слишком очевидной», как выражался хитрый сыщик Дюпен в «Похищенном письме» применительно к ситуации, где под проблемой явной может скрываться

невидимая для поверхностного взгляда многослойность. С одной стороны, только глухой не расслышит в стихах По звукового символизма, – традиционно именно он пленяет широкого читателя и вызывает скептические реакции знатоков (Т.С. Элиот, например, на этом основании сравнивал По с вульгарным нуворишем, назавшим на каждый палец по богатому перстню). С другой стороны, яacobсоновская трактовка лингвистического факта нередко заключала в себе прекрасную избыточность, подразумевая более широкий круг проблем. Исследовательский импульс обычно по-разному воплощается в строго научном и в философско-поэтическом тексте, но... к какому дискурсу скорее принадлежит такая, например, формулировка: «В “Вороне” мы напрямую соприкасаемся с таинственностью идеи, воплощенной в материи звука, с тайной слова, лингвистического знака, Логоса, – тайной, требующей прояснения»?¹

Динамика мысли, ищущей, становящейся, чуткой к возможностям прорыва на новые территории, ощутима в небольшой работе под названием «Язык в действии» («Language in Operation»)². Она была написана в 1949 г. и предполагалась как введение к несостоявшейся в итоге книге «Звук и смысл»; впервые была опубликована по-французски в 1964 г. в сборнике памяти А. Койре. С учетом исходного предназначения статьи несколько странной кажется ее сосредоточенность на единственном стихотворении. Сам по себе разбор текста, разумеется, великолепно профессионален, но дисциплинарная его «приписка» определяется с трудом³. Привлекается литературный контекст, ссылки на рукописные варианты, переписку и эссеистическую прозу По, биографические и критические работы о нем, – но вряд ли анализ можно назвать историко- или теоретико-литературным. Но и последовательно лингвистическим – при всей впечатляющей виртуозности работы со звуковым и семантическим составом текста – его тоже не назовешь. Узость предметной фокусировки оборачивается проблемой широтой. *Как будто* речь идет о По – буквально, от первой строки (эпиграфом служит цитата из «Ворона») до последней (заключительная авторская фраза завершается опять-таки цитатой из «Философии творчества»). Однако в небуквальном, но более весомом смысле речь – о другом. Разбор поэтической техники, утверждает сам автор, если не на первой, то на второй странице, служит поводом к размышлениям о природе человеческой коммуникации.

Коммуникация, по Яacobсону, становится проблемой в той мере, в какой начинает пониматься как нечто иное, чем перенос

некоторого объема информации от адресанта к адресату, – как «нечто совсем непохожее на банальную модель речевой цепочки, графически представляемую в учебниках: А и Б разговаривают лицом к лицу, так что воображаемая дуга исходит из мозга А через рот, чтобы попасть через ухо в мозг Б, и оттуда через его рот обратно в ухо и мозг А» (51). Собственную работу Якобсон характеризует как «исследовательскую вылазку в самое сердце речевой коммуникации» (61), для чего поэзия избирается как наиболее подходящий и благодарный материал. Своеобразие поэтического творчества По опять-таки связывается с его особой отвагой и дерзостью в коммуникативном эксперименте.

Важно учесть, что все это пишется в пору, когда в ходу относительно простые семиотические модели коммуникации, безразличные к литературе и эстетике, а в англо-американском формализме, так называемой «новой критике», безраздельно господствует сильное убеждение в том, что поэзия и коммуникация – вещи несовместные. Авторитетнейший А. Тейт, тоже, кстати, знаток творчества По, с пафосом утверждал, что использование поэзии для «передачи идей и чувств» есть нелепое заблуждение, нередко благонамеренно-наивное в своем происхождении, но в целом пагубное для искусства. Средством коммуникации может выступать лишь язык общий, массовый, т. е. непоэтический и антипоэтический: его пользователей интересует трансляция стереотипных представлений и «аффективных состояний», отнюдь не их интеллектуализация посредством рефлексии, не привнесение в них порядка и формы посредством слова, – с чего, собственно, и начинается искусство⁴. На этом фоне предлагаемая Якобсоном постановка научной задачи – исследовать тайну коммуникации через тайну поэзии (а ее самое через природу взаимодействия звука и смысла) – не могла не выглядеть полемично. Он, впрочем, не подчеркивает это, а просто постулирует вслед за По: «цель должно достигать средствами наиболее пригодными для ее достижения». В данном случае средство – поэзия, а цель – построение общей и адекватной сложности предмета теории коммуникации.

По ходу предпринимаемой «исследовательской вылазки» читатель получает целую россыпь наблюдений, ассоциаций, продуктивных гипотез, но... выводы нигде не формулируются в явном виде, а в той мере, в какой формулируются, сводятся к общим положениям о том, что коммуникация – сложно устроенный процесс, определяемый многофункциональностью и глубинной двойственностью (*underlyingduality*) и сопровожда-

емый разного рода «напряжениями» (tensions) между ожидаемым и неожиданным, предска­зуемостью и неопределенностью, единством и вариативностью, постоянством и изменчивостью и др. Загадочность изучаемого явления, таким образом, не снижается, а даже усугубляется предпринятым анализом. Это отчасти оправдано тем, что последняя страница статьи должна (была) оставить нас у начала большой книги, – разведывательная прогулка или бросок (еще и так можно перевести слова *exploratoryally*) могла лишь предварить полномасштабную операцию по завоеванию смысла. Масштаб операции, впрочем, таков, что – не втиснуть ни в очень объемный, ни даже в пожизненный труд.

Можно предположить, что базовую риторическую стратегию Якобсон «заимствует» у По: тот выступает и объектом исследовательского внимания, и собеседником, а в чем-то и ролевой моделью. В «Вороне» герой формулировал все более обширные и важные для себя вопросы в расчете на заранее известный ответ, таким образом снова и снова сдвигая контексты интерпретации, а заодно и значения повторяющегося слова «Nevermore». Так и в статье Якобсона любимая идея о преобладании в поэзии поэтической функции повторяется несколько раз, но повтор важен не сам по себе, а в связи с вопросами о природе коммуникации, знания, творчества, человеческой субъективности, которые имплицитно, трактуются косвенно. В статье, как и в стихотворении, возникает богатый эффект внутреннего диалога, двойного течения смысла, суггестивности, неопределенности и даже неожиданности вновь возникающих контекстов и подтекстов. Всего этого в строго научном тексте мы обычно не предполагаем и в общем имеем право проигнорировать. Например, редакторы англоязычного сборника, в который включена интересующая нас статья, ее основное содержание резюмировали, ориентируясь именно на «верхний» смысловой слой: «Статья... исследует тесную взаимосвязь звука и значения, которой определяется целостность поэтического сочинения. В анализе “Ворона” Э.А. По раскрывается важность рефрена “Nevermore”, определяющего для звуковой текстуры и тематики стихотворения, что поддерживается собственным свидетельством поэта о его сочинении»⁵. С этим кратким изложением трудно спорить, но нас в яacobсовском тексте будет интересовать не «что», а «как» – форма, стилистика изложения. Именно они, как кажется, приоткрывают дверь в лабораторию мысли, в которой мы и попробуем оглядеться по мере сил.

Лингвист «в поле»:
объект находит исследователя

Завязка размышления над текстом По происходит в знаменательное отсутствие того, с чем «нормальный лингвист» привык работать: текста в рукописной или печатной версии, книги, буквы. Статья начинается в манере бытового рассказа: «Недавно в поезде я случайно услышал обрывок разговора. Мужчина говорил молодой женщине: “Тут по радио давали ‘Ворона’. Старую запись одного лондонского актера, который давно уж умер. Слышали б вы его *Nevermore*”».

Читатель, помнящий знаменитое стихотворение (о нем уже напомнил эпитафия к статье – «Каркнул Ворон: “*Nevermore*”»), скорее всего, отзовется на смысловую рифму, отсылающую к началу «Ворона»: «Как-то ночью в час угрюмый... <я>... очнулся вдруг от звука» (*здесь и далее пер. М. Зенкевича*). В «Вороне» герой слышит звук/стук, невесть откуда донесшийся, и принимается его интерпретировать: может, гость стучится запоздалый? может, ветер играет ставней? То же и Якобсон, выступающий в сцене, им моделируемой, сразу в двух ролях: обыкновенного пассажира и ученого. Сквозь железнодорожный шум как бы случайно доносится и схватывается слухом фрагмент чужого разговора. Он ничем не примечателен, – разве только тем, что содержит в себе однословную цитату, а цитата отсылает к поэтическому тексту. Возможно, – и не к тексту, а к версии его исполнения, звучанию в радиозаписи (может быть, особому тембру голоса актера? или неповторимости интонации?). Смысл, то ли заключенный в самом слове, то ли ассоциированный с его предыдущим использованием, одновременно восстанавливается и становится наново в ситуации общения: «Незнакомец прибег к литературной цитате, которая, по-видимому, намекала на некий эмоциональный опыт, общий для него и его собеседницы» (50).

Точка предполагаемого смыслопорождения как раз и привлекает внимание лингвиста (или антрополога?), путешествующего инкогнито. Из этой точки он тут же выстраивает воображаемую пунктирную линию сквозь пространство и время. «Уже покойный британский актер выступил первопосылателем сообщения, адресованного “любому, кто готов услышать”. Но он, в свою очередь, всего лишь воспроизвел литературное сообщение Эдгара Аллана По от 1845 года. Более того, сам американский поэт делал вид, что всего лишь воспроизвел признания “влюбленного, стенающего по умершей возлюбленной” – может быть, самого поэта, а может быть,

другого человека, реального или воображаемого. Внутри этого монолога слово *nevermore* приписано говорящей птице с дальнейшим пояснением, что ворон это слово *затвердил*, переняв его *от хозяина такого, кто под роком гнета злого избрал его привычным причитанием»* (50–51).

Итак, в фокус внимания попадает процесс переноса слова из одной рамки-контекста употребления и восприятия в другую, а именно: то, как «единственное слово последовательно приводилось в движение гипотетическим “хозяином”, Вороном, влюбленным, поэтом, актером, радиостанцией, незнакомцем в поезде и, наконец, автором, пишущим эти строки». Пунктирная линия коммуникации и здесь не думает прерываться, любая из точек предполагает следующие: написанным строчкам предстоит еще преобразоваться в печатный текст, и вот «теперь оно (высказывание. – Т. В.) входит в новую структуру – мое послание читателю этих страниц» (50).

Субъекты и инстанции, участвующие в коммуникативном «трансфере», все так или иначе виртуальны, воображаемы (независимо от степени вымысленности), и поведение их разнообразно. Иные лишь воспроизводят послание, как «хозяин», непроизвольно озвучивающий внутреннюю эмоцию, или ручная птица, способная лишь повторять заученное сочетание звуков, или записывающее/передающее техническое устройство. Иные осуществляют акт выбора – как актер, озвучивший стихотворение перед микрофоном, или редактор радиостанции, отобравший звукозапись для передачи в эфир. Еще иные, как герой стихотворения или незнакомец в поезде, приспособливают фрагмент чужой речи к собственным нуждам, сознательно, намеренно и даже изопренно используют слово-цитату. Особо ответственна роль поэта – того, кто «написал и опубликовал историю влюбленного, придумав, по-настоящему, все роли – влюбленного, Ворона и хозяина». Почти на равных с поэтом и в подчеркнуто близкой ему позиции выступает ученый, – тот, кто «заметил цитату, восстановив всю последовательность ее передатчиков и, возможно, даже досочинил роли незнакомца, радиоредактора и актера» (51). Получается, что Якобсон размышляет о По и его текстах *вместе с По и посредством его текстов*, и эффект этот еще усиливается тем, что фразы из «Ворона» и «Философии творчества» довольно вольно вплетаются в авторское аналитическое повествование, часто не закавыченные, а выделенные курсивом.

«Nevermore» – слово вне контекста (word out of context), к тому же само по себе звучное, самодостаточное, как маленькое стихотворение, – интригует Якобсона своей необыкновенной подвижностью, способностью путешествовать в историческом времени и

социальном пространстве. Стихотворение «Ворон» написано для массового потребления, – напоминает Якобсон, – сам По признавался, что писал «специально с целью распространения, и распространялось оно поистине на зависть» (51). Во фразе из письма По, которую Якобсон цитирует слегка переворачивая⁶, используются слова *gun/gunning*, заимствованные из жаргона издателей (которому в XX в. наследует жаргон кинопрокатчиков). Слова эти акцентированы и в тексте Якобсона, где получают значение более широкое: но по сути речь идет о способности текста привлекать и удерживать внимание, за счет этого расширять охват, переходить границы, одолевая препятствия, т. е. создавать «на том же месте» все новые диалогические ситуации, посредством их – новые смыслы, идентичности новых субъектов.

Это и есть коммуникация – интригующе сложный процесс передачи (*relay*) одновременно формы и смысла по «цепочке реальных и вымышленных отправителей и получателей сообщения» (51), которые своей активностью искупают в какой-то степени, преодолевают неизбежную разделенность пространством и временем.

Интерпретативный диалог Романа Якобсона со стихотворением похож на матрешку и тем исключительно выразителен: он включает в себя и рефлектирует разнообразные ситуации общения, как отображенные в анализируемом тексте, так и возникавшие или способные возникнуть по его поводу.

Разговор 1: влюбленный – ворон

Разговор влюбленного и птицы, по Якобсону, – пример «аномальной коммуникации о разрыве коммуникации как таковой» (57), т. е. о принципиальной невозможности ее в отсутствие общего контекста. Очевидно, доминирующий мотив стихотворения связан с утратой контакта: «лучезарная Линор» – увы, недоступна и безымянна. В этом – соль ситуации, настаивает Якобсон, и если сам По настаивал на важности мотива смерти («смерть прекрасной женщины!»), то не иначе, как в порядке уступки популярному вкусу (58).

В пространстве одиноких грез влюбленному являются крылатые вестники двоякого рода, можно сказать, «на выбор»: невидимые серафимы, чьи шаги «звенят», вопреки всякому правдоподобию, по ковру, несут божью милость забвения, так сказать, полного обезболивания; черный ворон, несуразно взгромоздившийся на бюст

Паллады, являет другую возможность, одновременно пугающую и влекущую. Ситуация общения с вороном абсурдна, – а Якобсон еще и заостряет абсурд иронией: куда как нелепы двуногие смертные существа, «одно без перьев, другое в перьях» (52), толкующие о вечности. Конечно, двуногое существо в перьях вообще неспособно толковать: ворон молчит до тех пор, пока его собеседник не проявит речевую инициативу, а потом только поддерживает контакт, повторяя единственное звукосочетание, которое научен воспроизводить. Так ведут себя все говорящие птицы, – Якобсон ссылается в этой точке своих рассуждений на исследования психолога Орвела Моурера, занимавшегося попугаями.

По ходу малообещающего как будто диалога происходит тем не менее знаменательная метаморфоза: случайное стечение обстоятельств трансформируется в необходимость. Черная птица слепляется «насмерть» с ореолом примысливаемых ей символических значений, и в шестнадцатой строфе «Nevermore» звучит уже не как курьез, а как роковое откровение. Разделяя эту субъективную убежденность героя, читатель в то же время не может не заметить ее искусственности: ведь убежденность эта «производится» буквально на глазах. Каждый следующий вопрос влюбленного строился навстречу уже известному ответу, – таким образом, при посредстве ворона он озвучивал тайные страхи, от меньшего к наибольшему, и тем самым сам себя подвергал манипуляции, – двигался шаг за шагом из начального состояния неопределенности (между грезой и явью, забвением и памятью) в финальное состояние гиперопределенности. В финале разрыв с утраченной Линор, оставшись непреодоленным, становится незабываемым. Ключ ворона, засевавший в сердце, – сильная метафора само-сознания человеческой конечности. Помнить о ней мучительно, но эта мука оказывается предпочтительней самозабвения. Горестное бессилие субъекта в последней строфе неотлично от полноты владения собой, – и именно из этого парадоксального состояния рождается лирический рассказ. (Стоит отметить, что подобные парадоксальные эффекты принадлежности-непринадлежности себе, пребывания одновременно и вне и внутри некоторого душевного состояния, – например, *частичного* осознания собственного безумия, – По нередко использует в так называемых «страшных» рассказах.)

Получается, что коммуникация необходима именно потому, что невозможна: воля к коммуникации определяет человека в не меньшей мере, чем ограниченность его жизни смертью. Возможно, это своего рода экзистенциальная компенсация...

Разговор 2: По – По

«Ворон» начинался со стука, т. е. возможного сигнала о приходе гостя, – эссе «Философия творчества» начинается с упоминания о письме, случайно, но кстати легшем на стол автора. В нем Чарльз Диккенс со ссылкой на Уильяма Годвина высказал мысль о возможности сочинять «в обратном порядке», придумывая сначала целостный эффект произведения и развязку, а потом уже все, предшествующее ей. Эту идею По тут же подвергает сомнению («Я не думаю, чтобы Годвин действовал в точности этим способом, да и то, что он сам об этом рассказывает, не вполне совпадает с предположением мистера Диккенса...»), а затем объявляет *небуквально верной*, т. е. верной в идеале, хотя и неосуществимой в общепринятой практике сочинительства. Для «общепринятого способа построения повествования» регрессивный ход как раз нехарактерен: большинство рассказчиков подражают уже предзаданным или привычным «фактам и действиям» и, таким образом, строят на готовом фундаменте, лишь восполняя работой воображения частные пробелы. Однако творческий жест может быть и более отважным, сильным, радикальным, – если исходит из желаемого «эффекта», оригинально и целостно вообразенного, и обратным ходом моделирует отвечающие ему сюжетное действие и тональность.

Именно такой акт *идеального* художественного миротворчества По и намерен продемонстрировать читателю, притом именно любому любопытствующему читателю. Эссе «Философия творчества» писалось, как и «Ворон», в расчете на массовое распространение: «Я часто думал, – говорится в преамбуле, – какую интересную статью мог бы написать любой литератор, если бы он захотел, то есть если бы он смог в подробностях, шаг за шагом проследить те процессы, при которых любое его произведение достигло окончательной завершенности». Экспериментальное воспоминание о творческом процессе предпринимается на материале «Ворона», где речь, как мы помним, также идет о манипуляции с воспоминанием об «утраченной Линор». По эмоциональному спектру воспоминания сильно разнятся, но в обоих случаях разворачиваются как внутренний диалог, последовательность вопросов самому себе и ответов на них.

«Перевернутая игра в вопросы и ответы типична для внутренней речи, где субъект заранее знает ответы на вопросы, которые себе задаст» (53), – обобщает Якобсон, и это относится в равной мере к диалогу внутри «Ворона» и к диалогу, которым, если верить По, автору «Философии творчества», сопровождалось сочинение этого

стихотворения. Ср., например: «тогда... я спросил себя: “Из всех меланхолических тем какая, в согласии с универсальными представлениями рода человеческого, является самой меланхолической?” Смерть – гласил очевидный ответ. “А в каких случаях, – продолжал я, – эта меланхоличнейшая из всех тем наиболее поэтична?”» и т. д.

В собеседовании поэта с самим собой удивительнее всего то, как молниеносно и с какой безупречной точностью на каждый из формулируемых им вопросов находится единственно возможный ответ: «Я сразу пришел к представлению о подходящем объеме задуманного мною стихотворения... Это сразу же навело меня на мысль... немедленно после этого явилась мысль... и здесь я сразу же увидел возможность...» и т. д. Между посылкой и выводом – что-то, похожее больше на мгновенный скачок интуиции, фаза поиска отсутствует начисто, и творческий процесс становится подобен хорошо отрепетированному акробатическому этюду. В натуральность его невозможно поверить, – особенно учитывая преамбулу, где процесс творчества характеризовался как полный мучительной неопределенности, неуверенности и противоречивости – и именно потому столь трудный для отображения «в подробностях, шаг за шагом»! Мало кто из поэтов готов допустить публику за кулисы игры воображения, – допустить, чтобы все увидели, «как сложно и грубо работает мысль, бредущая на ощупь... как сам автор постигает свою цель только в последний момент; как вполне созревшие плоды фантазии с отчаянием отвергаются ввиду невозможности их воплотить; как кропотливо отбирают и отбрасывают; как мучительно делают вымарки и вставки» и т. д. А те, кто не одержим тщеславием, слишком часто беспамятны – просто не в силах вспомнить всех капризных перипетий творческого процесса: «Как правило, идеи возникают хаотично, подобным же образом их и выполняют и забывают». Самого себя, однако, По провозглашает счастливым исключением среди своих собратьев: «Что до меня, то я не сочувствую подобной скрытности и готов в любую минуту без малейшего труда восстановить в памяти ход написания любого из моих сочинений».

Восстановление в памяти принимает вид перформанса – великолепной демонстрации того, как «работа, ступень за ступенью, шла к завершению с точностью и жесткостью последовательностью, с какими решают математические задачи». Сложности, хаотичности, грубости поиска, колебаний и мук, сопутствующих выбору, нет в помине. Собственно, их и не разглядишь в уже завершеном, опубликованном тексте, который на любые расспросы отвечает единообразно и даже без интонации, – как Ворон. Отсюда спор, в котором у критиков и читателей «Философии творчества» не было, нет

и не будет согласия: признать ли торжество «последовательности и причинности» честно отображенным, восстановленным фактом или хитро спроектированным артефактом? Собственно, у По идет речь о кажимости, видимости (air of) «последовательности и причинности»⁷, и получается, что именно кажимость претендует на статус истины? Камнем преткновения для большинства критиков становится именно эта, парадоксальная и невероятная претензия.

Свою любимую мысль о несовместимости истины и поэтического вымысла По повторяет многократно, во многих произведениях – иногда в варианте жестком (как в «Маргиналиях», «Поэтическом принципе»), иногда – в мягком (как в «Философии творчества»). В последнем случае получается, что, хотя истина и противопоставлена поэзии, она может тем не менее быть в поэзию привнесена и даже «с выгодой», ибо способна «прояснить общий эффект или помочь ему, как диссонансы в музыке, путем контраста». Можно предположить, что с такую же «выгодой» может быть осуществлена и обратная операция привнесения научной, математической логики в искусство. Не стоит ли усмотреть в «Философии творчества» как раз такого рода гибрид – стихотворение в прозе, составляющее диптих с собственно стихотворением? Этот жанр сам По провозгласил теоретически невозможным, но тем азартнее штурмует его творческое воображение. Тому примером «Эврика», откровенный жанровый оксюморон, соединение «поэмы» и научного «трактата». Оксюморонность не менее ощутима в эффектных отчетах месье Огюста Дюпена о проведенных им детективных расследованиях: этот гениальный господин, alter ego своего создателя, соединял в себе достоинства серьезного ученого и поэта, а также свойства несколько более сомнительные – шутника и шарлатана⁸.

Разговор 3: Якобсон – По

Якобсон работает с текстом По на манер детектива и буквально в каждой строке обнаруживает невидимые для непрофессионального, невооруженного глаза следы ключевого слова «nevermore» – россыпи грамматических фрагментов (more, ever, no), еще более мелкие фракции, частички звучания (сочетание n+гласная, распадаемое more на корень и отдельно «гуляющий» суффикс, обнаруживаемый то здесь, то там в сравнительных формах прилагательных, и т. д.). Губные и носовые звуки сами по себе лишены значений, но, всплывая в разных сочетаниях, в конечных рифмах и внутрискрипных созвучиях, они работают на предвосхищение и неуклонное со-

бирание, производство конечного «nevermore» как формы, в которой соединяются «воспоминание и ужасное предвосхищение» (60). Смысловая функция компонентов звуковой текстуры обнажается в анализе как некая скрытая сущность, создавая эффект открытия, даже откровения. Интересно, что, описывая природу и цель осуществляемого им анализа – выявление, обнаружение, обнажение, – Якобсон использует фразу «lay bare», ассоциирующуюся с названием книжки, написание которой По считал апогеем творческих мечтаний и познавательных амбиций (своих и любого вообще человека): «Мое обнаженное сердце» – «My heart laid bare».

На основе созвучий, впрочем, возникают и «псевдоэтимологические фигуры» (60) – сближения, при всей убедительности чисто иллюзорные. Что общего между tempter и tempest? Ничего. Однако в контексте стихотворения они ведут себя как однокоренные слова – и начинают представляться нам двумя разновидностями силы зла. То же касается соседствующих Pallid и Pallas, beast и bust и т. д. Смысловая связь всякий раз выстраивается на основе звуковой близости, что иллюстрирует, конечно же, действие поэтической функции языка. Она участвует не только в семантическом сближении, но и в материализации слов и самих даже «главных героев» стихотворения. Ворон не потому уместен в данном сюжете, что черен и зловещ, – предполагает Роман Осипович, – а потому что *raven* звучит как *never* наоборот. Также и *lady* фигурирует не как реверанс в отношении романтической возлюбленной, а потому что в рифму – <eidi> – разве не слышно (60)?

Not the least obeisance *made he*; not a minute stopped or *stayed he*;
But, with mien of lord or *lady*...

Объективность слышимых и наблюдаемых глазом созвучий во всех этих случаях не отменяет произвольности ассоциаций, в итоге трудно сказать с полной определенностью, действует ли на нас доказательность научных доводов или напор поэтического внушения... Может быть, эти виды речевого воздействия не так посторонни друг другу, как нам привычно (и спокойно) думать?

По жанру «Язык в действии» точнее всего было бы определить как эссе. Налицо – эссеистическая вольность композиции, ассоциаций, стиля, построения аргументов. К разговору об Эдгаре По привлекаются Уинстон Черчилль, Эдуард Сепир, Федор Достоевский и менее известные, но столь же неожиданные фигуры. Порой автор статьи готов проигнорировать очевидное, если очевидность не согласуется с развиваемым им тезисом, – например, утверждает,

что говорящая птица, по причине выраженного автоматизма речи, «даже кажется бесполой» (52), хотя местоимения мужского рода применяются к Ворону довольно последовательно. Отдельные детали додумываются, досочиняются, – например, Якобсону (как и некоторым ранним биографам По) хочется думать, что действие «Ворона» происходит «в той мрачной комнате в верхней части Манхэттена», где жил сам поэт, хотя в самом тексте на это нет никаких указаний. С необыкновенной щедростью Роман Осипович проецирует на По собственные, самые лестные характеристики: этого поэта, читаем мы, отличает «проникновенное понимание “колес и шестеренок” словесного искусства и словесной структуры» («insight into “the wheels and pinions” of verbal art and of verbal structure”)⁹, а также «поразительная чуткость в отношении множественных функций, реализуемых одновременно в акте коммуникации» (53), способность почти безупречно осуществлять перевод речи поэтической на «мета-язык научного анализа» (56). По оценивается как единомышленник («По прав», 54), едва ли не как коллега по ученому цеху.

Зато в отношении тех (многочисленных) критиков, которые подозревают в аналитических опытах По художественную игру с читателем, Якобсон занимает позицию резкого неприятия: свою убежденность в их неправоте он высказывает решительно, но никак особенно не мотивируя, подчеркивая лишь, что «упорное недоверие к самоанализу По, подозрения в хитрой мистификации, намеренном фарсе, оскорбительном эпатаже или озорстве с целью привлечь внимание критиков совершенно невозможно понять» (55). Если сам По признавался в чем-то подобном одной собеседнице¹⁰, то такое признание не могло быть ничем иным с его стороны, утверждает Роман Осипович, кроме как утешительной данью ее дамской сентиментальности (56). В развитие и подкрепление этой идеи приводится косвенный довод биографического свойства: довольно большая цитата из письма Джорджу Эвелету, написанного По спустя несколько месяцев после смерти Виргинии. Поэт описывает ужасное состояние, в которое впал, сопереживая долгому угасанию жены: катастрофы горловых кровотоков и перемежались иллюзорными выздоровлениями, и именно эти неконтролируемые колебания между знанием неминуемого и иллюзорной, всегда преходящей надеждой рассудок отказывался выносить. «Я почти оставил всякую надежду на окончательность исцеления, пока не нашел его в *смерти* своей жены. Ее я могу перенести и переношу как подобает мужчине – но ужасное, бесконечное колебание между надеждой и отчаянием, вот чего я не мог уже более переносить

без полной потери рассудка». О чем свидетельствует эта психологическая деталь, скорее суггестивная, чем что-либо разъясняющая прямо? Jakobsonу она представляется исключительно важной для понимания природы словопользования у По и для уяснения значения «Nevermore» в поэтическом тексте. Как кажется, здесь «играет» символическая оппозиция: встреча с истиной, которая требует мужества, – и плен чувствительности, неопределенности, опасный и даже гибельный для рассудка.

Работая далее с этим главным словом, Jakobson отмечает колеблющийся характер его значений в контекстах, – и противопоставляет им значение общее, от контекста не зависящее, обусловленное самой внутренней формой слова, в которой неразрывны конец и бесконечность, отрицание и утверждение, уже бывшее и предстоящее. Метафизическая нагруженность «вызывающего оксюморона» (*challenging goxumoron*) разительно контрастирует с материальной, животной природой его двуногих «пользователей». Видимо, не случайно, – развивает далее мысль Jakobson, – это страшное и емкое слово влекло и влечет к себе поэтов (из числа современников По упоминаются Уланд и Бодлер), а обычные люди его избегают, пытаются предохраниться от грозной силы «безграничного отрицания (*unlimited negation*) при помощи клишированных околичностей: они скорее скажут – “когда рак на горе свистнет”, “после дождичка в четверг”, “когда свиньи полетят”, “когда черт ослепнет”». В ряд опасливых замещений, наряду с перечисленными идиоматическими оборотами, помещена строчка «жаме, жаме, жаме» – причитание попугая из песенки Александра Вертинского, популярной во времена молодости Романа Осиповича. Едва ли англо- или франкоязычные читатели статьи могли опознать аллюзию к дореволюционному российскому шлягеру, поэтому трудно сказать, почему и как эта деталь вообще «забрела» в текст статьи. Можно предположить, что ее присутствие мотивировано психологически – как подкрепление имплицитруемой оппозиции, обсуждавшейся в предыдущем абзаце: уклончивости, стереотипности, феминности бытового словоупотребления Jakobson склонен противопоставлять бесстрашную точность, которой предан знаток и властелин слова, будь то ученый или поэт.

Компоненты звуковой текстуры Jakobson умеет обнажить (*lay bare*) как никто, подчеркивая, что именно в них скрыта душа поэзии. Звуковая форма ассоциируется с силой, энергией, потенцией, способностью чаровать и транслировать чару во времени (ее коннотирует в тексте слово *haunt*) и способностью заражать, распространять (ее коннотирует слово *run*). Наличие в высказывании

поэтической функции делает его неисчерпаемым и «авто-мобильным», – самодостаточным и влекущим, но в то же время продуктивно несоответствующим себе, способным к движению из контекста в контекст. Коммуникации – глубоко субъективный, предсказуемо-непредсказуемый, негарантированный, но потому и возобновляемый снова и снова смылосозидательный процесс, которым движет столько же потребность передать информацию, сколько воля к установлению контакта.

Очевидно, что Якобсон как ценитель позитивного, точного научного знания, способного удостоверять законы и сущности языковых явлений, и он же как сочинитель смелых моделей и гипотез, рассчитанных, как стихи, на небуквальную реакцию «добровольного воздержания от недоверия» (*willing suspension of disbelief*), не могли во всем соглашаться друг с другом. В данном случае мы «застаем» их в диалоге, даже – споре. Спор этот напоминает о том, что «подводные течения» характеризуют движение не только поэтической мысли (об этом писал По применительно к «Вороны»), но и мысли научной.

«Язык в действии» сочинялся в городке Хантер в штате Нью-Йорк в пору, когда Роман Якобсон готовился приступить к обязанностям профессора славянских языков и литературы в Гарварде. В Гарварде ровно в то же самое время молодой Томас Кун размышлял над природой «революционной» науки, которая, в отличие от науки «нормальной», не оперирует готовой рамкой-парадигмой, не представляет заранее ответы на все возможные вопросы (не заполняет буквами клеточки для уже готовых слов, как при решении кроссворда), но пытается переобразить всю систему вопросов-ответов, продуцировать радикально новое видение предмета. И в то же самое время в университете Торонто Маршал Маклюэн раздражал коллег крайне спорными, но в чем-то неожиданно близкими Якобсону гипотезами о природе коммуникации, в том числе научной. С точки зрения Маклюэна, коммуникация – это не передача дискретных концептов, идей или чувств, но соучастие в переживании, разделение опыта, конструирование отношений. Поэтому современная (пост-романтическая и пост-символистская) поэзия как наиболее сложная, зрелая, тонко отрефлексированная форма передачи человеческого опыта, с точки зрения Маклюэна, есть «сущностный тип всякой человеческой коммуникации», через который открываются пониманию менее сложные ее виды, в том числе обусловленные новейшими технологиями. Поэтому же в современной науке, замечает Маклюэн в знаменитом письме Г.А. Иннису от 14 марта 1951 г.¹¹, так актуальны познавательные стратегии,

адресованные не статике предполагаемо универсальных законов и всеобъемлющих систем, а процессуальности, историчности: стратегии, связанные с реконструкцией опыта, «детективным» восстановлением следа. В качестве одного из первопроходцев по этой части называется, между прочим, Эдгар Аллан По.

Разговор Jakobson с «Вороном», Эдгаром По и самим собой косвенно адресован возможностям, которые вынашивала современная ему гуманитарная наука. Наверное, поэтому статья «Язык в действии» читается неровно и разнообразно: местами – кредо убежденного структуралиста, местами – этюд становящегося медиолога, местами – полет поэтического воображения. Эта эффектная и отчасти загадочная импровизация больше всего напоминает репортаж из зреющей научной революции. Впрочем, разве не было все научное творчество Романа Осиповича Jakobson перманентным революционным усилием?

Примечания

- ¹ Jakobson R. Six Lectures on Sound and Meaning. Cambridge; Mass. & L., 1978. P. 2.
- ² Jakobson R. Language in Operation / Ed. by K. Pomorska, S. Rudy. Cambridge, MA, 1987. P. 50–61 (далее в тексте номера страниц указаны по этому изданию).
- ³ Вполне вероятно, что этим отчасти и объясняется тот факт, что за полстолетия никому не пришла в голову мысль перевести статью на русский язык.
- ⁴ См. об этом: Tate A. Tension in Poetry // Tate A. The Man of Letters in the Modern World. Selected Essays, 1928–1955. L.: Meridian Books, 1955.
- ⁵ Jakobson R. Language in Literature. P. 16.
- ⁶ У По: «“The Raven” has had a great “run”, but I wrote it for the express purpose of running» (The Letters of E.A. Poe / Ed. J.W. Ostrom. Cambridge, MA, 1948. Vol. 2. P. 287).
- ⁷ В «философии творчества» мы читаем: «It is only with the *dénouement* constantly in view that *we can give a plot its indispensable air of consequence, or causation*, by making the incidents, and especially the tone at all points, tend to the development of the intention». Любопытно, что в существующих русских переводах (В. Рогова, А. Георгиева и В. Чередниченко) интересующий нас фрагмент фразы звучит единообразно: «...мы сможем придать сюжету необходимую последовательность или причинность» (см.: По Э.А. Ворон. М.: Наука, 2009. С. 134); важный, как кажется, акцент на иллюзорности рационализации при этом ослабляется, почти перестает считываться.
- ⁸ В «Убийствах на улице Морг» мысль о том, что в монологах-моноспектаклях, предлагаемых нам Дюпеном в порядке разъяснения его творческих догадок,

присутствует то, «что французы называют *charlatanerie*», высказывается повествователем, – она, правда, отмечается как недостойная, но вездливый читатель может найти в тексте немало аргументов в ее пользу.

- ⁹ Характерный (для статьи в целом) пример монтирования цитаты из По в собственную фразу.
- ¹⁰ Якобсон имеет в виду Сьюзен Арчер Телли Вайсс, ее известные воспоминания 1877 г., связанные с «Философией творчества»: «Обсуждая “Ворона”, мистер По уверял меня, что обнародованная трактовка метода этого сочинения не была искренней и что он не предполагал, что ее таковой воспримут... Он предложил эту трактовку единственно как оригинальный эксперимент и был удивлен и развеселен тем, что ее с такой готовностью приняли как добросовестное утверждение» (цит. по: *По Э.А.* Указ. соч. С. 379).
- ¹¹ McLuhan – Innis Letter March 14 1951 [Электронный ресурс] // McLuhan on Maui. URL: <http://www.mcluhanonmaui.com/2011/04/mcluhan-innis-letter-march-14-1951.html> (дата обращения: 12.03.2015).

Патрик Серио (Швейцария)

ПОЧЕМУ ПОХОЖЕЕ ПОХОЖЕ?

Вопреки общим представлениям о Р. Якобсоне как основоположнике структурализма, в довоенный период он не столько занимался функцией, сколько формой. Понятие структуры он заимствовал из разных источников, среди них – антидарвиновское течение ортогенеза, где причинное объяснение заменяется целенаправленным развитием, и прежде всего – идеалистическая морфология, гласящая, что две формы могут быть похожими без контакта во времени и пространстве и что сходства объясняются *не случайностью*, а общим скрытым планом, который предстоит обнаружить и выявить. Можно восстановить целую серию научно-философских течений, стремящихся установить возможность *бесконтактного воздействия*, например идею подражательной магии у Дж. Фрэзера, служившую источником вдохновения известной якобсоновской оппозиции между метафорой и метонимией.

Ключевые слова: сравнительно-историческая эпистемология; Дж. Фрэр; Р. Якобсон; симпатическая магия; гомология / аналогия; метафора / метонимия.

«Я не сужу, я повествую».

*Монтень. Эссе*¹

Исследование русской научной культуры в перспективе сравнительно-исторической эпистемологии является источником постоянных радостных открытий. При этом необходимо соблюдать два основных принципа: 1) со стороны виднее (или, скорее, видно по-другому); 2) объектом изучения должны быть не «национальные», тем паче «отечественные» науки, а научные течения как таковые: научные культуры или господствующие парадигмы – не изолированные планеты, а местные варианты одной и той же науки. Ведь ученые читают друг друга, хотя не всегда в равных

пропорциях. Поэтому важно как можно больше переводить, чтобы выйти из (языкового) изоляционизма. То, что *Россию умом понять можно*, является достигаемым идеалом, даже если для этого надо выработать новые приемы сопоставительного изучения.

В данной статье речь будет идти о некоторых особенностях объекта познания у Романа Якобсона.

Р. Якобсон разделяет судьбу М. Бахтина: кажется, существует столько «национальных» Якобсонов, сколько существует ареалов восприятия его работ. Представления о нем на так называемом Западе плохо соотносятся с его интеллектуальным обликом 20–30-х годов. Якобсон известен в англосаксонских странах прежде всего как «an American scholar», а во Франции как коллега Кл. Леви-Стросса и Ж. Лакана. В России же его связывают с русскими формалистами и восхваляют его как соратника Н. Трубецкого по фонологии. Вот, к примеру, два отзыва о творчестве Якобсона, которые относятся как будто к двум разным лицам, почти ничего общего между собой не имеющим:

Научная деятельность Романа Осиповича Якобсона (1896–1982) с самого начала была связана с глубоким усвоением принципов русской филологической традиции².

Парижский лингвист Жан-Клод Мильнер с восторгом выделял три характерные черты у Якобсона как ученого: *экзотизм, рационализм и универсализм*:

Я некогда встречался с Романом Якобсоном. Я был чувствителен к тому, что в нем было незаурядно в отношении места и времени. По-видимому, нет ничего проще, чем дать этому объяснение: не свидетельствует ли преподавание Якобсона в Соединенных Штатах об иностранной традиции, не только русской, но и европейской? Экзотизм его, однако, проявляется не меньше, когда он выступает в Париже. Когда мы слушаем его, у нас, французов, создается впечатление, что мы получаем доступ к континенту тайн и чудес: Россия, все еще погруженная в Византию, является неисчерпаемым нагромождением языка, жестов и верований. Когда он, наконец, находится в Москве, русские с удивлением слышат из его уст фонетику, которой уже нет: бывшее произношение, живое эхо того языка, на котором Маяковский хотел оставить свой след. [...] Для него [...] все должно стать близким всем, если только смотреть с точки зрения Разума³.

Он всегда стремится охранить разум от беспорядка, будучи уверенным, как Спиноза, Вольтер и как любой еврей в Центральной Европе, что из людей, объединенных в нацию, ничего хорошего не выйдет⁴.

Вот какие впечатляющие разногласия возникают от того, что *rossica non leguntur...*

Я ограничусь здесь скромным восстановлением некоторых аспектов яacobсоновского творчества, плохо уживающихся с такой оценкой Яacobсона, данной известным представителем парижской левой интеллигенции 1970-х годов.

С этой целью придется поднять вопрос относительно самого языка лингвистов, поскольку мы редко задумываемся о том, как строятся концепты в языковедческом дискурсе. Приемы производства научного дискурса в науках без четкой формализации постоянно находятся под угрозой попадания в ловушку мысленных привычек, навязываемых обиходным языком. Какую роль играют у Яacobсона метафоры и аналогии, заимствованные из других наук, прежде всего из биологии и антропологии? Тут возникает эпистемологический вопрос: являются ли метафоры приемом производства концепта, или риторическими приемами определенной академической общности, или и тем и другим одновременно?

Яacobсон никогда не объяснял свое употребление метафор. Я постараюсь отметить некоторые исторические вехи на этом пути.

I. Об истоках типологии: сходство без общего предка

I.1. О натурализме

Яacobсон постоянно осуждает *натурализм* постулатов Шлейхера. Я хотел бы показать, что на самом деле он придерживается строгого натурализма, только иного, чем у Шлейхера.

Шлейхер [...] усматривал в языковедении отрасль естествознания⁵.

Уже давно отвергнута доктрина А. Шлейхера, завязанного натуралиста в области языкознания⁶.

Натурализм представляет собой одну из главных мишеней Яacobсона:

Соображения Трубецкого твердо направлены против любой натуралистической (биологической или эволюционной) концепции духовного мира⁷.

Языкознание является социальной, а не естественноисторической наукой⁸.

Рассуждение Якобсона опирается на проблему *сходств*, позволяющую ему опрокинуть господствовавшую до него концепцию дивергенции от общего предка, которую он называет «ортодоксальным эволюционизмом»:

Наиболее устойчивым элементом этой доктрины является стремление объяснять звуковые и грамматические сходства двух языков их происхождением от одного общего языка-предка⁹.

Если ортодоксальный эволюционизм учит, что «сходство в строевании органов необходимо принимать во внимание лишь в том случае, если оно указывает на то, что обладатели этих органов происходят от одного и того же предка», то в наше время исследователи придают значение сходствам вторичным – либо приобретенным вследствие конвергирующего развития организмами родственными, либо усвоенными организмами абсолютно разного происхождения¹⁰.

Известно, что Э. Кассирер в январе 1945 г., за несколько дней до смерти, выступил с докладом (в присутствии Якобсона) в нью-йоркском лингвистическом кружке, в котором он выявил удивительные сходства между методологическими принципами Ж. Кювье (1769–1832) в его сравнительной анатомии и понятием *структуры* у современных лингвистов-структуралистов. Кассирер ограничивался аналогиями между *законом соотношения органов* у Ж. Кювье в биологии и фонологической структурой у Трубецкого и Якобсона. Но он мог бы пойти дальше, потому что, прочитай он их евразийские тексты, нашел бы еще больше соответствий с определенным направлением естественных наук, а именно – с *идеалистической морфологией* в биологии, гласящей, что две формы могут быть похожими без контакта во времени и пространстве и что сходства объясняются *не случайностью*, а общим скрытым планом, который предстоит обнаружить и выявить.

Главным камнем преткновения здесь является спор о том, как можно истолковать *сходства* между различными явлениями иначе, чем общим происхождением от общего предка, иначе говоря, без временного контакта.

Сходство в структуре независимо от генетических отношений данных языков и может связывать равным образом как языки с общим происхождением, так и языки разного происхождения¹¹.

С 1929 по 1931 г. Якобсон занимался почти исключительно утверждением, что сходства между языками объясняются не про-

исхождением от общего предка, а, наоборот, конвергенцией между генетически не родственными явлениями.

По его мнению, господствующая парадигма гласит, что никакое сходство не может объясняться иначе, чем через общего предка. Данная парадигма имеет два названия: позитивизм и механицизм¹², она олицетворена преимущественно младограмматической школой. Якобсон постоянно и яростно обвиняет младограмматиков во всевозможных грехах. А. Мейе (1866–1936) представляет собой классический пример того фильтра, который отбирает исключительно те сходства, могущие объясниться общим генетическим происхождением: для него типологические сходства не представляют интереса, потому что языки без прямой преемственности во времени оказываются тем же, что и двойники в антропологии: их сходство есть лишь результат случайности и ничего не добавляет к их познанию. Вот пример мнения, высказанного Мейе в предисловии к «*Les langues du Monde*» в 1924 г.:

Хорошо известное деление на языки изолирующие, агглютинативные и флективные не поддается точному изучению, и в той мере, в какой оно может быть сформулировано, оно не имеет ни научного значения, ни практической пригодности. Единственная классификация, имеющая ценность и практически пригодная, есть классификация генеалогическая, основанная на истории языков¹³.

Или это очень суровое суждение:

Эта классификация в соответствии с общими особенностями структуры оказывается лишенной какой-либо практической или научной пользы; это времяпрепровождение, которое лингвисту не может принести никакой пользы!¹⁴

Якобсон упрекал младограмматиков именно в том, что сходства между языками они могли объяснить исключительно общим генетическим происхождением:

Для этой теории, так же как и для всех ведущих научных течений того времени, генетическая концепция была единственно возможной. Предпочтение в научных исследованиях отдавалось не самому объекту, а условиям его возникновения. Описание того или иного явления подменялось отсылкой к его истокам¹⁵.

Самой характерной чертой младограмматического направления является, быть может, постоянная подмена вопросов о средствах и целях вопросами чисто причинного порядка. Любая попытка определить какое-либо явление из области языка через его функцию не вызвала бы в то время никакой симпатии и была бы объявлена недопустимой ересью¹⁶.

Можно было бы привести еще много примеров осуждения Якобсоном теории дивергенций от общего предка (соприкосновение во времени). Важно здесь объявление научного разрыва с «господствующей» – или «традиционной» наукой во имя «современной науки». Но как определить такой разрыв?

Я уже указывал на сходное опровержение сходств через общего предка у марристов и у евразийцев¹⁷. Следует здесь отметить, что марристы называли «идеалистами» представителей индо-европейского направления в лингвистике, т. е. тех, кто объяснял сходства как дивергенцию от общего предка. Интересно, что у евразийцев – те же противники по тем же критериям, с тем различием, что они их называли «позитивистами», что в их терминологии означало «грубых» или «наивных» материалистов. Два противоположных названия для одного неприемлемого греха.

В довоенный период в Советском Союзе специалисты по гуманитарным наукам, которые так или иначе соприкасались со взглядами Н. Марра, интенсивно занимались аналогиями и сближениями между, на первый взгляд, отдаленными культурными явлениями. Так, Р.О. Шор опровергала концепцию Ж. Бедье о полигенезе бродячих сюжетов в литературе. Рассматривая мировую литературу как единое целое, она стремилась найти аналогии между древнеиндийской и средневековой западноевропейской литературами (см. рецензию на конференцию, посвященную Р. Шор¹⁸).

Параллельно О. Фрейденберг пользовалась методом *ассоциаций по сходству*. Интересно, что опровержения марризма со стороны его противников состояли прежде всего в оспаривании данного метода:

Мы, тогдашняя молодежь, бывало, развлекались в своем кружке придумыванием «исследований» в духе О. М., получалось нечто вроде «Италия – сапог» и т. д. (Доватур: письмо к Галеркиной¹⁹).

Опять-таки спор идет об объяснительной силе сходства по форме: это случайность, причина, цель или скрытый план?

I.2. Теория типов

Спецификой для Якобсона является то, что к ортогенезу он прибавляет теорию замкнутых типов (Ж. Кювье, Н.Я. Данилевский).

На подход Данилевского (1822–1885) к истории во многом повлиял его любимый ученый-естественник Ж. Кювье. Для Данилевского культурно-исторические типы отделены и существенно неизменны. Так же как условия быта и отдельные органические системы биологических типов у Кювье, исторический опыт, культура, философия, наука каждого культурно-исторического типа целостно соединены²⁰. Якобсон (как и Трубецкой) отличается от Гёте тем, что он верно следует теории замкнутых *типов*:

Можно было бы охарактеризовать российскую среду как враждебную позитивизму; стоит напомнить, что расцвет позитивизма в России качественно очень средний, тогда как противоположные ему одновременные боковые линии эволюции науки, в основном в области русской философии, дали замечательные плоды (Данилевский, Достоевский, Федоров, Леонтьев, Соловьев). Отвращение к позитивизму характерно для всех жизненных проявлений русской мысли в равной степени как для Достоевского, так и для русского марксизма²¹.

Кювье придерживался эссенциалистической концепции типов: каждый из четырех типов животных характеризуется своей сущностью (*eidos*), неизменной и отделенной от других типов радикальной прерывистостью. Эссенциализм основывается на мысли, что разнообразие мира живых существ отражает ограниченное число неизменных универсалий. Эта концепция восходит к платоническому понятию эйдоса и объясняет данное представление *типа*: все существа, принадлежащие одному и тому же виду, разделяют ту же сущность.

В этом подходе к типологии типы описываются как совокупности индивидов, различие между которыми является *несущественным*: вариативность есть результат несовершенного проявления эйдоса. Напротив, разница между типами мыслится как абсолютная: границы между типами непроницаемы.

Критерий сходства или подобия довольно эффективен, если объединять в типы минералы или вообще неодушевленные предметы. Но он малонадежен, если сортировать организмы, которые сильно меняются и различаются. Как знать, разделяют ли два индивида ту же сущность?

На этом подходе к теории типов строится разделение С. Трубецкого на прерывистость и непрерывность между языками: он считал, что европейский мир, соседствующий с евразийским, отделен от последнего непроницаемой границей, тогда как внутри евразийского типа русский язык и мордовский язык, например, имеют такие общие черты, которые позволяют подогнать их к одному и тому же *типу*: их различия несущественны с точки зрения типа. Итак, территориальная (пространственная) смежность играет меньшую роль, чем морфологическое сходство.

Любопытно отметить параллелизм в естественно-научной и исторической философии в отношении того, что Дж. Вико (1668–1744) называл «идеальной историей». Аристотель и деисты допускали существование предопределенного плана, по которому бог сотворяет животные виды и который человек может обнаружить посредством изучения сравнительной морфологии. Материалистические же философы, заменяя бога природой, приписывают ей как бы бессознательный план – или скорее модель, нематериальный тип, следуя которому осуществляются (или «воплощаются») реальные, конкретные формы. Для первых это – *прототип*, исходная форма, постепенным совершенствованием которого являются реальные существа, для вторых это – *архетип*, разными и несовершенными переделками которого они являются. Напомним здесь, что Гёте, главный представитель идеалистической морфологии, думал, что все растения восходят через «метаморфозы» к идеальному первичному архетипическому «проторастению» (*Urpflanze*), которое он разыскивал в своих путешествиях по Италии.

Якобсон и Трубецкой разделяют гётевскую идею *архетипа*, к которой они прибавляют иной принцип замкнутых типов, заимствованный ими у Кювье.

II. Метафора и метонимия

Подобно Н. Марру, Якобсон увлекался магией в первобытных культурах.

Я хотел бы обратить внимание на то, что существенное противопоставление, которое Якобсон проводит между *метафорой* и *метонимией*, опирается на различие, которое в свое время предлагал Дж. Фрэзер (1854–1941) между двумя типами магии в первобытных культурах. Речь идет о «симпатической магии».

В 1931 г. Якобсон упрекает Дж. Фрэзера в том, что его универсальный психологический подход к словесному табу не позволяет

выявить особенности евразийского культурного типа²². Но он на него ссылается очень положительно в 1956 г. в тексте «Two Aspects of Language and Two Types of Aphasic Disturbances»:

Принципы, лежащие в основе магических обрядов, Фрэзер рас-
пределил на два типа: чары на основе закона подобия и чары, основан-
ные на ассоциации по смежности. Первая из этих двух великих ветвей
симпатической магии была названа «гомеопатической» или «подра-
жательной», а вторая «заразной магией». Это деление действительно
много разъясняет [*is indeed illuminating*]²³.

Поразительны аналогии между теорией магии у Дж. Фрэзера и
известным противоположением Якобсона *метафора / метонимия*.

Магическое мышление основывается на двух принципах. Первый
из них гласит: подобное производит подобное или следствие похоже
на свою причину. Согласно второму принципу, вещи, которые раз
пришли в соприкосновение друг с другом, продолжают взаимодей-
ствовать на расстоянии после прекращения прямого контакта. Пер-
вый принцип может быть назван законом подобия, а второй – законом
соприкосновения или заражения. Из первого принципа, а именно из
закона подобия, маг делает вывод, что он может произвести любое
желаемое действие путем простого подражания ему. На основании
второго принципа он делает вывод, что все то, что он проделывает с
предметом, окажет воздействие и на личность, которая однажды была
с этим предметом в соприкосновении (как часть его тела или иначе).
Гомеопатической – или имитативной – магией можно назвать колдов-
ские приемы, основанные на законе подобия. *Контагиозной* магией
могут быть названы колдовские приемы, основанные на законе сопри-
косновения или заражения²⁴.

Обратим внимание на то, что Якобсон связывает метонимию с
синтагматической осью (ассоциации по *смежности*), а метафору с
парадигматической осью (ассоциации по *сходству*), и что очевид-
ное предпочтение он отдает метафоре, т. е. поэтическому языку.
Бесконтактное сходство превосходит сходство по смежности.

Но можно идти еще дальше по направлению заимствования
Якобсоном моделей из других научных областей, чем языкознание,
и упомянуть пару *гомология / аналогия* в биологии XIX в.

В 1843 г. Р. Оуэн (1804–1892) систематизировал натурфилосо-
фскую оппозицию между *сродством* и *аналогией*. В итоге слово
«сродство» практически исчезло, уступив место «гомологии», а

аналогия стала обозначением функциональной тождественности органов или частей тела у разных животных независимо от их происхождения (ср. крылья у птиц и насекомых); напротив, отношение *гомологии* связывает такие органы различных животных, которые, независимо от их формы и функции, имеют общее происхождение (например, крылья у птиц и передние плавники у китов).

Проблема возможности воздействия без прямого соприкосновения, или без посредника, обсуждалась в классической физике в XVII и XVIII вв. Согласно концепции *дальнодействия*, тела действуют друг на друга без материальных посредников, через пустоту, и на любом расстоянии. Одним из примеров непосредственного действия на расстоянии можно считать силу всемирного тяготения в классической теории гравитации Ньютона. Наоборот, согласно концепции *близкодействия*, взаимодействия передаются с помощью особых материальных посредников. Главной темой спора здесь, по-моему, вновь является *бесконтактная связь*. Когда данный вопрос переходит посредством метафоры из области физики в гуманитарные науки, возможным выходом из затруднения становится *сходство форм*. Но и тут, как мы уже видели, можно выдвинуть два решения. Сходство форм может объясняться либо общим происхождением (контакт во времени – каузальная связь), либо как результат сближения генетически неродственных явлений (телеологическая установка). В свою очередь, здесь возникают два варианта решения проблемы: сходства объясняются либо пространственным соприкосновением (контактная лингвистика: «смежные ареалы»), либо целеустремленностью разнородных явлений, «общей тенденцией» развития в одном направлении. Это и есть *целевая установка* евразийского языкознания, по Якобсону, в 1931 г.

Отмечая, что евразийский языковой союз обрамляют два политонических союза (околобалтийский на северо-западе и юго-восточный азиатский) на огромном расстоянии без какого бы то ни было физического соприкосновения, Якобсон пишет:

[...] палатализующий языковой союз как на восточной, так и на западной окраине сочетается с политоническим языковым союзом. Маловероятно, чтобы эта симметрия двух границ одного союза была бы обязана простой случайности²⁵.

Наконец, нельзя ли возвести проблему бесконтактного сходства к известному афоризму Эмпедокля: τὸ ὅμοιον τοῦ ὁμοίου ἐφίεσθαι (подобное стремится к подобному)?²⁶

III. Есть ли связь между установками Яacobсона?

Э. Холенштейн настаивал на феноменологической подоплеке работы Яacobсона. Я, со своей стороны, хотел представить неоромантические аспекты его научной деятельности, прежде всего довоенного периода: смесь системы ценностей немецкой натурфилософии начала XIX в. с рабочими принципами, свойственными естественным наукам, в первую очередь биологии (вопреки его утверждениям обратного), и структурным подходом, опирающимся на поиск сродства между генетически не связанными языковыми явлениями.

Несмотря на свои утверждения, в 20–30-е годы Яacobсон больше занимается *формой*, чем *функцией*. Его главная установка, как у многих русских исследователей данной эпохи, – отношение между формой и содержанием: ни одно сходство в форме не может быть незначимым. Иными словами – и это чрезвычайно важно для лингвиста, так глубоко погруженного в формалистское движение 1920-х годов, – форма без содержания не является формой. Но данный принцип он разделял и с А. Потебней, и с А. Лосевым, и с Н. Марром, и вообще с «mainstream» русской гуманитарной интеллигенции 20–30-х годов.

В заключение я хотел бы подвести итоги этого беглого обзора некоторых яacobсоновских тем и предложить собственную гипотезу. Она состоит в том, что можно совместить обе модели – ортогенез и симпатическую магию – для объяснения некоторых неясностей в яacobсоновских текстах 20–30-х годов. Это нам позволит установить следующую аксиологическую шкалу ценностей согласно строго симметричным парам оппозиций:

–	+
метонимия (= проза)	метафора (= поэзия)
магия по контакту	магия по сходству
синтагматическая ось	парадигматическая ось
дивергенция от общего предка	конвергенция
языковые семейства	языковые союзы
механический	функция
причинность	цель
(филогенез) ²⁷	номогенез
случай	закономерность
хаос	порядок

Если следовать якобсоновскому принципу «увязки», то мы приходим к заключению, что его шкала ценностей строго симметрична. От того, что причина заменяется целью, оказывается, что языковые союзы более реальны, чем языковые семейства. От того, что магия по сходству обуславливает метафору, а следовательно, поэзию, выходит, что отношения без контакта важнее, чем «механические» (зависящие от прямого контакта).

Красной нитью проходит через творчество Якобсона идея *бесконтактного сходства*. Можно сказать, что эта идея завораживала его на протяжении всей жизни. Тем самым невозможно свести это творчество только к «классическому» структурализму.

Якобсон в 30-е годы находится на перепутье. В его трудах довоенного периода можно найти как отголоски физики Эйнштейна, так и стремление к синтезу идеалистической морфологии немецкого романтизма и греческого неоплатонизма, представляющее собой попытку преодоления кризиса позитивизма в России в начале XX в. Перед нами открывается целое поле для новых исследований на этом пути.

Примечания

¹ Этот эпиграф Гёте поставил в своей статье о споре между Кювье и Э. Жоффруа Сент-Илером в 1830 г.

² *Иванов Вяч.Вс.* Лингвистический путь Романа Якобсона // Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 5.

³ *Milner J.-C.* Le bonheur par la symétrie // *Cahiers Cistre*. 1978. № 5. P. 53.

⁴ *Ibid.* P. 56.

⁵ *Якобсон Р.О.* Языковые проблемы в трудах Масарика // Центральная Европа (Прага); перепечатано в: *Jakobson R. Selected Writings*. The Hague; P.: Mouton, 1971. Vol. II. P. 469.

⁶ *Jakobson R.* Sur la théorie des affinités phonologiques entre les langues: Доклад на IV Международном конгрессе лингвистов (Копенгаген, август 1936 г.); цит. по: *Якобсон Р.О.* Избранные работы. С. 92.

⁷ *Jakobson R. N.S. Trubetzkoy* // *Acta linguistica I*; перепечатано в: *Jakobson R. Selected Writings*. Vol. II. P. 505.

⁸ *Jakobson R.* Sur la théorie des affinités phonologiques entre les langues; цит. по: *Якобсон Р.О.* Избранные работы. С. 92.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 93.

¹¹ Там же. С. 94.

- ¹² Я здесь не упоминаю о полемике, возникшей между механистами и деборинцами в советской философии 1920–1930-х годов, но это явная веха в обсуждаемой здесь проблеме. Якобсон не мог не знать об этом споре.
- ¹³ *Meillet A.* Les langues du Monde. P.: Champion, 1924. P. 1; в переводе: *Кацнельсон С.Д.* Прогресс языка в концепциях индоевропеистики // Известия Академии наук. ОЛЯ. 1940. № 3. С. 62.
- ¹⁴ *Meillet A.* Le problème de la parenté des langues // Linguistique historique et linguistique générale. P., 1921. P. 76.
- ¹⁵ *Jakobson R.* Six leçons sur le son et le sens; цит. по: *Якобсон Р.О.* Избранные работы. С. 33.
- ¹⁶ Там же. С. 47.
- ¹⁷ *Серио П.* Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. М.: Языки славянской культуры, 2001. Гл. V.
- ¹⁸ Вопросы языкознания. 1995. № 3. С. 158.
- ¹⁹ Цит. по: *Левинская И.* О филологии без идеологии. Реплика по поводу двухтомника П.А. Дружинина «Идеология и филология» // Звезда. 2013. № 8 (без пагинации). URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2013/8/111.html>.
- ²⁰ См.: *Todes D.* Darwin without Malthus. N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 41.
- ²¹ *Jakobson R.* Über die heutigen Voraussetzungen der russischen Slavistik // Roman Jakobson: Semiotik. Ausgewählte Texte 1919–1982 / H. Holenstein (hrsg.). Frankfurt a/M.: Suhrkamp, 1992. S. 54.
- ²² *Jakobson R.* К характеристике евразийского языкового союза, – см.: *Jakobson R.* Selected Writings. Vol. I. P. 150.
- ²³ *Jakobson R.* Selected Writings. Vol. II. P. 258.
- ²⁴ *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь, 1911–1915. Гл. III: Симпатическая магия [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Frezer/03.php (дата обращения: 18.04.2015).
- ²⁵ Цит. по: *Якобсон Р.О.* Избранные работы. С. 103.
- ²⁶ Интересно, что принятый французский перевод звучит: «seul le semblable attire le semblable» (только подобное притягивает подобное), а английский – «like is only known by like» (подобное познается только подобным). Это уже разные интерпретации. Другой вариант гласит: αἰεὶ τὸν ὁμοῖον ἄγει θεὸς ὡς τὸν ὁμοῖον (божество всегда толкает подобное к подобному).
- ²⁷ Якобсон не употребляет этот термин.

Патрик Флак (Швейцария)

РОМАН ЯКОБСОН
И ПЕРЕХОД НЕМЕЦКОЙ НАУЧНОЙ МЫСЛИ
К СТРУКТУРАЛИСТСКОЙ ПАРАДИГМЕ:
К новой историографии структурализма

Цель данной статьи – очертить проблемные рамки дальнейшего исследования структурализма и его генеалогии. Мне хотелось бы показать, что преобладающие ныне подходы к изучению истории структурализма следует значительно расширить, причем не только для того, чтобы полнее учесть наследие мыслителей Восточной и Центральной Европы, но и чтобы лучше осмыслить глубокую, плодотворную укорененность структурализма в немецкой научной мысли XIX в. С этой целью я в сжатом виде сопоставляю три различные историографические модели структурализма («французскую», «восточно-западную» и «якобсоновскую»): каждая из них представляет – пусть приблизительно и избирательно – контрастивную карту интеллектуальных и межличностных сетей, которые лежали в основе развития структурализма вплоть до Второй мировой войны.

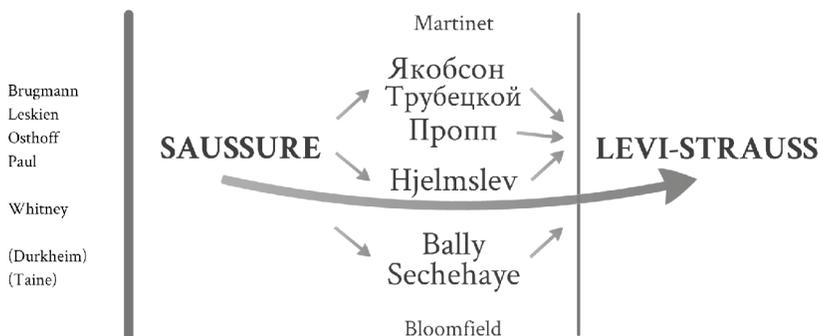
Ключевые слова: структурализм, история гуманитарных наук, Соссюр, Леви-Стросс.

Схематический, «моделирующий» подход, который я здесь предлагаю, несомненно порождает существенные методологические проблемы, в частности из-за некоторой его размытости и поверхностности. Правда, в рамках данной работы я намерен лишь вскользь очертить некоторые межличностные и концептуальные взаимосвязи между большим числом исследователей, не вдаваясь в анализ и интерпретацию масштаба, удельного веса и влияния их идей; мы не будем здесь

углубляться в рассмотрение вопроса о концептуальной значимости и целесообразности помещения структурализма в контекст эволюции немецкой научной мысли XIX в. Все это накладывает серьезные ограничения, которые я всецело осознаю. Дело в том, однако, что всю сложность и богатство интеллектуальных корней структурализма в немецкой научной мысли XIX в., как и поразительное пренебрежение, которому подверглись эти немецкие традиции (в качестве самодостаточных и значимых в исторической перспективе теорий, имеющих непосредственное отношение к структурализму), нам еще только предстоит подробно проанализировать на понятийном уровне. Как будет показано далее, существует огромный материал – труды мыслителей, дисциплины и интеллектуальные традиции, воздействие которых на структурализм только-только начало серьезно изучаться.

В то же время сейчас, когда прошло уже 20 лет после того, как возобновился научный интерес к вопросам происхождения структурализма и интеллектуальному контексту межвоенного периода, недостатки традиционных методов изучения структурализма обнаружались со всей ясностью, а присутствие в центре его проблематики целой плеяды забытых мыслителей и интеллектуальных традиций стали совершенно очевидными. А потому необходимость в переосмыслении и переоценке существующих подходов к изучению структурализма уже не требует отдельного обоснования. В самом деле, та картина концептуальных связей, что будет предложена вниманию читателя, основывается на результатах научных изысканий, которые осуществлялись на протяжении продолжительного времени целым рядом ведущих исследователей¹. На протяжении последних лет призывы к более широкому и в то же время дифференцированному подходу к структурализму звучали уже не раз². Они ставили во главу угла тенденции «межнационального», «исторического» и «междисциплинарного» характера, что полностью совпадает с той перспективой, в которой я предлагаю рассматривать данную проблематику. Таким образом, наши претензии не представляют чрезмерными, а данная работа не бросает вызова существующим представлениям о структурализме: ее задача скорее состоит в том, чтобы подвести некоторые итоги и сделать выводы из проводимых изысканий, а также по мере возможности способствовать определению общего направления и потенциального круга будущих исследований происхождения структурализма.

«Французская» модель

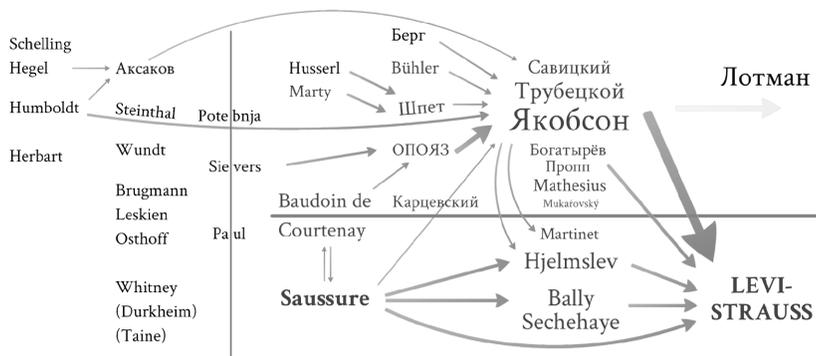
Эта первая историографическая модель соответствует тем описаниям развития идей структурализма в межвоенный период, которые обычно включают в учебники и хрестоматии по истории лингвистики³ и литературоведения⁴ либо по истории структурализма как такового⁵. Я называю эту модель французской потому, что она связана почти исключительно с личностью Фердинанда де Соссюра (франкоязычного швейцарца) и Клода Леви-Стросса, а также потому, что в рамках этой модели местом и периодом расцвета и наибольшей значимости идей структурализма считается парижская интеллектуальная среда 1960–1970-х годов (Ролан Барт, Жак Лакан, Цветан Тодоров и др.). В рамках этой модели Соссюр, как правило, представляется в роли отца структурализма, одинокого гения, который при некотором участии таких ученых, как Уильям Уитни, Поль Дюркгейм и Ипполит Тэн, порвал с традициями младограмматики (Карл Бругман, Август Лескин, Герман Остгоф, Герман Пауль и др.) и положил начало новой эры лингвистики и науки о знаках (семиологии). Леви-Стросс, в свою очередь, представлен в качестве ключевой фигуры, сумевшей распространить идеи Соссюра о природе языковых знаков на другие науки и тем самым дать толчок становлению структурализма как господствующей парадигмы в 1960-х годах.

Вслед за этими двумя титанами гуманитарной мысли во «французскую» модель, как правило, включают промежуточное звено, а именно ряд различных школ структурализма: Женевскую школу Шарля Балли и Альбера Сеше, Пражскую школу Романа Яacobсона и Николая Трубецкого (или, в меньшей степени, Андре Мартине),

Копенгагенский лингвистический кружок Луи Ельмслева и значительно меньшее по значимости американское направление Леонарда Блумфилда, основанное на идее дистрибутивности. Владимир Пропп, филолог-фольклорист, близкий к русскому формализму, также упоминается как личность, оказавшая значительное влияние на Леви-Стросса. Тем не менее все эти мыслители представляются как прямые наследники Соссюра и непосредственные предтечи Леви-Стросса. Иными словами, все они образуют собой некую линейную «сосюрианскую» традицию. Достижения самого Соссюра в большинстве случаев представляются как намного более значимые для Леви-Стросса, нежели как вклад, привнесенный позже Якобсоном, Трубецким или Ельмсловом. Единственное значимое исключение представляет собой фигура Проппа, чья деятельность лежала вне плоскости лингвистики и, вероятно, как раз по этой причине была признана отдельным интеллектуальным вкладом, существенно отличным от идей Соссюра и оказавшим непосредственное влияние на Леви-Стросса.

Эта краткая зарисовка несомненно представляет собой упрощенную версию того, что мы находим в работах Каллера, Досса и десятков других исследователей, оставляя в данном случае без внимания значительные различия в их интерпретации проблематики происхождения и развития структурализма. В частности, обойдены молчанием междисциплинарные различия: как правило, исследователей-лингвистов, таких как Серен или Робинс, больше занимают связи Соссюра со школой младограмматиков, в то время как для литературоведов и антропологов отправной точкой является Леви-Стросс, а весь межвоенный период представляется не более чем предысторией (так, в своей авторитетной «Histoire du structuralisme» Досс начинает повествование с 1945 г.). Однако справедливо признать, что несмотря на все различия эти работы отводят изысканиям Соссюра почетную роль поворотного момента в истории развития научной мысли, единственной и уникальной отправной точки развития всей парадигмы структурализма. Точно так же деятельность Леви-Стросса систематически характеризуется как важнейший катализатор очевидного распространения парадигмы структурализма из лингвистики на практически все гуманитарные науки *в поствоенный период*. К тому же – что весьма прискорбно – все посвященные структурализму работы, которые не были написаны или же сразу переведены на английский или французский, так никогда и не были должным образом ассимилированы этой «сосюрианской» генеалогией и были обречены оставаться на ее дальних рубежах.

«Восточно-западная» модель

Вторая модель синтезирует результаты серии исследований, опубликованных после падения Берлинской стены и ознаменовавших собой новый взгляд на развитие гуманитарной мысли в межвоенный период в России и Центральной Европе⁶. Само это название – «восточно-западная» модель – призвано отобразить тот факт, что в этой модели, несмотря на признание вклада исследователей Восточной и Центральной Европы в развитие структурализма, «восточное», или «славянское», направление все же остается принципиально отличным от «западного», или «соссорианского», или даже в некотором роде противопоставленным ему. Важно отметить, что этот дуалистический взгляд на структурализм не постулируется как абсолютная догма ни в одном из вышеупомянутых исследований. В целом их авторы предпочитают обрисовывать богатство и разнообразие школ структурализма и вести речь о «структурализах» во множественном числе⁷, не проводя четкого разграничения между явно разнородными «восточными» и «западными» традициями. Однако поскольку они нередко и по вполне понятным эвристическим соображениям предпочитают сосредоточиваться почти исключительно на генезисе и концептуальной направленности традиций структурализма в Восточной и Центральной Европе, подчеркивая при том *оригинальные* и *отличительные* черты этих направлений, они порождают впечатление расхождения этих традиций с «соссорианским» структурализмом.

«Восточно-западная» модель привносит как минимум три значительных новшества – или улучшения – сравнительно с «французской». Во-первых, что совсем неудивительно, она изображает

саму Пражскую школу гораздо подробнее. Если, с точки зрения «французской» модели, интерес представляют лишь Якобсон и Трубецкой, то вторая модель уделяет значительно большее внимание чешским членам Пражского лингвистического кружка (Вилем Матезиус, Богуслав Гавранек, Богумил Трнка), а также нелингвистам, таким как Петр Богатырев, Дмитрий Чижевский и Ян Мукаржовский, основатель Пражской эстетической школы. Таким образом, Пражская школа предстает не только через призму своих достижений в области фонологии, но и как междисциплинарный проект большой значимости для таких областей знания, как эстетика, литературоведение, театроведение и семиотика.

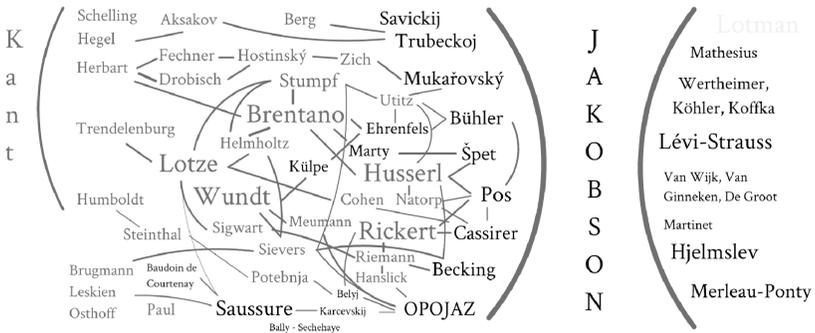
Второе значительное изменение связано с тем, что в рамках «восточно-западной» модели Соссюр больше не воспринимается как единственная личность, оказавшая непосредственное влияние на Пражскую школу. Работы польского лингвиста Бодуэна де Куртенэ, основателя *Ohrenphilologie* (акустической филологии) Эдуарда Зиверса и даже младограмматика Германа Пауля⁸ оказываются в числе тех, кто оказал значительное влияние на становление структурализма. Кроме того, не обойдено вниманием наследие русских формалистов (Юрия Тынянова, Льва Якубинского, Евгения Поливанова, Григория Винокура). Если в рамках «французской» модели их роль вторична и производна, как эхо парижского структурализма, зазвучавшее лишь благодаря их «популяризации» Цветаном Тодоровым в середине 1960-х годов, то с точки зрения «восточно-западной» модели они по праву являются интегральной частью раннего структурализма. Далее в поле зрения исследователей попадают другие, не менее важные для становления Пражской школы области знания помимо лингвистики и филологии; в частности, это феноменология (Эдмунд Гуссерль и его российский студент и последователь Густав Шпет), «эмпирическая школа» Brentano (Антон Марти, Кристиан фон Эренфельс и др.), а также психолингвистика Карла Бюлера.

Третьей новацией этой модели стала меньшая убежденность исследователей в том, что деятельность Соссюра озаменовала собой качественно новый период в развитии лингвистики и вообще в истории идей. Это соображение подспудно присутствует в вышеупомянутой критике представления о Соссюре как единственном идейном вдохновителе лингвистики нового образца и тенденции помещать его идеи в единый контекст с научными изысканиями Бодуэна де Куртенэ, Зиверса, Пауля, русских формалистов, а также Гуссерля и школы Brentano, о чем уже шла речь выше. Что касается идеи отрицания личности Соссюра как гения, в одиночку

изменившего ход развития структурализма, то наиболее явно она выражена Патриком Серио в его эпохальной работе «Структура и целостность» (1999). В ней Серио тщательно описывает всю долгую историю развития наиболее важных понятий пражского структурализма (структура, система, функция и др.) в рамках традиций неогумбольдтианской лингвистики и психологии (Хейман Штейнталь, Александр Потебня) и, что особенно удивительно, консервативной идеологии евразийства (Петр Савицкий), а также славянофильской философии XIX в. (Константин Аксаков). По мысли Серио, центральные понятия структуры и системы зародились не как следствие четкого разрыва с позитивизмом младограмматиков, но скорее постепенно выросли и выкристаллизовались на основе затяжной концептуальной борьбы с ключевыми идеями (*Ganzheit, Form, Organ*), выдвинутыми в рамках немецкого органицизма (Гёте), идеализма Гегеля и натурфилософии Шеллинга.

Естественно, как и в случае с «французской» моделью, предложенный краткий очерк ни в коей мере не претендует на роль всестороннего и исчерпывающего анализа упомянутых тут исследований. Эта часть даже больше, чем первая, напоминает коллаж из многих исследований, различных по фокусу внимания и по своим выводам. И все же представляется возможным выделить наиболее характерные их черты и ограничения. Так, наиболее очевидным отличием является повышенное внимание к источникам структурализма в Восточной и Центральной Европе, вследствие которого эта модель полностью порывает с традициями «французской» модели со свойственным последней узким пониманием проблематики структурализма, рассматривающим его как линейное продвижение по концептуальной оси «от Соссюра до Леви-Стросса». Более того, представление о том, что истинный расцвет структурализма приходится именно на послевоенный период, однозначно опровергается в процессе изучения того разнообразия, которое наблюдалось в гуманитарной мысли межвоенного периода благодаря деятельности представителей Пражской школы, а также тем значимым предпосылкам дальнейшего развития структурализма, которые лежат вне лингвистики (в области литературоведения, философии, психологии и др.) и уходят корнями в научную мысль XIX в. Однако в рамках этой модели задан⁹, но все же оставлен без ответа один важный вопрос, а именно: как соотносятся между собой оригинальный с точки зрения эпистемологии «славянский», или «восточный», структурализм и «соссюрианская» сторона этого течения, которая, по-видимому, сохраняет определенную целостность и собственную динамику развития.

«Якобсоновская» модель

Эта последняя модель включает в себя большую часть элементов двух предыдущих, в частности, все корректировки и добавления, осуществленные в рамках «восточно-западной» модели. Кроме того, она видит дополнительную опору в немецкой и австрийской философской мысли XIX в., не связанной напрямую со структурализмом¹⁰, а также включает ряд выводов и гипотез, которые были сформулированы мною¹¹. В рамках этой модели, в отличие от двух вышеприведенных моделей, стремящихся к «нейтральному» взгляду на структурализм, основное внимание сознательно уделяется роли Романа Якобсона, причем с вполне определенной исследовательской целью. Иными словами, несмотря на сильный перекосяк в сторону Якобсона, эта модель ни в коей мере не несет в себе идею о Якобсоне как единственном эпицентре развития структурализма. Скорее поставлена цель представить систему межличностных и концептуальных взаимосвязей внутри течения структурализма таким образом, чтобы их преемственность с традициями гуманитарной мысли XIX в. стала непосредственно очевидной. Соответственно выбор личности Якобсона логичен, поскольку в плоскости его деятельности пересекаются, сливаются и снова расходятся многие традиции (феноменология, неокантианство, «эмпирическая школа» Brentano, эстетическая теория Гербарта, формализм и др.).

Основным принципом этой модели является распространение подхода Серио (1999) на большее число интеллектуальных источников Якобсона. Таким образом, в дополнение к восстановлению отношений наследственности между деятельностью Якобсона и идеями Гумбольдта (через ось Потебня–Штейнталь), а также

Шеллинга, Гегеля и Гёте (через ось Савицкий / Трубецкой–Берг–Аксаков) учитываются связи Якобсона с эстетикой Гербарта (Мукаржовский–Цих–Гостинский–Фехнер / Дробиш) и антигербартовской психологией (Бюлер–Эренфельс–Штумпф–Брентано), с посткантианской эпистемологией (Пос–Кассирер / Рикерт–Лотце–Гельмгольц–Тренделенбург) и психологической эстетикой (Бекинг–Риман / Ганслик–Зигварт), а также с экспериментальной психологией (Зиверс–Мейман / Кульпе–Вундт). Естественно, что все эти отношения преемственности и концептуального родства еще предстоит тщательно исследовать и объяснить. Однако эта модель сразу позволяет заметить, насколько тесно они увязаны между собой. Следует добавить, что эти связи несут в себе не черты отдаленного родства и сомнительных «влияний» – они основаны на близких личных отношениях (например, учитель–студент), обширной переписке (как личного, так и дискуссионного характера), подробных рецензиях, непосредственной полемике, а также на прямых свидетельствах признательности.

По правде говоря, дальнейшее описание данной модели, ее отстаивание и извлечение выводов на данном этапе не представляется целесообразным. К тому же ее сложность делает это совершенно невозможным в рамках данной работы. Тем не менее я убежден, что необычайная плотность системы личных и интеллектуальных отношений между наиболее выдающимися философами, психологами и лингвистами, которая обрисована в рамках «якобсоновской» модели, сама по себе является доводом в пользу признания отношений наследственности между структурализмом и гуманитарной мыслью XIX в. Две другие историографические модели не содержат весомых аргументов против такого расширенного понимания данной проблематики. Более того, вся их правдоподобность зиждется на полном или частичном игнорировании исторических предпосылок, существование и значимость которых, однако, не подлежат сомнению. Это особенно верно в отношении «французской» модели с ее полным пренебрежением истоками структурализма, относящимся к XIX в. Однако и «восточно-западная» модель обращается к ним лишь частично и только в отношении «восточного крыла» структурализма. Таким образом, уже одно только знание о том, что крупнейшие структуралисты, такие как Якобсон, на самом деле являются прямыми наследниками немецкой научной мысли XIX в. и, более того, что сами эти традиции представляют собой плотную и широкомасштабную систему значимых и плодотворных отношений, становится достаточным основанием для более тщательного исследования этой системы взаимосвязей.

- ¹ *Raynaud S.* Il Circolo linguistico di Praga (1926–1939). Radici storiche e apporti teorici. Milano: Vita e pensiero, 1990; *Sériot P.* Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale. P.: Presses universitaires de France, 1999; *Дмитриева Н.* Русское неокантианство. «Марбург» в России. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007; и др.
- ² *Hoskovec T.* Synchronie et diachronie au centre et à la périphérie. Du foyer pragois de structuralisme fonctionnel // Cahiers Ferdinand de Saussure. 2011. Vol. 64; Dossiers d'HEL. 2013. № 3. Les structuralismes linguistiques. Problèmes d'historiographie comparée / Ed. par Ch. Puech.
- ³ *Seuren P.* Western Linguistics. An Historical Introduction. L.: Wiley-Blackwell, 1998; *Robins R.H.* A short history of linguistics. L.: Longman, 2001; и т. д.
- ⁴ From formalism to poststructuralism / Ed. by R. Selden, P. Brooks. Cambridge: Cambridge University Press, 2005; Literary theory. An anthology / Ed. by J. Rivkin, M. Ryan. Princeton, NJ, 2010; и др.
- ⁵ *Scholes R.* Structuralism in literature. An introduction. New Haven: Yale University Press, 1974; *Culler J.* Structuralist poetics. Structuralism, linguistics and the study of literature. L.: Routledge, 1975; *Dosse F.* Histoire du structuralisme: In 2 vols. P.: La Découverte, 1995–1996; и т. д.
- ⁶ *Raynaud S.* Op. cit.; *Sériot P.* Op. cit.; *Dmitriev A.* Le contexte européen (Français et Allemand) du formalisme russe // Cahiers du monde russe. 2002. Vol. 2–3 (43). P. 423–440; *Seifrid Th.J.* The word made self. Russian writings on language, 1860–1930. Ithaca: Cornell University Press, 2005; *Sládek O.* Český strukturalismus po poststrukturalismu. Praha, 2005. Brno: Host, 2006; Gustave Chpet et son héritage: aux sources russes du structuralisme et de la sémiotique / Ed. par M. Dennes. Toulouse: Slavica Occitania, 2008; *Ambros V.* Structuralism(s) today. P.; Prague; Tartu; N. Y.: Legas, 2009; и др.
- ⁷ См.: *Ambros V.* Op. cit.; Dossiers d'HEL. 2013. № 3.
- ⁸ См.: *Albrecht J.* Hermann Paul, ein Strukturalist ante litteram? // Lingua et traditio. Geschichte der Sprachwissenschaft und der neueren Philologien / Hrsg. von R. Baum. Tübingen: Narr, 1994. S. 393–408.
- ⁹ Например: *Sériot P.* Op. cit. P. 307–313.
- ¹⁰ *Köhnke K.Ch.* The Rise of Neo-Kantianism. Cambridge: Cambridge University Press, 1991; La Philosophie autrichienne de Bolzano à Musil. Histoire et Actualité / Ed. par K. Mulligan; J.-P. Cometti. P.: Vrin, 2001; *Дмитриева Н.* Указ. соч.; Formalisme esthétique. Prague et Vienne au 19e siècle / Ed. par C. Maigné. P.: Vrin, 2013; и др.
- ¹¹ *Flack P.* Hendrik Pos. Une philosophie entre idée et vécu // Hendrik Pos: Ecrits sur le langage / Ed. par P. Flack. Genève: Sdvig press, 2013. P. 8–27; *Idem.* Roman Jakobson et le moment phénoménologique de la linguistique structurale // Cahiers de l'ILSL. 2013. Vol. 37. P. 117–126; *Idem.* Le formalisme russe entre ferment néo-kantien et linguistique structurale // L'arrière-plan linguistique du formalisme russe / Ed. par S. Archambault, S. Tchougounnikov. P.: Institut des Etudes Slaves, 2014 (in press); *Idem.* From a theory of verse to a typology of musical rhythm and back again. Sievers – Becking – Jakobson // Wiener Slawistischer Almanach. 2014 (in press).

И.Г. Матюшина

АЛЬФРЕД ЭТЕЛИНГ И ПОЭМА АНГЛОСАКСОНСКОЙ ХРОНИКИ

Статья посвящена исследованию малоизученной поэмы, включенной в Абингдонскую и Вустерскую рукописи Англосаксонской хроники в качестве записи за 1036 г. Содержание поэмы о гибели Альфреда Этелинга, брата Эдуарда Исповедника, реконструируется на основании более поздних памятников XI–XII вв. Анализ поэмы показывает, что ее ритмическая, звуковая, лексическая, синтаксическая организация восходит не к западногерманской традиции аллитерационного стиха, но к агиографической и гомилетической традиции, засвидетельствованной прозой Вульфстана и Эльфрика. В статье высказывается предположение, что создатель поэмы сочинил ее по образцу более раннего ритмизованного текста о гибели Эдуарда Мученика, включенного в Петерборскую рукопись Англосаксонской хроники за 978 г.

Ключевые слова: Англосаксонская хроника, аллитерационный стих, гомилетическая проза.

Имя Альфреда Этелинга¹, родного брата Эдуарда Исповедника, сына короля Этельреда II, нечасто вспоминается даже исследователями англосаксонской истории. Между тем именно ему, так же как и прославленным королям Этельстану, Эдмунду Великолепному, Эдгару Миротворцу и Эдуарду Исповеднику, посвящена одна из шести поэм Англосаксонской хроники. Очевидно, современники оценивали ту роль, которая ему была отведена в истории, иначе, чем потомки.

Альфред Этелинг был одним из восьми сыновей Этельреда от его второй жены Эммы Нормандской, дочери герцога Нормандии Ричарда I. Альфред, как и его старший брат (будущий король Эдуард Исповедник, 1042–1066 гг.), получил воспитание при дворе

своего дяди, герцога Роберта Нормандского². По свидетельству Англосаксонской хроники, король Этельред послал обоих этелингов в Нормандию в 1013 г., когда датский правитель Свейн Вилобородый со своим сыном Кнутом вторгся в Англию и «весь народ принял его как своего полноправного короля»³. Королева Эмма Нормандская, мать Альфреда и Эдуарда, очевидно, бежала в Нормандию отдельно от сыновей⁴, а король Этельред воссоединился со своей семьей некоторое время спустя.

Свейн умер в феврале 1014 г., и «все советники... решили послать за королем Этельредом и объявили, что ни один правитель для них не дороже, чем их настоящий господин, если он будет править ими более справедливо, чем прежде... Той весной король Этельред вернулся домой к своим людям и был ими радостно встречен»⁵. Вместе с королем возвратились в Англию и его сыновья Эдуард и Альфред. Став королем во второй раз, Этельред сохранил престол до своей кончины в апреле 1016 г.

После смерти Этельреда королем Уэссекса и южной части Англии стал его сын от первого брака Эдмунд Железнобокий (апрель – ноябрь 1016 г.), а правителем Мерсии и северных областей был провозглашен король Дании и Норвегии Кнут Могучий, который два года спустя получил власть над всей страной. Взойдя на английский престол, Кнут вступил в брак со вдовой Этельреда Эммой Нормандской и благодаря этому браку заключил союз и с нормандской, и с уэссекской династией. Основной источник сведений об этом периоде англосаксонской истории «Энкомий королеве Эмме» (*Encomium Emmae Reginae*, 1041–1042 гг.), вероятно, созданный в аббатстве Св. Бергена⁶ (Фландрия) по заказу Эммы, сообщает, что после брака с Кнутом и рождения их общего сына Хардакнута «родители, которые были счастливы благодаря глубокой и необычайной любви к этому ребенку, отослали других законных сыновей на воспитание в Нормандию (*alios uero liberales filios educandos direxerunt Normanniae*)»⁷, подразумевая Альфреда и Эдуарда, но умалчивая о том, что их отцом был Этельред.

Отправив этелингов в Нормандию, Кнут постарался избавиться и от других сыновей и потомков Этельреда, представлявших угрозу если не ему самому, то его сыновьям на пути к английскому престолу. По приказу Кнута Эадвиг, младший сын Этельреда от его первой жены (брат Эдмунда Железнобокого), был изгнан из Англии, а затем погиб, когда попытался тайно возвратиться на родину; внуки Этельреда (сыновья Эдмунда Железнобокого) были высланы в Швецию, где должны были быть убиты. О том, как Кнут расправился с отпрысками Этельреда, упоминает в «Драпе о Кну-

те» (Knútsdrápa, ок. 1038 г.) и исландский скальд Сигват Тордарсон, живший при дворе короля Кнута: «И скоро Кнут убил или выгнал вон всех и каждого из сынов Адальрада (*Этельреда*)» (Ok senn sonu / sló, hvern ok þó, / Adalráðs, eða / út flæmði, Knútr, В I, 232, 2).

Кнут, несомненно, прочил в наследники одного из своих сыновей, и Эмма, как говорится в Энкомии, поставила Кнуту условие, что английский престол получит их сын, рожденный в новом браке. Однако когда Хардакнуту исполнилось восемь лет, Кнут увез его из Англии в Данию, предполагая, что тот станет в будущем датским королем.

Вопрос о престолонаследии в Англии осложнялся еще и тем, что до брака с Эммой женой Кнута была Эльфгифу, у которой было двое сыновей: старший – Свейн и младший – Харольд Заячья Лапа (будущий король Англии 1035–1040 г.). Своего старшего сына Свейна Кнут назначил правителем Норвегии, дав ему в помощь его мать Эльфгифу. Однако Свейн и Эльфгифу вызвали такое недовольство норвежцев непомерными налогами и предпочтением датской знати, что в 1033 г. им пришлось покинуть Трондхейм и скрыться в южной части страны. Два года спустя они были изгнаны, Свейн нашел приют у Хардакнута и год спустя умер, Эльфгифу вернулась в Англию, а королем Норвегии стал Магнус, сын Олава Святого.

Когда Кнут в ноябре 1035 г. скончался в возрасте 40 лет, на английский престол оказалось несколько претендентов. Сын Кнута и Эммы Хардакнут, который должен был по праву наследовать и датский, и английский престол⁸, стал королем Дании и потому был вынужден оставаться там, обороняя страну от норвежского короля Магнуса. Харольд Заячья Лапа, единственный из всех претендентов находившийся в Англии, считал себя главным наследником престола, так как его старший брат Свейн уже получил Норвегию, а его сводный брат Хардакнут, сын Кнута и Эммы, – Данию. В поддержку Харольда выступил эрл Мерсии Леофрик, однако эрл Годвине, могущественный правитель Уэссекса (993–1053 г.), был на стороне Хардакнута. О противостоянии властей предрежащих после смерти Кнута свидетельствует Петерборская рукопись Хроники: «в Оксфорде состоялась собрание всех советников, и эрл Леофрик, и почти все правители к северу от Темзы, и морские мужи из Лондона (fa liðsmen on Lunden) избрали Харольда покровителем всей Англии, чтобы он правил как за себя самого, так и за своего брата Хардакнута, который находился в Дании. Но эрл Годвине и все старейшины в Уэссексе противодействовали этому сколько могли, однако ничего не сумели против того сделать»⁹.

Противники Харольда выражали сомнение в его королевском происхождении и, следовательно, в его правах на королевский престол. Эти сомнения нашли отражение в нескольких рукописях Англосаксонской хроники: «И Харольд сказал, что он был сыном Кнута и другой Эльфгифу из Нортамптона, хотя это и не было правдой» (Абингдонская, Вустерская рукописи)¹⁰, «некоторые говорили о Харольде, что он был сыном короля Кнута и Эльфгифу, дочери олдермена Эльфхельма, но многим людям это казалось весьма неправдоподобным» (Петерборская рукопись)¹¹. Английский монах и историк Иоанн Вустерский (ум. ок. 1140 г.), автор Всемирной истории (*Chronicon ex Chronicis*), считает, что Эльфгифу не могла иметь детей и потому прибегла к обману, усыновив одного младенца (Харольда) из семьи сапожника, а другого (Свейна) – из семьи священника¹². Нельзя исключать, что слухи о незаконном происхождении Харольда возникли благодаря единомышленникам Эммы Нормандской, которая видела соперницу в Эльфгифу и угрозу – в ее сыновьях. Несмотря на противодействие Эммы и ее сторонников, в частности могущественного эрла Годвине, Харольду все же удалось захватить власть: Петерборская рукопись называет его «правителем, регентом» (*heald* – «покровитель»), Абингдонская – «королем» (*cing*)¹³.

Большинство англосаксонской знати было настроено против сыновей Кнута и хотело возвращения на престол уэссекского наследника, поэтому вполне возможно, что Эмма послала письмо своим старшим сыновьям от брака с Этельредом, Альфреду и Эдуарду, которые находились в Нормандии, и попросила их приехать в Англию. Она могла обратиться к ним за помощью, так как Харольд начал притеснять ее, как только получил власть: «он послал к ней (*людей*) и повелел отобрать у нее все ее лучшие сокровища, которыми владел король Кнут» (Абингдонская и Вустерская рукописи Хроники)¹⁴. В «Энкомии королеве Эмме» утверждается, что Эмма не посылала приглашения (и следовательно, не могла нести ответственности за трагическую судьбу, постигшую Альфреда), а его подделал Харольд с целью заманить обоих сыновей Эммы и Этельреда в ловушку¹⁵. Харольд, как подразумевается в Энкомии, понимал, насколько необоснованны его притязания на королевский престол, и стремился как можно скорее избавиться от всех возможных соперников (т. е. поступил точно так же, как в свое время его отец Кнут).

Младший брат Эдуарда Альфред Этелинг в сопровождении нормандского отряда сел на корабль в Виссанте, деревушке, находившейся в 23 км от Булони, высадился в Дувре и попытался до-

браться до Лондона. Не исключено, что Альфред направлялся не в Лондон, но в Уинчестер, желая навестить свою мать Эмму, как утверждается в Абингдонской и Вустерской рукописях Англосаксонской хроники. Однако, очевидно, возвращение в Англию представителя уэссекской династии, властвовавшей страной несколько веков, было воспринято как вызов датскому правлению (в нормандских источниках даже идет речь о том, что целью Альфреда было «вступление во владение королевской вотчиной»¹⁶ и захват английского престола¹⁷). Руководствуясь приказом сына Кнута Харольда Заячья Лапа, уэссекский эрл Годвине перехватил Альфреда и расправился с его сторонниками. Альфред был передан в руки Харольда, повелевшего отвезти пленника в Эли и ослепить, после чего он умер от ран или был убит.

Ответственность за убийство «безвинного отрока» (*se unsceddīga æpeling*, Абингдонская рукопись Хроники) неравно распределяется источниками: одни обвиняют в злодеянии Годвине¹⁸, другие – Харольда, подчеркивая, что Годвине лишь действовал по его приказу¹⁹.

Харольд изображается ответственным за убийство Альфреда в «Энкомии королеве Эмме», в котором рассказывается о том, как в его уме рождается преступный замысел убить принцев, подделав письмо их матери, королевы Эммы²⁰. Посланное от имени Эммы письмо, полностью процитированное в Энкомии, содержит жалобы на притеснения Харольда, пытающегося подкупам и угрозами заручиться поддержкой знати, и приглашение Эдуарду и Альфреду приехать в Уинчестер, чтобы обсудить планы на будущее²¹. Не подозревая об обмане, сыновья Эммы отнесли к письму с должным почтением²² и послали ответ, указав предполагаемое место и время прибытия²³. Предатели-гонцы передали этот ответ сторонникам Харольда: «Гонцы возвратились и рассказали недругам Господа (*Dei inimicis*), какой ответ был им дан благороднейшими юношами», и те подготовили нападение²⁴.

В назначенный день Альфред избрал соратников с одобрения старшего брата²⁵ и отправился во Фландрию. Там он провел некоторое время с графом Балдуином, который посоветовал ему взять с собой часть его войска, чтобы иметь возможность противостоять врагам. Альфред, однако, отказался воспользоваться этим предложением и, прихватив с собой «всего несколько человек из Булони, сел на корабль»²⁶. Он пересек пролив и приблизился к берегам Англии, однако его узнали враги, которые вознамерились на него напасть. Поняв это, Альфред приказал оттолкнуть корабли подальше от берега, а затем высадился в другом порту и попытался добраться

до своей матери, надеясь, что благополучно избежал засады. Когда Альфред почти достиг цели, его перехватил эрл Годвине, который обещал ему свою защиту и принес клятву верности. Уведя Альфреда в сторону от Лондона, Годвине завлек его в город, называемый Гилфордом, а затем расселил сподвижников Альфреда в отдельные палатки по двадцать, двенадцать и десять воинов, оставив с ним на ночь всего несколько человек. Годвине дал им всем еду и питье и удалился от них в свое жилище, распрощавшись с ними до утра, когда должен был вернуться и «с подобающими почестями служить своему господину» (*ut domino suo seruiret cum debita honorificentia*)²⁷.

Когда спутники Альфреда насытились и напились и, усталые, заснули на своих местах, появились «приспешники ненавистного тирана Харольда» (*complices Haraldī infandissimi tiranni*)²⁸, ворвались в жилища, обезоружили спящих, надели на них оковы и держали под стражей до утра. Наутро невинных людей вывели из жилищ и осудили, даже не выслушав. Так как все они были безоружны, а руки у них были скованы за спиной, они были преданы самым злобным палачам, которым было приказано не щадить никого, кроме каждого десятого. Палачи заставили скованных людей сесть в ряд и, понося их сверх всякой меры, последовали примеру убийцы Фивайдского легиона (*Legio Thebae*)²⁹, который казнил каждого десятого, хотя и делал это более милосердно, чем они. «Одних, как говорили, они убили, других обратили в собственных рабов, третьих продали, ибо были одержимы слепой жадностью, а некоторых они оставили в оковах, дабы подвергнуть их еще большим издевательствам»³⁰. Достоверность повествованию о страданиях невинных жертв сообщает заключение о том, что сам создатель Энкомия оказался свидетелем того, как многие спутники этелинга были избавлены от мучений благодаря помощи свыше.

Рассказ о судьбе людей Альфреда сменяется в Энкомии подробным описанием гибели самого принца, которое составляет наиболее эмоциональную часть всего повествования. Гнев, боль и ужас настолько захлестывают создателя Энкомия, что он прерывает свой трагический рассказ риторическими восклицаниями и вопросами³¹: «Отпрыск королей был тайно захвачен в своем жилище и подвергся издевательствам самых злобных воинов, прежде чем был отвезен на остров, называемый Эли. Затем были избраны еще более презренные злодеи, и оплакиваемый юноша был отдан им, безумным. Назначенные судьями, эти люди постановили, что оба его глаза должны быть выколоты ради поругания. Приготовившись совершить это, они поместили двух человек на его руках, чтобы те

держали его, одного – на его груди, и еще одного – на его ногах, чтобы им было проще подвергнуть его наказанию. Для чего я медлю, рассказывая об этом горе? Когда я пишу, мое перо дрожит, и сам я объят ужасом, думая о том, что выстрадал благой юноша. Поэтому я поскорее перейду от рассказа об этом великом несчастье к заключению о его мученичестве. Так его крепко держали, а потом зверски убили, после того, как выкололи его глаза. Совершив это убийство, они оставили его безжизненное тело, которое взяли слуги Господа, монахи острова Эли, и с честью его погребли»³².

«Энкомий королеве Эмме» описывает смерть Альфреда как мученическую и рассказывает о том, как начинает складываться его культ: «Однако много чудес происходит там, где находится его гробница, как сообщают люди, которые часто говорят, что их видели. И это воистину так: ибо он был замучен без всякой вины, и потому, как подобает, сила невинности должна быть явлена через него. Поэтому пусть радуется королева Эмма, имея столь великого заступника, ибо прежде у нее был сын на земле, а теперь покровитель на небесах»³³.

Можно заметить, что в Энкомии роль Годвине изображается как пассивная: он лишь перехватывает Альфреда и его спутников, оставляя инициативу за Харольдом. Годвине прямо не называется здесь пособником Харольда, мотивы его поступков не раскрываются, хотя очевидно, что Годвине не только заманил Альфреда в ловушку, но и принимал непосредственное участие в уничтожении его отряда. Создатель Энкомия проявляет большую осторожность, всякий раз упоминая, что злодеяния совершались не людьми Годвине, но приспешниками Харольда. Уклончивость автора Энкомия, скорее всего, объясняется временем создания этого памятника: в 1041 г. Годвине удалось оправдаться перед сменившим Харольда королем Хардакнудом и вновь сосредоточить в своих руках огромную власть. Годвине, очевидно, стремился угодить всякому, кто занимал английский престол или становился наиболее вероятным претендентом на него. Так, в свое время он постарался сделаться незаменимым не только для Харольда Заячья Лапа и Хардакнута, но и для Эдуарда, брата Альфреда, когда тот стал королем.

На невинности Годвине настаивает и создатель «Жития Эдуарда, почившего в Вестминстере» (рукопись ок. 1100 г., очевидно, из монастыря Св. Бертена), кратко излагающий историю гибели Альфреда: «У короля Эдуарда был брат по имени Альфред. Когда умер их отчим, король Кнут, один из сыновей Кнута, Харольд, *как говорят*, незаконнорожденный, муж высокомерный и с дурным характером, унаследовал престол при поддержке данов, которые

были в то время очень сильны и могущественны в королевстве. Тогда Альфред, не посоветовавшись (*inconsultius*), прибыл в Англию с малым числом вооруженных франков. Так как Альфред действовал неосторожно (*incautius*), пытаясь вступить во владение королевской вотчиной (*patrium regnum*), то был, по приказу короля Харольда, *как говорят*, несправедливо (*repreham*) задержан и замучен до смерти, а его сторонники, *как говорят*, были обманом обезоружены и затем некоторые были убиты, а остальные проданы победителями в рабство. И архиепископ Роберт подтвердил королю Эдуарду, как мы только что сказали, что преступление, связанное с убийством его брата и умерщвлением его спутников, было совершено по совету великолепного эрла (*Годвине*)»³⁴.

Нельзя не увидеть, что составитель жития готов обвинить в злодейском убийстве Альфреда и его спутников кого угодно, не исключая и самого этелинга, который действовал, как сказано в житии, «не посоветовавшись» и «неосторожно», только не Годвине. Трудно поверить, что Альфред действительно мог «пытаться вступить во владение вотчиной», если прибыл в Англию «с малым числом вооруженных франков». Составитель жития как будто пытается снять с себя ответственность, ссылаясь на чужой авторитет и постоянно добавляя «как говорят», когда рассказывает о том, что Альфред был схвачен по приказу Харольда, которого изображает в самом непривлекательном свете. В «Житии Эдуарда» Годвине называется «великолепным эрлом» (*gloriosus dux*), оклеветанным несправедливо, а вина за навет возлагается на непримиримого врага Годвине, архиепископа Роберта (в 1037 г. аббата и настоятеля монастыря в Жюмьеже), снискавшего особое доверие у Эдуарда, когда тот находился в изгнании в Нормандии³⁵.

В отличие от «Жития Эдуарда» в «Деяниях нормандских правителей» Вильгельма, монаха из монастыря Жюмьеж (ок. 1055–1070 гг.), утверждается, что Альфреда «предательски убил» Годвине, однако, как и в «Энкомии королеве Эмме», ответственным за его убийство здесь изображается Харольд Заячья Лапа. Годвине описывается в «Деяниях» Вильгельма Жюмьежского предателем, презревшим клятву верности и отдавшим Альфреда и его спутников в руки Харольда. Вильгельм говорит, что Альфред «с немалыми военными силами прибыл в Дувр из Виссанта»³⁶, однако был перехвачен Годвине: «Он проник в самое сердце королевства и повстречался с эрлом Годвине, который сначала приветствовал его как друга, но в ту же ночь обратился в предателя, как Иуда. Ибо хотя Годвине дал ему поцелуй мира и вкусил с ним еду, посреди ночи он приказал связать ему за спиной руки и послал его с не-

сколькими сторонниками к королю Харольду в Лондон. Другие его воины были рассеяны или пали постыдной смертью. Увидев Альфреда, Харольд приказал обезглавить его сторонников, а самого Альфреда отвезти в Эли и ослепить. Так самый благородный и добрый Альфред был несправедливо погублен. Вскоре после этого, однако, умер и Харольд»³⁷.

Убийство Альфреда рассматривается Вильгельмом как преступление против члена нормандской королевской семьи, который в течение 20 лет находился под покровительством нормандской династии: «Этельред возвратился в свою страну, оставив своих двух сыновей Эдуарда и Альфреда на воспитание их дяде Ричарду. Воспитываясь при дворе герцогов нормандских, они были окружены герцогом Робертом большим почетом. Привязанный к ним великой любовью, он после смерти своего отца Ричарда принял их как братьев. Он отправил гонцов к королю Кнуту с просьбой, чтобы тот был милостив к ним, так как их изгнание было достаточно длительным, и из любви к нему возвратил им, пусть и поздно, то, что им принадлежало. Король Кнут отверг эти мудрые предложения и отослал гонцов обратно с пустыми руками»³⁸.

Если Кнута и нормандского правителя Ричарда II, брата Эммы, связывали узы дружбы, то отношения между Кнутом и сыном Ричарда Робертом были близки к открытой вражде³⁹, возможно, потому что Роберт считал себя защитником несправедливо изгнанных этелингов и видел в возвышении Кнута угрозу Нормандии. Согласно «Деяниям нормандских правителей» Вильгельма Жюмьежского, Роберт даже готовил поход от имени Эдуарда и Альфреда и направлялся в Англию, но ему помешала буря⁴⁰.

Брат Альфреда Эдуард, который при жизни Кнута не мог надеяться на возвращение в Англию, по свидетельству нормандских источников, тоже сделал попытку высадиться в Саутгемптоне. В «Деяниях нормандских правителей» Вильгельма Жюмьежского рассказывается о том, как Эдуард был вынужден вернуться в Нормандию, так как «встретил огромное множество англов, готовых с ним сразиться»⁴¹. Вильгельм Жюмьежский видит в неудаче Эдуарда Божий промысел: «Это произошло, я думаю, по воле Господа, ради короля Эдуарда, которому Он назначил править без кровопролития»⁴². Однако Иоанн Вустерский считает, что Эдуарду все-таки удалось соединиться со своей матерью Эммой, которая попросила его возвратиться в Нормандию, как только узнала о гибели своего младшего сына Альфреда⁴³.

В отличие от нормандских источников XI в. («Энкомия королевы Эмме», «Жития Эдуарда» и «Деяний нормандских правителей»

Вильгельма Жюмьежского) Абингдонская рукопись Англосаксонской хроники за 1036 г., содержащая рассказ о страшной гибели Альфреда, описывает виновником злодеяния не столько Харольда, сколько Годвине, и не упоминает о походе Эдуарда. Версия Абингдонской хроники, очевидно, была положена в основу англо-нормандских памятников XII в. («Деяний английских королей» Уильяма Малмсберийского, «Истории англо» Генриха Хантингдонского, «Истории англо» Жеффрея Гаймара), изображающих эрла Годвине главным злодеем. Стремление обелить короля Харольда Заячья Лапа и обвинить Годвине доходит в них до того, что убийство Альфреда относится здесь ко времени после смерти Харольда.

Во всех источниках утверждается, что Годвине перехватил Альфреда со спутниками около Гилфорда, почти все люди Альфреда были уничтожены, и лишь каждый десятый избежал казни. Это свидетельство подтверждается археологическими данными. В 20-х годах XX в. к западу от Гилфорда было обнаружено массовое захоронение воинов, которые были сначала связаны, а затем казнены. Так как погребение датировано примерно 1040 г., то предполагается, что около Гилфорда были захоронены именно сопровождавшие Альфреда соратники.

Гибель Альфреда повлекла унижение его матери, которая, как говорит запись за 1037 г. в Абингдонской рукописи, «была безо всякого милосердия (*butan ælcere mildheortnesse*) изгнана навстречу бушующей зиме»⁴⁴. Эмма отправилась во Фландрию (в Брюгге), где ее «хорошо принял и содержал столько, сколько ей было нужно»⁴⁵ тамошний правитель граф Балдуин, дочери которого Матильде было суждено стать женой Вильгельма Завоевателя. В Брюгге к ней приплыл со своим флотом и Хардакнут, единокровный брат Альфреда и Эдуарда (младший сын Эммы и Кнута Могучего), так как Хроника говорит, что именно во Фландрию за ним были посланы гонцы, когда в 1040 г. умер Харольд Заячья Лапа⁴⁶.

Хардакнут занял английский престол в том же году, но правил совсем недолго (1040–1042). Став королем, Хардакнут повелел выкопать тело своего брата по отцу, Харольда Заячья Лапа, из могилы в Вестминстере и бросить его в болота Темзы⁴⁷. Согласно Иоанну Вустерскому, Хардакнут «горел великим гневом» на эрла Годвине и епископа Вустерского Люфинга, на которых Эльфрик, епископ Йоркский, возложил ответственность за убийство Альфреда. Люфинг был временно удален от епископской кафедры, а Годвине был вынужден принести в дар Хардакнуту корабль с 80 вооруженными воинами, а также публично дать клятву, что не желал ослепления Альфреда, но «его господин король Харольд приказал ему сделать

то, что он сделал»⁴⁸. Годвине, таким образом, не отрицал соучастия в злодеянии, но утверждал, что руководствовался приказаниями своего короля, который был принужден выступить против Альфреда и Эдуарда, прибывших в Англию с вооруженными воинами.

Похоже, что уже в первый год правления Хардакнута подданные пожалели о том, что позволили ему занять престол. Он прибыл в Англию с 60 кораблями и немедленно обложил жителей большим налогом, который люди «выносили с великим трудом»⁴⁹. Хардакнут, согласно Иоанну Вустерскому, «посылал своих наместников (*huscarlas*) по всем местностям королевства с требованием дани»⁵⁰. В Абингдонской рукописи рассказывается, что в 1041 г. Хардакнут разорил Вустер за то, что его жители убили двух сборщиков дани. В той же рукописи Хроники говорится, что «за все время своего правления он не сделал ничего, подобающего королю»⁵¹, а когда его брат Эдуард, старший сын Эммы от Этельреда, «который был давно изгнан из страны», прибыл в Англию из Нормандии летом того же года, «ему присягали как королю»⁵².

Памятуя трагическую гибель своего брата Альфреда, Эдуард несомненно не решил бы приехать в Англию без приглашения Хардакнута: в «Энкомии королеве Эмме» сказано, что Хардакнут, «охваченный братской любовью», пригласил Эдуарда принять участие в правлении страной⁵³; в «Деяниях» Вильгельма из Пуатье (ок. 1071–1077 гг.), прославляющих Вильгельма Завоевателя, говорится, что Хардакнут, сын Эммы Нормандской, «помог получить престол своему сводному брату Эдуарду, другому сыну Эммы»⁵⁴. Желание подчеркнуть нормандское влияние на английское престолонаследие побуждает Вильгельма из Пуатье решиться и на более смелое заявление о том, что Эдуард стал королем Англии благодаря поддержке нормандского герцога Вильгельма, которому в 1066 г. было суждено получить знаменательное прозвище Завоеватель⁵⁵.

После смерти Хардакнута в июне 1042 г., описанной в Абингдонской и Вустерской рукописях Хроники в весьма мрачных тонах, «все люди приняли Эдуарда как короля, как ему подобало по рождению» (формула «*swa him gesunde wæs*» – «как ему подобало по рождению», употребленная в Абингдонской и Вустерской рукописях, говорит о приверженности их составителей к уэссекской династии). В Петерборской хронике добавлено, что все люди Лондона выбрали Эдуарда в качестве преемника Хардакнута еще до похорон почившего короля⁵⁶.

Рестаурация уэссекской династии совершилась в апреле 1043 г. почетной коронацией Эдуарда в Уинчестере⁵⁷, и в первые годы его правления могущество эрла Годвине, казалось, прибывало. Став

королем, Эдуард отдал власть над Херефордом старшему сыну Годвине Свейну, а два года спустя, как сказано в записи за 1045 г. Абингдонской рукописи, «за десять дней до Сретения король Эдуард взял в жены Эадгюд (*Эдит*), дочь эрла Годвине»⁵⁸. В том же году Эдуард сделал правителем Восточной Англии Харольда, второго сына Годвине⁵⁹.

Тем не менее даже в начале своего правления Эдуард едва ли поддерживал Годвине по своей воле. Убийство Альфреда навсегда лишило Годвине и его сыновей королевского доверия, и Эдуард не раз старался освободиться от своего самого могущественного подданного. Лишь в 1051 г. ему наконец удалось лишить эрла Годвине власти, хотя и ненадолго. Годвине с семьей бежал во Фландрию, два его сына Харольд и Леофвину – в Ирландию, а Эдит была отправлена в монастырь⁶⁰.

Освободившись от клана Годвине, Эдуард в это время мог обратиться к Нормандии в поисках преемника и высказать предпочтение своему сородичу Вильгельму. Отсутствие потомков в браке Эдуарда, которое принято объяснять его стремлением к целибату, возможно, связано с происхождением Эдит из ненавистного Эдуарду рода. За кончиной короля, не имевшего прямых наследников, последовал династический кризис, позволивший Вильгельму Нормандскому заявить свои права на английский престол.

Годвине с сыновьями вернулись в Англию уже в следующем 1052 г., и Эдуарду пришлось оставить свои попытки избавиться от них, так как его не поддержала англосаксонская знать. Годвине были возвращены все его земли и владения, и он стал сильнее, чем прежде. Один из поздних источников («Анналы Винтонского монастыря», ок. 1200 г.), изображающий Годвине злодеем, покушавшимся погубить обоих братьев, т. е. не только Альфреда, но и Эдуарда, стремится пролить свет на причины, побудившие Годвине совершить преступление. Зверски умертвив Альфреда (в Винтонских Анналах дается еще более страшное описание его казни: его водят вокруг дерева, к которому прибиты его внутренности), Годвине устранил препятствие для возведения на трон своего сына Харольда⁶¹. О намерении Годвине погубить Эдуарда упоминается и в «Житии Эдуарда Исповедника»⁶², однако, как известно, всеильному эрлу не удалось избавиться от короля, и его сыну Харольду пришлось долго дожидаться власти. При жизни Годвине (он умер в 1053 г.) его сын Харольд получил власть над Восточной Англией (1045 г.), стал правителем Уэссекса и главой рода. Однако только в 1066 г. ему суждено было стать последним англосаксонским королем всей страны, которой он правил меньше 10 месяцев.

Поэма о смерти Альфреда

Гибель Альфреда по-разному отражена в рукописях Англосаксонской хроники: в древнейшей рукописи, Паркерской (или Уинчестерской CCC MS 173), и в самой поздней, Петерборской (MS Laud 636), о ней не упоминается ни одним словом⁶³. Напротив, в Абингдонской (MS Cotton Tiberius B.i) и Вустерской рукописях (MS. Cotton Tiberius B.iv) трагической судьбе этелинга посвящена не только прозаическая, но и поэтическая запись.

Прозаический текст, предшествующий поэме, сочинен аллитерированной и ритмизованной прозой и незначительно различается в Абингдонской и в Вустерской рукописях. В Абингдонской рукописи этот текст включает имя Годвине: *Her com Ælfred, se unscēddiga æþeling, Æþelrædes sunu cinges, hider inn and wolde to his meder, þe on Wincestre sæt, ac hit him ne gefafoðe Godwine eorl, ne ec oþre men þe mycel mihton wealdan, forðan hit hleoðrode þa swiðe toward Haraldes, þeh hit unriht wære*⁶⁴ – «Тогда Альфред, безвинный этелинг, сын короля Этельреда, прибыл сюда⁶⁵ и хотел навестить свою мать, которая жила в Уинчестере, но ему не позволили этого ни эрл Годвине, ни другие люди, которые имели большую власть, так как голоса явно склонялись в пользу Харольда, хотя это и было несправедливо». В Вустерской рукописи имя Годвине опущено как в прозаическом тексте⁶⁶, так и в следующей за ним поэме, возможно, потому что ее создатель возлагал вину не столько на эрла, сколько на его повелителя Харольда (см. ниже).

В обеих рукописях Альфред называется «безвинным этелингом» (*se unscēddiga æþeling*). Употребленное в этом словосочетании слово *æþeling* – «принц, знатный человек» встречается и в героической, и в духовной поэзии (ср. *wuldres æþeling* – «Царь славы» в поэме «Христос» 158a), однако слово *unscēddig* – «безвинный» используется преимущественно в контексте духовных памятников (мы находим его, например, в списке пожертвований короля Этельреда в описании мощей его сводного брата Эдуарда Мученика: *Of sanctus Eadwardes reliquion þæs cuninges, þe wæs unscēddig acweald* – «Мощи святого Эдуарда, того короля, который был безвинно убит»)⁶⁷. Применяя слово, наделенное агиографическими ассоциациями, и называя Альфреда «безвинным этелингом», создатели обеих рукописей Хроники не таят своего сочувствия сыну Этельреда и открыто обвиняют его убийц.

Глубокий звуковой повтор, связывающий слово *æþeling* с именем короля Этельреда, отца этелинга (*se unscēddiga æþeling, Æþelrædes sunu cinges* – «безвинный этелинг, сын короля Этельреда»), акцентирует генеалогию Альфреда. Напротив, вызывающая сомнения генеалогия Харольда в прозаическом тексте не приво-

дится. Более того, создатели обеих рукописей Хроники не сомневаются в том, что Харольд не имел права на престол, и прямо утверждают, что его избрание было несправедливым (*unriht wære*).

За приведенным прозаическим фрагментом в Абингдонской и Вустерской рукописях следует поэтический текст, который, как предполагается, мог быть сочинен между 1036 г., когда был убит Альфред, и 1044 г., когда изменился почерк писца⁶⁸. В поэме, включенной в Вустерскую рукопись, имя Годвине не называется, вместо этого используется местоимение «он» (*he*): *þa let he / hine on hæft settan* – «тогда он повелел поместить его в плен». Со времен первых издателей Хроники считается, что текст поэмы в Вустерской рукописи более поздний, чем в Абингдонской (в которой первая строка включает имя Годвине: *Ac Godwine hine þa gelette / and hine on hæft sette* – «Но тогда Годвине его остановил»). Пропуск имени Годвине и употребление местоимения в Вустерской рукописи (*þa let he / hine on hæft settan*) нарушает ритм и смысл строки, лишая ее той внутренней рифмы, которой она наделена в Абингдонской хронике (*gelette : sette*)⁶⁹. Не вполне понятно, к кому относится местоимение «он» в Вустерской рукописи. Так как в прозаическом тексте, предшествующем поэме, упоминалось имя Харольда (*fordan hit hleodrode þa swiðe toward Haraldes, þeh hit unriht wære* – «голоса склонялись явно в пользу Харольда, хотя это и было несправедливо»), то можно предположить, что местоимение относится к нему. Тогда нужно заключить, что вина за все страшные злодеяния, о которых идет речь в поэме, возлагается в Вустерской рукописи именно на Харольда.

Абингдонская рукопись, таким образом, оказывается единственной, где виновником злодеяния называется Годвине. В поэтическом тексте, включенном в эту рукопись, утверждается, что Годвине не только взял в плен Альфреда (*and hine on hæft sette*) и рассеял его соратников (*and his geferan he todraf*), вероятно, для того, чтобы людям Харольда было легче с ним справиться, но и сам убил спутников этелинга «разными способами» (*and sume mislice ofsloh*). Хотя Абингдонская рукопись изображает Годвине сторонником Харольда, в Петерборской летописи утверждается, что Годвине не поддерживал избрания Харольда на престол, отдавая предпочтение Хардакнуту (см. выше). Очевидно, Годвине изменил свои политические взгляды под давлением обстоятельств, узнав, что поддерживаемый им Хардакнут остается в Дании. Не исключено также, что устранение Альфреда как возможного преемника престола было в интересах не только Харольда, но и самого Годвине, стремившегося не допустить возвращения узсекской династии и, вероятно, надеявшегося обеспечить трон для одного из своих сыновей. Существенно, однако, что в Петерборской

летописи поэма о смерти Альфреда, главное свидетельство против Годвине, отсутствует, что говорит о политической приверженности ее составителей, вероятно, поддерживавших клан могущественного эрла и проявивших свое сочувствие в рассказе о его изгнании в 1051 г.⁷⁰

В Абингдонской рукописи поэма о гибели Альфреда датирована 1036 г., а восшествие Харольда на престол – следующим 1037 г. Таким образом, злодеяние эрла не могло быть оправдано поддержкой короля, так как Годвине назван здесь убийцей до того, как Харольд получил английский престол. В Вустерской рукописи, напротив, утверждается, что в 1035 г. «король Кнут почил, и его сын Харольд унаследовал королевство» (*Her forðferde Cnut cyng, and Harold his sunu feng to rice*). Следовательно, право карать и миловать, согласно тексту Вустерской рукописи, принадлежало Харольду, когда он сам совершил злодеяние или приказал сделать это Годвине.

Приведенный ниже текст цитируется по Абингдонской рукописи как наиболее ранний:

<p>Ac Godwine hine þa <i>gelette</i> and his geferan he todraf, sume hi man wið feo <i>sealde</i>, sume hi man <i>bende</i>, sume <i>hamelode</i> Ne wearð dreorlicre <i>dæd</i> syþþan <i>Dene comon</i> Nu is to <i>gelyfenne</i> þæt hi <i>blission</i> þe wæron butan <i>scylde</i> Se <i>æpeling</i> lyfode þa gyt; oðþæt <i>man gerædde</i> to Elig <i>byrig</i> <i>Sona</i> swa he <i>lende</i>, and hine swa <i>blindne</i> and he þar <i>wunode</i> Syððan hine man <i>byrigde</i>, ful <i>wurðlice</i>, æt þam <i>westende</i>, on þam <i>sudportice</i>;</p>	<p>and hine on <i>hæft sette</i>, and <i>sume</i> mislice ofslöh; <i>sume</i> hreowlice <i>acwealde</i>, sume hi man <i>blende</i>, sume <i>hættode</i>. gedon on þison earde, and her frið <i>namon</i>. to ðan <i>leofan gode</i>, <i>bliðe</i> mid Criste swa earmlice <i>acwealde</i>. <i>ælc</i> yfel man him gehet, þæt <i>man</i> hine <i>lædde</i> swa <i>gebundenne</i>. on <i>scype</i> man hine <i>blende</i>, <i>brohte</i> to ðam munecon, ða hwile þe he <i>lyfode</i>. swa him wel <i>gebyrede</i>, swa he <i>wyrðe wæs</i>, þam <i>stypel ful gehende</i>, seo <i>saul</i> is mid Criste.</p>	<p>Но тогда Годвине его остановил, и взял его в плен, и его соратников рассеял, и некоторых разными способами умертвил; некоторые были проданы за деньги, некоторые жестоко убиты; некоторые были закованы, некоторые ослеплены; некоторые были искалечены, с некоторых сняты скальпы. Более кровавого деяния не было совершено на этой земле, с тех пор как пришли даны и мир здесь заключили. Ныне должно верить в Возлюбленного Господа, что те, кто без вины, были так жестоко убиты, ликуют радостно со Христом. Этелинг был еще жив, всяческим злом ему грозили, пока не было решено, что его отвезут так связанного в город Эли. Только он пристал (<i>к берегу</i>), как на корабле его ослепили, и так ослепленного доставили к монахам. И там он пребывал то время, что был жив. Потом его похоронили, как ему подобало, с полным почетом, как он был достоин, на западной стороне, совсем близко от башни, в южном боковом приделе; его душа пребывает со Христом.</p>
--	---	---

В основе композиции поэмы лежит антитеза: рассказ о мучениях, которым были подвергнуты спутники Альфреда Этелинга (1-5) и которые называются самыми страшными из всего, что было когда-либо содеяно на Британских островах (6-7), завершается словами о небесном блаженстве невинно убиенных (8-10). Во второй части создатель повествует об участии самого этелинга (11-16), следуя той же антитетической схеме: сначала говорит об увечьях, нанесенных телу, и о месте погребения (18-20а), а затем завершает утверждением, что душа Альфреда пребывает со Христом (20b). Знаменательный повтор: *mid Criste* – «со Христом» (9b, 20b) заключает обе части поэмы.

Поэтический текст о смерти Альфреда отличается от других поэм Англосаксонской хроники прежде всего по стилю и формальным особенностям. Эта поэма сочинена не классическим аллитерационным стихом, употребление которого ассоциировалось с героической поэзией или воспеванием побед уэссекских правителей и их дружинников (например, в «Битве при Бруннбурге», самой знаменитой из поэм Хроники). О мученической кончине наследника уэссекских королей и его соратников рассказано гиперметрическими, нередко рифмованными строками (1-5, 7, 10-12, 14, 16-17, 18, 19), в отдельных случаях лишенными аллитерации (7, 12, 15, 18).

Исследователи нередко отказывались видеть поэзию в тексте о смерти Альфреда и полностью исключали его из своего анализа⁷¹, или находили в ритме поэмы сходство со стихом Лаямона, считая ее принадлежащей низовой традиции аллитерационной поэзии⁷², или относили ее к примитивным формам рифмованных куплетов⁷³, полностью порывающим со всей традицией аллитерационного стиха⁷⁴ и приближающимся к раннесреднеанглийскому стихосложению⁷⁵. Можно высказать и иное предположение: формальные особенности поэмы, в частности звуковой состав и распределение рифмы, объясняются воздействием на англосаксонский стих скандинавского размера с конечной рифмой – рунхента, освоенном в древнеанглийской «Рифмованной поэме»⁷⁶.

«Смерть Альфреда» – первое древнеанглийское стихотворение (за исключением «Рифмованной поэмы»), в котором число строк с рифмой равно числу строк с аллитерацией (14 из 20)⁷⁷. В нескольких строках поэмы используются консонансы (*scylde* : *acwealde* 10), в других строках консонанс объединяется с аллитерацией (*gelyfenne* : *lofan* 8, *wurðlice* : *wurðe* 18), способной соотнести соседние длинные строки (*dreorlicre* : *dæd* : *gedon* : *Dene* 6-7). Конечная рифма (*sealde* : *acwealde*, *bende* : *blende*, *hamelode* : *hættode*), располагающаяся на последних ударных слогах полустиший и требующая

паузы между ними, способствует разрушению важного для аллитерационного стиха принципа несовпадения границ синтаксического и ритмического рядов.

Шесть полустиший поэмы объединены полными рифмами или консонансами или созвучием суффиксов **lende** : **blende** : **blindne**; **muneson** : **wunode** : **lyfode**. В обеих триадах первая пара составляет полную корневую рифму (**lende** : **blende**, **muneson** : **wunode**), а вторая пара добавляет созвучие или начальных (аллитерацию **blende** : **blindne**), или конечных слогов (**wunode** : **lyfode**), завершая повышенно эмоциональный период. Можно предположить, что и рифма, и аллитерация в поэме имеют экспрессивную функцию – обе употребляются в строках, перечисляющих мучения, которым подвергаются Альфред и его соратники.

В отличие от классического стиха аллитерация в поэме имеет не структурную, но скорее орнаментальную функцию. Это подтверждается не только пропусками аллитерации и заменой ее рифмой, но и использованием аллитерации на заключительном ударном слове в строке (**ful wurdlice**, / **swa he wurdē wæs** 18), что было недопустимо по законам классического стиха. В отдельных строках метрические ударения падают на одни слоги (например, **Godwine**, **gelette**), а аллитерация отмечает другие (**Ac Godwine hine þa gelette** / **and hine on hæft sette**). В поэме допускаются строки с тремя полноударными слогами, невозможные по канонам классического стиха: например, в строке **Se æþeling lyfode þa gyt** 16a (с метрической схемой с необычной анакрузой [X] / XX / XXX /), последний слог которой, скорее всего, несет ударение и рифмуется при помощи консонанса с заключительным слогом глагола **gehet**. Анакруза здесь употребляется чаще, чем в классическом стихе (начальные и конечные безударные слоги встречаются в 25 полустишиях из 40, ср. **Ac Godwine hine þa gelette** 6a, **seo saul is mid Criste** 25b), строки удлиняются (вторая и третья строки, например, состоят из 16 слогов), безударных слогов становится значительно больше (во второй и третьей строках их число достигает 12). Ритмическая организация строки приближается к разговорной речи, каждое полустишие почти тождественно краткому высказыванию с естественным порядком слов. Инверсия в поэме встречается всего два раза: **Ne wearð dreorlicre dæd gedon on þison earde** – «Не было совершено более страшного деяния на этой земле», **ælc yfel man him gehet** – «всяческим злом ему грозили», и в обоих случаях имеет ярко выраженную экспрессивную функцию.

Как и ритмическая организация, синтаксическая структура поэмы имеет мало общего с синтаксисом классического западногер-

манского стиха. Синтаксические переносы (enjambment, Hakenstil) в ней не используются, цезуры отмечают границы полустихий, обычно совпадающие с предложениями (14 полустихий из 40 образуют отдельные предложения, еще 2 – придаточные предложения, остальные 24 представляют собой синтаксически независимые единицы). Совпадение синтаксических и стиховых границ облегчает использование семантического параллелизма (ср., например, *sume hi man wið feo sealde, / sume hreowlice acwealde, // sume hi man bende, / sume hi man blende, // sume hamelode, / sume hættode*). За первым предложением (*sume hi man wið feo sealde* – «некоторых из них продали за деньги») следуют параллельные предложения с анафорой, добавляющие новую информацию («некоторых жестоко убили», «некоторых заковали», «некоторых ослепили», «некоторых искалечили», «с некоторых сняли скальпы»). Предложения, таким образом, представляют собой краткие фразы, осложненные добавочными, близкими по смыслу высказываниями, которые полностью укладываются в полустихия.

В отличие от классического стиха в поэме отсутствует синтаксическая вариация, если не считать двух пар фраз, вводимых анафорами (*and sume mislice ofslöh* – «и некоторых разными способами умертвил» и *sume hreowlice acwealde* – «некоторых жестоко убили», а также *swa him wel gebyrede* – «так как ему подобало» и *swa he wurðe wæs* – «как он был достоин»). Однако если в аллитерационном стихе вариация использовалась для передачи сложных оттенков значений, перифрастически обозначая разные аспекты явления, то в поэме приведенные фразы контекстуально синонимичны, близки к семантическому повтору и употреблены в функции эмпазы. Сходную функцию имеет эмоциональный повтор глагола *blendan* – «ослеплять» и прилагательного *blind* – «слепой» в первой (в рассказе о судьбе спутников Альфреда: *sume hi man blende* – «некоторых ослепили») и во второй части текста (в повествовании об этелинге: *on sçure man hine blende, / and hine swa blindne* – «на корабле его ослепили, И так ослепленного...»), который позволяет составителю Хроники подчеркнуть, что мотив ослепления, и буквального и метафорического, используется в качестве ключевого мотива поэмы.

Вариация в аллитерационном стихе способствовала разнообразию его синтаксической организации, привнося в изошренную гипотаксическую структуру элементы паратаксиса. В отличие от классического стиха в поэме о смерти Альфреда преобладает паратаксис, подчинительных связей очень немного, все синтаксические связи между предложениями выражены при помощи всего не-

скольких служебных слов (*syððan* – «после того, как», *þæt* – «что», *oðræt* – «пока», *swa* – «как»). Как и в разговорной речи, в поэме используется преимущественно сочинительная связь, выраженная повторяющимся союзом *and*.

Упрощение синтаксической организации, преобладание партаксиса, отказ от вариации, разговорный синтаксис с естественным порядком слов, совпадение синтаксических и стиховых границ, облегчающее применение рифмы, орнаментальность аллитерации – все эти поэтические приемы, используемые создателем поэмы, отдаляют его от классического аллитерационного стиха. Напротив, на употреблении тех же приемов основан стиль ритмизованной аллитерированной и рифмованной прозы, распространенной в Англии в начале XI в., в частности в агиографических и гомилетических сочинениях Эльфрика и Вульфстана, стиль которых стал образцом для подражания бесчисленных имитаторов⁷⁸.

Ритмическая и звуковая организация поэмы о смерти Альфреда имеет черты сходства с ритмической прозой Эльфрика, использующей полные рифмы (*Op̄re mid isenum clawum totorene; / Sume mid stanum ofhrorene* – «другие разорваны железными крючьями; некоторые побиты камнями»⁷⁹), аллитерации и консонансы (например, *oððe on fyre forbærnde / oððe forðwyrftum limum ... tucode*⁸⁰ – «или сжигали на костре, или терзали, выворачивая конечности»), и с прозой Вульфстана, в которой воспроизводятся синтаксически независимые двухударные формульные фразы, связанные аллитерацией, разными видами рифмы, ассонансами и консонансами⁸¹, например: *Ne dohte hit nu lange inne ne ute, ac wæs here and hunger, bryne and blodgyte on gewelhwylcan ende and gelome. And us stalu and cwalu, stric and steorfa, orfcwealm and uncoþu, hol and hete and ȝypera reaflac derede swyþe þearle, and us ungylda swyþe gedrehtan, and us unwedera foroft weoldan unwæstma* (*Sermo Lupi ad Anglos, 69-75*)⁸² – «Сейчас в течение долгого времени ничего не процветало ни здесь, ни там, но почти во всех краях часто и все время были разруха и голод, огонь и кровопролитие. И воровство, и убийство, чума и мор, язва и болезнь, клевета и ненависть, и набеги грабителей наносили нам большой урон, и непомерные налоги сильно разоряли нас, и непогода часто уничтожала наши урожаи».

Рифмы (*totorene : ofhrorene, stalu : cwalu*), ассонансы (*ungylda : swyþe*) или консонансы (*derede : unwedera*) встречаются в ритмической прозе Эльфрика и Вульфстана так же часто, как и аллитерация⁸³, причем оба звуковых повтора нередко объединяются в наиболее эмоциональных отрезках текста (*bryne and blodgyte, stric and steorfa*). Аллитерация и рифма приобретают особую экспрессив-

ность в равноударных и стремящихся к равносложным синтагмах, как правило, объединяемых анафорой (and us) и параллелизмом (*inne ne ute, here and hunger*).

Влияние ритмической прозы Вульфстана и Эльфрика на поэму о смерти Альфреда трудно не заметить. Как и в ритмической прозе, в поэме об Альфреде звуковые повторы употребляются в экспрессивной функции. Ритмическая организация почти равносложных строк, которые заключаются личными формами глаголов, помещенными в абсолютный конец строки: *todraf : ofslöh; sealde : acwealde; bende : blende; hamelode : hættode*, позволяет передать гнев и возмущение создателя поэмы перечисляемыми им злодеяниями. Созвучными глагольными формами, в которых применяются аллитерация, ассонансы и рифма, заканчиваются наиболее эмоционально насыщенные строки, повествующие о мучениях спутников Альфреда, а затем о его ослеплении и гибели.

Строки, завершающие первую часть поэмы (*Ne wearð dreorlicre dæd / gedon on þison earde, // syþþan Dene common / and her frið namon* – «Не было совершено на этой земле деяния более кровавого, С тех пор как пришли даны и мир здесь заключили»), инвертируют гиперболическую формулу (*Ne wearð ... syþþan* – «не было ... с тех пор, как»), известную по «Битве при Брунанбурге» и потому вызывающую ассоциации с панегирической поэзией, в которой величие сражения соотносится с другим важнейшим событием – переселением народов и приходом англосаксов на Британские острова (*Ne wearð wæl mare // on þys iglande / æfre gyta // folces gefylled / beforan þyssum // swurdes ecgum, / þæs ðe us secgað bec, ealde uþwitan, siððan eastan hider // Engle and Sexe / upp becomon // ofer brade brimu, / Bretene sohton* – «не было большей сечи на этом острове никогда прежде, (больше) людей, убитых остриями мечей, как говорят нам книги, старые мудрецы, с тех пор как англ и саксы пришли сюда с востока по широкому морю, Британию отыскали»).

Та же формула употребляется в инвертированном виде в ритмизованной записи, помещенной в Хронику за 978 г., в которой убийство брата Этельреда Эдуарда Мученика тоже описывается как самое страшное деяние, совершенное по отношению к англам (или народом англоv): *Ne wearð Angelcynne nan wærsa dæd gedon, þonne þeos wæs syððon hi ærest / Bryton land sohton* – «Не было совершено по отношению к англам (или народом англоv) деяния страшнее, с тех пор как они впервые отыскали землю бриттов». Однако в строках об Альфреде за основу хронологической соразмерности берется не традиционное начало английской истории – великое переселение народов, покорение бриттов и приход победителей

англосаксов на Британские острова, и не принятие христианства, как в кратком поэтическом фрагменте, датированном 1011 г.⁸⁴, но нашествие жестоких викингов в начале XI в., которое Вульфстан считал наказанием, посланным англосаксам за их грехи.

Убийство Альфреда называется создателем поэмы самым кровавым преступлением, совершенным с тех пор, как Кнут и его потомки заняли английский престол. Имплицитно присутствующие ассоциации с привычными хронологическими рамками, напоминающими о предшествующих поэмах, заставляют осознать, до каких глубин падения дошли англосаксы, допустившие скандинавов в свою страну. Даны занимают в поэме о смерти Альфреда место англосаксов, и в качестве завоевателей Британии, и в качестве правящей династии, которая пришла на смену уэссекским королям, сознательно и жестоко уничтоженным своею же знатью.

Если Вульфстан возлагает на англосаксов вину за скандинавское завоевание, то создатель поэмы обвиняет их в убийстве Альфреда, уподобляя предательство, совершенное Годвине, государственной измене⁸⁵. Картина вырождения нации, изображающая англосаксов как превосходящих скандинавов в предательстве и вероломстве, сближает поэму с проповедями Вульфстана, в которых победа над бриттами и заселение англосаксами Британских островов рассматривается как основание для сравнения их прошлых преступлений с современными: «Среди бриттов был мудрый человек по имени Гильдас. Он писал об их преступлениях, о том, как они своими грехами так опечалили Господа, что Он попустил английским завоевателям захватить их страну и совершенно уничтожить британскую знать. И все это случилось так, как он сказал, из-за грабежа богатых и из-за сокрытия неправедно приобретенной собственности, из-за лени епископов и из-за преступной трусости посланников Божиих, которые слишком часто молчали о правде и бормотали себе под нос то, о чем должны были кричать. Из-за отвратительной роскоши каждого из людей, и из-за обжорства, и из-за многих грехов они уничтожили свою страну и погубили самих себя» (*Sermo Lupi ad Anglos*, 201-213). Подобно создателю поэмы о гибели Альфреда, Вульфстан проводит параллель между прошлым и современностью, однако говорит о завоеванных бриттах, сравнивая их с покоренными англосаксами, предсказывая их будущее и подчеркивая, что преступления англосаксов ужаснее грехов бриттов, а потому и возмездие за их злодеяния будет страшнее.

В проповедях Вульфстана явственно различимы те же интонации, что и в поэтической записи Хроники о смерти Альфреда: тот же крик ужаса и отчаяния, превосходно передаваемый ритмом и

аллитерацией; та же композиция: перечни грехов и злодеяний, напоминающие о воздаянии; тот же исторический фон: участвовавшие набеги викингов, сменившиеся полномасштабным завоеванием; бегство в Нормандию короля Этельреда и его сыновей Альфреда и Эдуарда; вторжение Свейна, смерть которого позволила Этельреду возвратиться в Англию в 1014 г.; падение морали и всеобщее национальное унижение, малодушие властей (ср. стремительное увеличение дани, выплачиваемой викингам во время долгого правления Этельреда в 978–1016 гг.: 991 г. – 10 000 фунтов, 1002 г. – 24 000 фунтов, 1012 г. – 48 000 фунтов). Имплицитные ассоциации поэмы о смерти Альфреда с прозой Вульфстана более настойчиво напоминают о возмездии и призывают к покаянию, чем непосредственно выраженная дидактика.

В экспрессивном восклицании о том, что подобного злодеяния не было совершено с тех пор, как на Британские острова пришли даны, создатель поэмы использует амбивалентное формульное словосочетание *frīð nīman* – «принять мир». Употребленная здесь формула встречается и в другой древнеанглийской поэме «Битва при Мэддоне», причем тоже в знаменательном контексте – в речи викингского посланца, в которой он настойчиво говорит о мире, готовя войну. Викинг предлагает англосаксам возможность избежать битвы, если они «дадут выкуп с миром (*т. е. добровольно*) и примут от нас мир» (*syllan ... feoh wið freode and nīman frīð æt us 38-39*), и обещает, что в этом случае викинги «уедут по морю и сохранят с ними мир» (*on flot feran and eow friþes healdan 41*). Нельзя исключать, что в поэме о смерти Альфреда сохраняются негативные ассоциации выражения *frīð nīman* – «принимать мир», употребленного в «Битве при Мэддоне» в контексте враждебной речи викингского посланца, которая вызывает справедливое возмущение тех англосаксов, к которым она была обращена, и ведет к их гибели после кровопролитного сражения.

Значение использованного здесь глагола *nīman* – «брать, отбирать, уносить» (ср. в «Беовульфе» *gif mec deaþ nīmeþ 447* – «если меня смерть заберет», *gif mec hīld nīme 452* – «если меня битва возьмет», *leton weg nīman ... frætwa hyrde 3132* – «позволили волнам унести стража сокровищ», т. е. дракона) позволяет истолковать строки поэмы о приходе данов не только в том смысле, в каком их обычно трактуют издатели Хроники («не было большего злодеяния, с тех пор как даны пришли и мир заключили»), но и в противоположном («не было большего злодеяния, с тех пор как даны пришли и мир забрали», т. е. отняли). Как можно предположить, в поэме подразумевается, что смена династии и гибель уэссекского

наследника непосредственно связаны с приходом на Британские острова данов, принесших не мир, но вражду.

Строки, задающие необычную зловещую точку отсчета (завоевание данов), отделяют первую часть поэмы от ее второй части. Разрыв между частями отмечается употреблением в абсолютном начале строки наречия *Nu* – «теперь, ныне», палеографически выделенного в Абингдонской рукописи черным минускулом высотой в 4 миллиметра⁸⁶. Палеография знаменует переход к кульминации поэмы, описанию мученической смерти и погребения Альфреда Этелинга. Гнев и возмущение создателя поэмы обращены против виновников злодеяния (Годвине и Харольда Заячьего Лапа), которые осмелились поднять руку на представителя королевского рода, защищенного англосаксонскими законами о неприкосновенности.

Страшным карам, постигшим Альфреда и его соратников, могли подвергнуться, согласно англосаксонским законам, лишь самые закоренелые преступники (ср., например, в законах Кнута: «и во второй раз если нет никакого иного средства покарать его вину, то могут быть отрезаны его руки, ноги или и то, и другое, в зависимости от его преступления»⁸⁷). Очевидно, одни части тела считались более важными, чем другие; зрение, в частности, ценилось выше всего. Враги Альфреда ослепили его, хотя он был защищен законом о неприкосновенности и ни в чем не был виноват, только для того, чтобы он не мог унаследовать английский престол; однако, согласно законам Кнута, лишением зрения могли карать только самых злостных воров, пойманных с поличным не один раз («а если он тогда совершил еще большие преступления, то должны быть выколоты его глаза, отрезаны нос, уши и верхняя губа или с него может быть снят скальп, в зависимости от того, что решат те, кто вершит суд; так можно наказывать и спасти душу»⁸⁸). В законах Кнута, которые, как считают некоторые исследователи, были составлены Вульфстаном⁸⁹, телесные наказания, очевидно, рассматривались как замена смертной казни и позволяли спасти душу преступника. Нанесение телесных увечий и спасения души соотнесены не только в законах, но в поэме о смерти Альфреда.

Предполагалось, что «дискурс изувеченного тела может свидетельствовать о вине наказуемого»⁹⁰, однако создатель поэмы оспаривает эту возможность, включая в поэму упоминания об убиенных без вины и о почетном месте погребения Альфреда. Повторяющиеся эмоциональные утверждения о невиновности казненных нехарактерны для стиля Хроники, составители которой стремятся дать максимально точную запись всех происходящих событий. Создатель поэтического текста отступает от Хроникальных канонов,

желая показать, что увечья нанесены этелингу вопреки закону и ни в коей мере не свидетельствуют о его виновности.

Характерная для англосаксонских законов юридическая лексика преобладает и в поэме о смерти Альфреда, начисто лишенной в отличие от классического стиха поэтизмов и архаизмов. К юридической лексике следует отнести такие слова, как *unriht* – «несправедливо», *on hæft settan* – «брать в плен», *gerædan* – «устанавливать, решать», *hamelian* – «калечить», *hættian* – «снимать скальп». Последние два глагола *hamelian* и *hættian* встречаются не только в юридических⁹¹, но и в агиографических памятниках, например в «Житии Маккавеев» Эльфрика в описании пыток, претерпеваемых святыми мучениками Маккавеями от руки нечестивого языческого царя Антиоха Епифана⁹².

Поэма об Альфреде заимствует из агиографической прозы Эльфрика⁹³ не только лексику. Можно предположить, что создатель поэмы об Альфреде следует житиям Эльфрика и в использовании словесных повторов (ср. у Эльфрика: *We sceolon geþencan hu geþyl-dige hi wæron / þa þe for Cristes naman gecwylmede wæron* – «Мы должны думать о том, как терпеливы были они, те, кто были убиты ради Христа»⁹⁴), и в употреблении параллелизмов и анафор (**Sume** *hi wæron mid wæpnum ofslegene; / sume on lige forswælede... / sume mid winterlicum cyle geswencte, / sume mid hungre gecwylmede; / sume handum and fotum forcorfene*⁹⁵ – «некоторые были убиты оружием, некоторые погублены пламенем, некоторые замучены зимним холодом, некоторые умерщвлены голодом, у некоторых отрезаны руки и ноги»). Анафоры Эльфрика дословно совпадают с анафорами из поэмы об Альфреде (**sume** *hi man wið feo sealde, / sume hreowlice acwealde, // sume hi man bende, / sume hi man blende, // sume hamelode, / sume hættode* – «и некоторых разными способами умертвил; некоторые были проданы за деньги, некоторые жестоко убиты, некоторые были закованы, некоторые ослеплены, некоторые были искалечены, с некоторых сняты скальпы») и тоже образуют своеобразные каталоги или перечни, в которых перечисляются пытки и терзания. Как и Эльфрик, создатель поэмы в каждой строке добавляет новые преступления, свидетельствующие о жестокости мучителей, и новые страдания безвинно осужденных.

Максимально близки центральной антитезе поэмы об Альфреде и темы агиографической прозы Эльфрика: земные страдания и вечная награда. К житиям святых восходит характерно агиографическое противопоставление, которое лежит в основе поэмы: страданий в земной юдоли и вечного райского блаженства, эксплицируемое столкновением в одной долгой строке словосочетаний «жесто-

ко убитые» (*earnlice acwealde*) и «ликуют радостно со Христом» (*blission bliðe mid Criste*). Можно предположить, что скорее в агиографическом, чем в юридическом контексте следует рассматривать те пытки и казни, которым были подвергнуты Альфред и его соратники, несмотря на то что, как настаивает создатель поэмы, на этелинге и его спутниках не было никакой вины.

Не столько о законах, сколько о житиях святых постоянно упоминает и утверждение о правоте и невинности жертв, лейтмотивом проходящее в поэме и в предшествующем ей прозаическом тексте: Альфред называется «безвинным этелингом» (*se unsceddīga æþeling*), попавшим в руки узурпатора, чье избрание на престол было незаконным (*hit unriht wære*); его замученные сподвижники пребывают в блаженстве со Христом (*þæt hi blission bliðe mid Criste*), ибо они были жестоко убиты «без вины» (*buton scylde*); душа Альфреда, чье тело находится в почетном месте монастыря в Эли, пребывает со Христом.

Последние строки поэмы рассказывают о погребении невинно убиенного Альфреда (*Syððan hine man byrigde, swa him wel gebyrede* – «Потом его похоронили, как ему подобало»), которое было произведено «с полным почетом, как он был достоин» (*ful wurðlice, swa he wurðe wæs*). Полная рифма (*byrigde* : *gebyrede*) и полный консонанс (*wurðlice* : *wurðe*) корневых морфем соотносят пары слов, связанных с семантикой смерти и похорон, с одной стороны, и чести и достоинства – с другой, подсказывая аудитории мысль о контекстуальном смысловом родстве этих понятий.

В отличие от других записей Хроники, в которых место погребения правителя или духовного лица обозначается формульными выражениями: «он похоронен в...» (ср. в Петерборской рукописи в анналах за 1016 г.: *þa ... forðferde se cyng Eadmund and is byrged ... on Glæsting byrig⁹⁶* – «тогда почил король Эдмунд, и его похоронили в Гластонбери), или: «его тело находится в ...» (ср. в Абингдонской рукописи за 981 г.: *forðferde Ælfstan bisceop ... and his lic lið on þam mynstre æt Abbandune* – «почил епископ Эльфстан, и его тело находится в монастыре Абингдоне»), поэма заключается подробным и точным описанием того места, где похоронен Альфред: «На западной стороне, совсем близко от башни, в южном боковом приделе; его душа пребывает со Христом» (*æt þam westende, / þam styple ful gehende, // on þam sudþortice; / seo saul is mid Criste*). Предполагается, что столь точное указание места погребения связано с почитанием Альфреда как мученика⁹⁷, которое отражено уже в «Энкомии королеве Эмме». Обстоятельства гибели Альфреда здесь описываются иначе, чем в Хронике, а именно: за ослеплением этелинга сле-

дует его убийство приспешниками Харольда Заячьего Лапа, и лишь после этого его тело приносят монахам в Эли для погребения⁹⁸. Тем самым гибель Альфреда в Энкомии еще более явно, чем в Хронике, рассматривается не только в исторической, но и в агиографической плоскости: Альфред изображается как христианский мученик, на могиле которого творятся чудеса.

Полная конечная рифма *westende* : *gehende*, повторяющая семантически значимый суффикс *-ende* (ср. древнеангл. существительное *ende* – «конец, окончание, смерть»), подчеркивает мысль о надвигающемся конце всей уэссекской династии и неотвратимости прихода к власти датских правителей, потомков Кнута. Отпрыск королевской крови, неприкосновенный согласно англосаксонским законам, становится жертвой лишь потому, что в страну пришли даны и похитили мир. Однако если в законах, очевидно, составленных Вульфстаном, заявляется, что физическое наказание спасает душу, то в поэме утверждается, что мучители Альфреда не властны над его душой. Справедливость, устанавливаемая на небесах, превышает самоуправства земных владык. Создатель поэмы находит оптимистическое разрешение для своей трагической антитезы – окончание земного пути мученика ведет к вечному райскому блаженству.

Нельзя не заметить, что поэма о смерти Альфреда отличается от других поэм Хроники не только по форме и стилю, но и по жанру и содержанию. Если «Битву при Брунанбурге» или «Завоевание Пяти Бургов» можно отнести к панегирикам, то поэма о смерти Альфреда, созданная в условиях его складывающегося культа, отнюдь не славословие правителю. Этот рассказ о том, как юного героя и его соратников пытали и убили приспешники жестокого Годвине, ближе к агиографическим и гомилетическим повествованиям, к которым восходит и его звукопись, и его лексика, и его семантика, и его основная тональность. Хладнокровное предательство и особая жестокость, с которой было совершено преступление, вызывают у создателя поэмы сострадание и жалость. Эти чувства, столь далекие от пронизывающего другие англосаксонские поэмы восхищения мужеством героев, погибших, пусть и безвременно, но в честном бою, были бы уникальны в Англосаксонской хронике, если бы не более ранний поэтический фрагмент, включенный в Вустерскую и Петерборскую рукописи за 978 г.

Как и поэме о смерти Альфреда, поэтическому тексту, рассказывающему о гибели старшего брата Этельреда, Эдуарда Мученика, в обеих рукописях Хроники предшествует объясняющее его прозаическое вступление: «978 г. Тогда король Эдуард был убит

в вечернее время 18 марта в расщелине Корфа, и его похоронили в Веархэме без всяких королевских почестей» (Her wæs Eadward cyng ofslagen on æfentide æt Corfesgeate on .xv. kalendas Aprilis, and hine man bebyrigde æt Wærham butan ælcum cynelicum wurdſcipe):

<p>Ne weard Angelcynne nan wærsa dæd gedon þonne þeos wæs syððon hi ærest Brytonland gesohton. Men hine ofmyrðrodon, ac God hine mærsode. He wæs on life eorðlic cing; he is nu æfter deaðe heofonlic sanct. Hine nolden his eorðlican magas wrecan, ac hine hafað his heofonlica fæder swiðe gewrecen. Ða eorðlican banan woldon his gemynd on erðan adilgian, ac se uplica Wrecend hafað his gemynd on heofenum and on eorðan tobræd. Ða þe nolden ær to his libbendum lichaman onbugan, þa nu eadmodlice on cneowum abugað to his dædum banum. Nu we magon ongytan þet manna wisdom and smeagunga and heore rædas syndon nahtlice ongean Godes geþeaht.</p>	<p>Не было совершено по отношению к англам (<i>или народом англоv</i>) деяния хуже, чем это, с тех пор как они впервые нашли землю бриттов. Люди убили его, но Господь прославил его. При жизни он был земным королем, а сейчас после смерти он небесный святой. Его земные сородичи не захотели отомстить за него, но его Отец Небесный сильно отомстил за него. Земные убийцы хотели истребить память о нем на земле, но его Вышний Отмститель распространил память о нем и на небесах, и на земле. Те, кто раньше не хотели кланяться его живому телу, теперь смиренно на коленах кланяются его мертвым костям. Теперь мы можем понять, что мудрость, и намерения людей, и их советы ничтожны перед Господним промыслом.</p>
--	---

Композиция обеих поэм основана на антитезе – человеческие беззакония противопоставлены в них незыблемому закону Высшей справедливости. В обеих поэмах преступления людей соотносятся с определенной точкой отсчета, которая задается одной и той же формулой гиперболы (Ne weard + прилагательное в сравнительной степени): в поэме об Эдуарде – это заселение англосаксами Британских островов («Не было совершено по отношению к англам (*или англами*) деяния хуже, с тех пор как они впервые отыскивали землю бриттов»)⁹⁹; в поэме об Альфреде – это нашествие викингов («Не было совершено на этой земле деяния более кровавого, с тех пор как пришли даны и мир здесь заключили»). Иная, Высшая точка отсчета задается в заключительных строках обеих поэм, утверждающих мысль о тщете людских усилий и всевластии Божественного милосердия.

В поэме об Альфреде противопоставление земных страданий мучеников и вечного блаженства, ожидающего их после смерти

(заданного контрастом наречий *þa* – «тогда» и *nu* – «ныне»), лежит в основе двух частей, состоящих из 10 сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, которые укладываются в 10 строк. Главные приемы (повторы и параллелизмы), при помощи которых центральная антитеза раскрывается в поэме об Альфреде, используются и в поэме об Эдуарде. В поэме об Эдуарде, которая состоит из 10 придаточных, составляющих пять сложносочиненных предложений, и заключительного двустипшия, центральная антитеза тоже строится на последовательном противопоставлении двух временных пластов, описываемых временными наречиями «тогда» (*þa*) и «ныне» (*nu*).

В первом предложении (*Men hine ofmygdron, / ac God hine mærsode* – «Люди убили его, но Господь прославил его») главные члены противопоставляются (подлежащие *men* – «люди» : *God* – «Бог» и сказуемые *ofmygdron* – «убили» : *mærsode* – «прославил», связанные аллитерацией), а второстепенные повторяются (дополнение *hine* – «его»). Второе предложение (*He wæs on life eorðlic cing; / He is nu æfter deaðe heofonlic sanct* – «При жизни он был земным королем, а сейчас после смерти он небесный святой») тоже строится на противопоставлении земной и посмертной судьбы героя, которое раскрывается при помощи параллелизмов (*wæs* – «был» : *is* – «есть»), повторов (*he*) и контекстуальных антонимов (*on life* – «при жизни» : *æfter deaðe* – «после смерти», *eorðlic* – «земной» : *heofonlic* – «небесный», *cing* – «король» : *sanct* – «святой»). Эстетический эффект здесь достигается теми же средствами, что и в поэме о смерти Альфреда: лексемными повторами и контекстуальными антонимами (ср. в поэме об Альфреде столкновение в едином контексте сказуемых «ликовать» и «были убиты», относящихся к одному подлежащему *hi* – «они»: *þæt hi bliSSION / bliðe mid Criste // þe wæron butan scylde / swa earmlice acwealde* – «что те, кто без вины, были так жестоко убиты, ликуют радостно со Христом»).

Третье предложение (*Hine nolden his eorðlican magas wrecan, / ac hine hafað his heofonlica fæder swiðe gewrecen* – «Его земные сородичи не отомстили за него, но его Отец Небесный сильно отомстил за него») подхватывает противопоставление земного и небесного, заданное предшествующей фразой, при помощи параллельных конструкций с повторяющимися словами (*hine* – «его» и *wrecan, gewrecan* – «отомстить») и контекстуальных антонимов (*eorðlican magas* – «земные сородичи» : *heofonlica fæder* – «небесный отец»). В четвертом предложении (*Þa eorðlican banan woldon his gemynd / on eorðan adilgian, // ac se uplica Wrecend hafað his gemynd / on heofenum and on eorðan tobræd* – «Земные убийцы хотели ис-

требить память о нем на земле, но его Вышний Отмститель распространил память о нем и на небесах, и на земле») развивается противопоставление земного и небесного, вновь применяются приемы параллелизмов, повторов (*his gemynd* – «память») и антонимичных конструкций (*eorðlican banan* – «земные убийцы»: *urlica Wrecend* – «Вышний Отмститель», *on heofenum* – «на небесах»: *on eorðan* – «на земле», *adilgian* – «истребить»: *tobræd* – «распространил»). Напомним, что антитеза земных страданий и небесного блаженства лежит в основе поэмы об Альфреде, в которой она раскрывается теми же стилистическими средствами, что и в поэме об Эдуарде (ср. восьмикратные параллелизмы, вводимые восьмикратным анафорическим повтором *sime*, шестикратный повтор *swa*, трехкратный повтор глаголов и прилагательных с корнем *blind-*).

Пятое предложение (*Pa þe nolden ær to his libbendum lichaman onbugan, þa nu eadmodlice on sneowum abugað to his dædum banum* – «Те, кто раньше не хотели склоняться перед его живым телом, теперь смиренно кланяются на коленях его мертвым костям») строится на материализации контраста до и после смерти, раскрытого при помощи параллелизма антонимов (*ær* «прежде»: *nu* – «теперь», *to his libbendum lichaman* – «перед его живым телом»: *to his dædum banum* – «перед его мертвыми костями») и повторов с отрицанием (*nolden onbugan* – «не хотели кланяться»: *abugað* – «кланяются»). Все члены первой части каждого предложения, рассказывающего о земных страданиях Эдуарда, отрицаются составными элементами второй части: «люди убили»: «Господь прославил», «сородичи не отомстили»: «Отец Небесный отомстил», «не хотели кланяться»: «кланяются», «земные сородичи»: «Отец небесный», «земные убийцы»: «Вышний Отмститель», «живое тело»: «мертвые кости», «на небесах»: «на земле». Материализация контраста до и после смерти в поэме об Альфреде тоже выражена при помощи противопоставления земных страданий этелинга и описания его погребения, однако основная антитеза здесь сформулирована в краткой заключительной фразе в настоящем времени, которая завершает всю поэму, как удар колокола: «Его душа – со Христом» – *seo saul is mid Criste*.

В поэме об Эдуарде заключительный дистих (*Nu we magon ongytan þæt manna wisdom and smeagunga and heore rædas syndon nahtlice ongean Godes gebeaht* – «Теперь мы можем понять, что мудрость, и намерения людей, и их советы ничтожны перед Господним промыслом») тоже строится на антитезе земного и небесного. Однако грамматическое множество здесь парадоксальным образом опровергается семантическим единством: Божественный промы-

сел (*Godes geþeahht*) превосходит все людские умыслы, желания и стремления. Конструкция *Nu we maƒon ongytan* – «Теперь мы можем понять» (ср. в поэме об Альфреде: «Теперь нужно верить» – *Nu is to gelyfenne*) придает всему рассказу о судьбе невинно убиенного короля оттенок дидактики и сближает его с гомилетическими текстами, поучением, наставлением, свидетельством, дидакалией.

Стилистические приемы в поэме об Эдуарде, так же как и в поэме об Альфреде, восходят к английской гомилетической и агиографической традиции, засвидетельствованной Вульфстаном и Эльфриком. Как и в поэме об Альфреде, здесь используются парные формулы (*on heofenum and on eorþan* – «на небесах и на земле», *wisdom and smeagunga* – «мудрость и намерения»), суффиксальные рифмы (*to his dædum banum* – «перед его мертвыми костями»), орнаментальные аллитерации (*men : myrðodon, hafað : heofonlica, libbendum : lichaman*), тончайшие семантические соответствия, сообщающие дополнительные смыслы неявно соотносимым лексемам (ср. словосочетания *eorðlican maƒas* – «земные сородичи» и *eorðlican banan* – «земные убийцы», противопоставленные обозначениям Бога: *heofonlica fæder* – «Небесный Отец» и *se uplica Wrecend* – «Вышний Отмститель»).

К агиографической проповеди близки (в том числе и стилистически, и ритмически, см. выше) и поэма об Альфреде, и поэма об Эдуарде. Обе проникнуты верой в то, что за преступлениями, совершенными людьми, последует награда на небесах. В поэме о гибели Альфреда из Абингдонской рукописи утверждается: «Ныне должно верить в Возлюбленного Господа, что те, кто без вины, были так жестоко убиты, ликуют радостно со Христом», а в поэтическом тексте о гибели Эдуарда из Петерборской рукописи говорится, что Господь отмстил за его гибель, прославив его на небесах и на земле, хотя его враги пытались стереть всякую память о нем. В Петерборской рукописи Эдуард называется «небесным святым» (*heofonlic sanct*); в Абингдонской рукописи, в которой текст поэмы отсутствует, подтверждается, что Эдуард «принял мученическую кончину» (*gemartyrad*)¹⁰⁰.

В обеих поэмах прослеживается преобразование человека в святого, начинающееся с рассказа о мучениях и смерти, затем продолжающееся в описании его погребения – судьбы тела, и завершающееся утверждением о его посмертном существовании: мучители Альфреда, лишившие его не только надежды на престол, но и самой жизни, не смогли воспрепятствовать его вечному спасению; убийцы Эдуарда, не желавшие воздавать ему почести при жизни, почитают его как святого. Темы обеих поэм не столько историографиче-

ские, сколько гомилетические и агиографические: их создатели не только регистрируют исторические события, но и рассказывают о мученичестве и спасении, используя лексику, ритмику, звуковые и стилистические приемы, почерпнутые из агиографических и гомилетических сочинений Эльфрика и Вульфстана.

Обе поэмы о мучениках принадлежат к наиболее эмоциональным записям во всей Хронике. Их создатели, подобно знаменитым англосаксонским проповедникам, выступают от лица всей нации, выражая боль, гнев и возмущение чудовищными злодеяниями, учиненными над потомками уэссекской королевской династии. Преступления, о которых идет речь в обеих поэмах, совершены теми, кто занимает самое высокое положение, – членами королевской семьи и близкими родственниками погибших. Если Альфред был убит по приказанию своего сводного брата Харольда, то в смерти Эдуарда, очевидно, повинны сторонники его сводного брата Этельреда и, вероятно, мать последнего, королева Эльфтруд (вторая жена короля Эдгара Миротворца), заинтересованная в том, чтобы именно Этельред, а не Эдуард унаследовал королевский престол. Хотя Этельред был слишком молод (ему едва исполнилось 10 лет), чтобы самому выступать против брата, преступление было совершено ради него и в его интересах – он взшел на престол через месяц после убийства своего сводного брата.

Мученичество обоих безвинно убиенных потомков королей проливает новый свет на прозаические записи, следующие за поэтическими песнями о них. Запись в Петерборской хронике за 978 г. включает не только прозаическое вступление к поэме, приведенное выше, но и прозаическое заключение к ней: «И тогда Этельред получил королевство и очень скоро при большом ликовании советников английского народа был коронован в Кингстоне». Хотя оба события (убийство законного короля и восшествие на престол его сводного брата) явным образом не связаны, сопоставление двух событий в единой записи предполагает причинно-следственную связь между ними. За поэмой о гибели Альфреда в Абингдонской рукописи тоже следует аналогичная запись, но уже о Харольде: «Тогда Харольд был повсюду избран как король, а Хардакнут забыт, ибо он слишком долго был в Дании; и его мать королева Эльфгифу (Эмма) была изгнана безо всякого милосердия (*butan ælcere mildheortnesse*) навстречу бушующей зиме». Составитель Хроники несомненно предполагал, что его читатели установят причинно-следственную связь между всеми перечисляемыми им событиями, причем именно в предлагаемой им последовательности: мученичество законного короля (и наследника престола) – восшествие

на престол узурпатора – забвение второго законного наследника – унижение и изгнание матери обоих несправедливо лишенных трона сыновей (Альфреда и Хардакнута).

Обе поэмы рассказывают о злодейских убийствах, нарушающих не только родственные связи, но и священный долг гостеприимства. Если Альфред покинул Нормандию, где провел несколько лет у своего дяди и двоюродного брата, и пересек границы Англии, в которой жила его мать Эмма и правил его сводный брат Харольд, то Эдуард, коронованный в конце 975 г., приехал в Корф два с половиной года спустя навестить своего сводного брата Этельреда, жившего со своей матерью Эльфгрюд. В судьбах героев обеих записей Хроники можно увидеть много общего: убийства, описываемые в поэмах, были совершены в результате предательства; никто не был наказан за злодеяния; на могилах мучеников стали происходить чудеса; место захоронения оказалось особенно важным, так как стало предметом поклонения. Неудивительно поэтому, что создатель поэмы о гибели Альфреда мог избрать за образец для своего произведения ритмизованную запись об убийстве Эдуарда Мученика.

* * *

Последствия злодеяний, о которых рассказывают обе поэмы, трудно переоценить. Уильям Малмсберийский утверждает, что все беды, которыми изобиловало правление Этельреда, считались в народе наказанием за убийство Эдуарда¹⁰¹. Уважение к власти во времена Этельреда было утрачено навсегда, ибо король получил престол благодаря преступлению, которое в Хронике называется наихудшим из всего, что было содеяно с тех пор, как англы пришли на Британские острова.

Трагическая неудача Альфреда, сына Этельреда и племянника Эдуарда Мученика, имела последствия не только для Англии, но и для всего хода европейской истории. Преступление, совершенное Харольдом и Годвине против отпрыска королевской крови, потрясло умы современников и было использовано как оправдание для нормандского вторжения в Англию в 1066 г., тем более что последний англосаксонский король Харольд приходился сыном эрлу Годвине, сыгравшему главную роль в злодеянии¹⁰². Вильгельм из Пуатье перечисляет причины, которые объясняют (а скорее, задним числом оправдывают) вторжение герцога Вильгельма Нормандского в Англию: он доводился родственником Эдуарду и Альфреду по матери (его отцом был Роберт, двоюродный брат Эдуарда и Альфреда), Эдуард был благодарен отцу и деду Вильгельма за то, что те предоставили ему и его брату Альфреду убежище в Нор-

мандии, поддержка герцога Вильгельма помогла Эдуарду получить английский престол, Эдуард сам назначил своим преемником герцога Вильгельма, «которого любил вместо брата или сына» (*quem loco germani aut prolis adamabat*)¹⁰³ и передал ему в заложники сына и внука Годвине¹⁰⁴, так как печальная судьба Альфреда Этелинга показала, что Годвине оказался не заслуживающим доверия предателем и убийцей¹⁰⁵.

Вильгельм из Пуатье основывает свои объяснения на свидетельстве Вильгельма Жюмьежского, впервые изложившего на бумаге рассказ о том, как Эдуард Исповедник обещал английский престол герцогу Вильгельму Нормандскому, а в 1051 г. послал в Нормандию только что назначенного архиепископа Кентерберийского Роберта Жюмьежского подтвердить свое обещание в присутствии герцога. Как пишут нормандские историки, Эдуард Исповедник незадолго до смерти отправил в Нормандию Харольда, сына Годвине, лично принести клятву герцогу Вильгельму¹⁰⁶, и Харольд поклялся защищать интересы Вильгельма в Англии и подтвердить его права на английский престол в случае смерти Эдуарда¹⁰⁷. Поэтому, захватив трон после кончины короля Эдуарда, сын Годвине, как считают нормандские историки, начиная с Вильгельма Жюмьежского и Вильгельма из Пуатье, оказался лжесвидетелем, за что и был наказан Господом¹⁰⁸. Поражение англичан в битве при Гастингсе и нормандское завоевание Англии, как на том настаивает Вильгельм Жюмьежский, были возмездием за убийство этелинга Альфреда 30 годами ранее: «Говорят, что в этом сражении погело много тысяч англичан, то было Господней карой за незаконное убийство Альфреда, брата короля Эдуарда»¹⁰⁹.

Примечания

- ¹ Этелингом назывался любой член королевской семьи, по закону имеющий право наследовать королевский престол (*Dumville D.N. The Ætheling: A Study in Anglo-Saxon Constitutional History // Anglo-Saxon England. 1979. Vol. 8. P. 1–33*).
- ² *Keynes S. The Æthelings in Normandy // Anglo-Norman Studies. 1991. Vol. 13. P. 173–205*.
- ³ «and eall peodscipe hine heafde for fullne cyning», Абингдонская (С), Петерборская (Е) рукописи (*Two of the Saxon Chronicles Parallel: In 2 vols / Ed. by J. Earle. Oxford, 1865. Vol. 1. P. 148*).
- ⁴ «Госпожа тогда направилась по морю к своему брату Ричарду, и вместе с ней Эльфсиге, аббат Петерборо», Абингдонская (С), Вустерская (D), Петерборская (Е) рукописи (*Ibid. P. 149*).

- ⁵ Абингдонская (С), Петерборская (Е) рукописи (Ibid. P. 150).
- ⁶ *Keynes S. Introduction to the 1998 Reprint. Queen Emma and the Encomium Emmae Reginae // Encomium Emmae Reginae / Ed. by A. Campbell. Cambridge, 1998. P. xiv, xxxix.*
- ⁷ Encomium Emmae Reginae. P. 34.
- ⁸ Согласно Энкомию (Ibid. P. 6, 52–34) Кнут всегда считал, что Хардакнут должен править и Англией, и Данией.
- ⁹ Two of the Saxon Chronicles Parallel. Vol. 1. P. 164.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ Ibid. P. 165.
- ¹² The Chronicle of John of Worcester: In 3 vols / Ed. by P. McGurk, R.R. Darlington. Oxford, 1995. Vol. 2: The Annals from 450 to 1066. P. 520.
- ¹³ Two of the Saxon Chronicles Parallel. Vol. 1. P. 166.
- ¹⁴ Sub anno 1035. He sende to and let niman of hyre ealle þa bestan gærsuma ... þe Cnut cing ahte (Ibid. P. 164).
- ¹⁵ Encomium Emmae Reginae. P. 41–43.
- ¹⁶ Superque patrio regno adipiscendo cum ageret incautious (The Life of King Edward who rests at Westminster attributed to a monk of Saint-Bertin / Ed. and transl. by F. Barlow. Oxford, 1992. P. 32).
- ¹⁷ Sceptrum et ipse (Alveradus) paternum requirebat (The Gesta Guillelmi of William of Poitiers / Ed. and transl. by R.H.C. Davis, M. Chibnall. Oxford Medieval Texts. Oxford, 1998. P. 6).
- ¹⁸ Абингдонская рукопись Англосаксонской хроники (sub anno 1036), хроника Иоанна Вустерского (The Chronicle of John of Worcester. Vol. 2. P. 523–525), «Деяния нормандских правителей» Вильгельма Жюмьежского (*William of Jumièges*. The Gesta Normannorum Ducum of William of Jumièges, Orderic Vitalis and Robert of Torigni / Ed. by E.M.C. van Houts: In 2 vols. Oxford, 1992–1995. Vol. 1. P. 130–131).
- ¹⁹ Вустерская рукопись Англосаксонской хроники (sub anno 1036); «Энкомий королеве Эмме» (Encomium Emmae Reginae. P. 41–47); «Житие короля Эдуарда Исповедника» (The Life of King Edward... P. 32–34); Вильгельм из Пуатье (The Gesta Guillelmi of William of Poitiers. P. 7–11).
- ²⁰ Encomium Emmae Reginae. P. 40.
- ²¹ Ibid. P. 40–42.
- ²² Ibid. P. 42.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ Ibid.
- ²⁵ Иоанн Вустерский считает, что оба этелинга отправились в Англию в сопровождении отряда нормандских воинов (The Chronicle of John of Worcester. Vol. 2. P. 522–525).
- ²⁶ Encomium Emmae Reginae. P. 42.
- ²⁷ Ibid.

- ²⁸ Ibid.
- ²⁹ Воины фиваидского легиона, состоявшего из 6600 солдат-христиан, во главе со святым Маврикием были подвергнуты децимации римским императором Максимианом Геркулием (285–305 гг.) за то, что отказались принимать участие в жертвоприношении римским богам, включавшем убийство христиан.
- ³⁰ *Encomium Emmae Reginae*. P. 44.
- ³¹ Предельная эмоциональность рассказа об убийстве Альфреда в Энкомии объясняется, вероятно, не только тем, что события пятилетней давности были свежи в памяти его создателя, но и тем, что свой труд он творил по приказу королевы Эммы – матери, потерявшей сына.
- ³² *Encomium Emmae Reginae*. P. 44–46.
- ³³ Ibid. P. 44–47.
- ³⁴ *The Life of King Edward...* P. 32–35.
- ³⁵ Ibid. P. 29–33.
- ³⁶ *William of Jumièges*. Op. cit. Vol. 2. P. 106.
- ³⁷ Ibid. P. 106–107.
- ³⁸ Ibid. P. 76–77.
- ³⁹ *Douglas D. William the Conqueror: The Norman Impact Upon England*. L., 1966. P. 163.
- ⁴⁰ *William of Jumièges*. Op. cit. Vol. 2. P. 76–78.
- ⁴¹ Ibid. P. 106. О попытке Эдуарда высадиться в Англии говорится также в «Деяниях Вильгельма» Вильгельма из Пуатье (*The Gesta Guillelmi of William of Poitiers*. P. 2–6).
- ⁴² *William of Jumièges*. Op. cit. Vol. 2. P. 76–78.
- ⁴³ *The Chronicle of John of Worcester*. P. 525.
- ⁴⁴ *Two of the Saxon Chronicle Parallel*. Vol. 1. P. 166.
- ⁴⁵ Ibid.
- ⁴⁶ Sub anno 1040. Her swealt Harald cing. Ða sende man æft Harðacnute to Brigge. – «Тогда умер король Харольд. Тогда послали за Хардакнутом в Брюгге» (Ibid.).
- ⁴⁷ Sub anno 1040. He let dragan up þæne deadan Harald and hine on fen sceotan – «Он приказал вытащить мертвого Харольда и бросить его в болото» (Ibid.).
- ⁴⁸ *The Chronicle of John of Worcester*. P. 530–533.
- ⁴⁹ *Two of the Saxon Chronicle Parallel*. Vol. 1. P. 166.
- ⁵⁰ *The Chronicle of John of Worcester*. Vol. 2. P. 532–533.
- ⁵¹ *Two of the Saxon Chronicle Parallel*. Vol. 1. P. 166.
- ⁵² Ibid.
- ⁵³ *Encomium Emmae Reginae*. P. 53.
- ⁵⁴ *The Gesta Guillelmi of William of Poitiers*. P. 6–7.
- ⁵⁵ Ibid. P. 18–21. Последнее заявление Вильгельма Пуатье вызывает наибольшие сомнения хотя бы потому, что Вильгельму в 1041 г., когда Эдуард возвратился в Англию, не могло быть более 12–13 лет, и даже в Нормандии его юность и статус незаконного сына были препятствиями к упрочению власти.

- ⁵⁶ And ear þan þe he bebyrged wære, eall folc geceas Eadward to cyngne on Lundene. – «И еще до того, как он (*Хардакнут*) был похоронен, все люди избрали Эдуарда королем в Лондоне» (Two of the Saxon Chronicle Parallel. Vol. 1. P. 169).
- ⁵⁷ Sub anno 1043. Two of the Saxon Chronicle Parallel. Vol. 1. P. 168.
- ⁵⁸ Sub anno 1044. Two of the Saxon Chronicle Parallel. Vol. 1. P. 168.
- ⁵⁹ *Oleson T.J.* The Witenagemot in the Reign of Edward the Confessor. Oxford, 1955. P. 126.
- ⁶⁰ В Петерборской рукописи ссылка Эдит описывается в той же записи за 1051 г., что и изгнание ее отца Годвине, без объяснения причин (Sub anno 1051. Two of the Saxon Chronicle Parallel. Vol. 1. P. 180).
- ⁶¹ *Annales monastici* / Ed. by H.R. Luard: In 5 vols. L., 1864–1869. L., 1865. Vol. 2. *Annales monasterii de Wintonia* (A.D. 519–1277); *Annales Monasterii de Waverleia* (1-1291). P. 17–18.
- ⁶² «И он (*Роберт*) убедил его, как только мог, что Годвине собирался в то время уничтожить самого Эдуарда, своего зятя» (The Life of King Edward... P. 34).
- ⁶³ Отсутствию упоминаний о гибели Альфреда в Паркерской и Петерборской рукописях можно найти объяснение: в первой нет записей за 1032–1039 гг. или они не сохранились; создатель последней принадлежал к числу сторонников Годвине, поэтому не мог включить в свои анналы ничего порочающего этого правителя, а убийство Альфреда свидетельствовало против него, как ничто другое.
- ⁶⁴ Two of the Saxon Chronicle Parallel. Vol. 1. P. 164.
- ⁶⁵ Из Булони, ср. *Encomium Emmae Reginae*. P. 42–43.
- ⁶⁶ «Тогда Альфред, безвинный этелинг, сын короля Этельреда, прибыл сюда и хотел навестить свою мать, которая жила в Уинчестере, но ему не позволили этого те, кто имели большую власть в этой стране, так как голоса явно склонялись в пользу Харольда, хотя это и было несправедливо».
- ⁶⁷ *O'Brien O'Keefe K.* Deaths and Transformations: Thinking through the 'End' of Old English Verse // *New Directions in Oral Theory. Medieval and Renaissance Texts and Studies*. Vol. 287 / Ed. by M. Amodio. Tempe, AZ: Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies, 2005. P. 159–160.
- ⁶⁸ Как было замечено несколькими исследователями, после 1044 г. анналы добавляются к Абингдонской рукописи ежегодно (*O'Briene O'Keefe K.* Visible Song: Transitional Literacy in Old English Verse. Cambridge, 1990. P. 109; *Conner P.W.* On Dating Cynewulf // *Cynewulf: Basic Readings* / Ed. by R.E. Bjork. N. Y.; L., 1996. P. 34).
- ⁶⁹ *Plummer Ch.* (ed.). Two of the Saxon Chronicle Parallel: In 2 vols. Oxford, 1899. Vol. 2. P. 212.
- ⁷⁰ Sub anno 1051. Two of the Saxon Chronicle Parallel. Vol. 1. P. 180.
- ⁷¹ *Townsend J.* The Metre of the Chronicle-verse // *Studia Neophilologica*. 1996. Vol. 68. Issue 2. P. 143–176.
- ⁷² *Clark C.* The Narrative Mode of the Anglo-Saxon Chronicle before the Conquest // *England before the Conquest: Studies in Primary Sources presented to Dorothy Whitelock* / Ed. by P. Clemoes, K. Hughes. Cambridge, 1971. P. 230.

- ⁷³ *Oakden J.P.* Alliterative Poetry in Middle English: The Dialectal and Metrical Survey. Manchester, 1930. P. 135.
- ⁷⁴ *Pearsall D.A.* Old English and Middle English Poetry. The Routledge History of English Poetry. L., 1977. P. 71.
- ⁷⁵ *Friedlander C.V.D.* Early Middle English Accentual Verse // *Modern Philology*. 1979. Vol. 76. P. 222.
- ⁷⁶ *Матюшина И.Г.* Скальдический рунхент и англосаксонский стих // Материалы Всесоюзной конференции по изучению экономики, истории, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Архангельск, 1989. С. 424–425.
- ⁷⁷ Рифма в поэме употребляется настолько часто, что Фердинанду Хольтхаузену благодаря лишь нескольким конъектурам удалось добиться сплошь рифмованного текста (*Holthausen F.* Zu dem Gedichte von Ælfreds Tode (1036) // *Beiblatt zur Anglia*. 1937. Bd. 50. S. 157–158).
- ⁷⁸ О стилистическом сходстве отдельных записей Англосаксонской хроники с сочинениями Вульфстана и Эльфрика упоминалось исследователями начиная с ее первого издателя Чарльза Пламмера (*Plummer Ch.* (ed.). *Op. cit.* Vol. 2. P. 141, 191), однако, насколько известно, влияние Вульфстана и Эльфрика на поэму о смерти Альфреда изучено не было.
- ⁷⁹ *Ælfric's Catholic Homilies* / Ed. by P. Clemoes. First Series: Text. Oxford, 1998. Homily 36. P. 488.
- ⁸⁰ *Ælfric's Lives of Saints* / Ed. by W. Skeat. L., 1966. Vol. 2. P. 166.
- ⁸¹ *McIntosh A.* Wulfstan's Prose. Sir Israel Gollancz Memoria Lecture, 1948; *Proceedings of the British Academy*. 1949. Vol. 35. P. 109–142; *Fowler R.* Old English Prose and Verse. L., 1966. P. 37; *Blake P.* Rhythmical Alliteration // *Modern Philology*. 1968. Vol. 67. P. 118–124.
- ⁸² *Wulfstan's Address to the English* // *An Anglo-Saxon Reader in Prose and Verse with Grammar, Metre, Notes and Glossary* by Henry Sweet. Oxford, 1904. P. 91.
- ⁸³ Звуковая организация прозы Вульфстана, скорее всего, связана с латинской риторикой. Однако если принять во внимание и его билингвизм (и его статус советника не только Этельреда, но и Кнута Могучего), и его возможное знакомство с поэзией скальдов, то можно предположить, что на звуковую организацию его прозы могла оказать влияние и скандинавская словесность.
- ⁸⁴ В рукописи С текст фрагмента о пленении епископа Эльфхеахе (Св. Эльфхеге) разбит на строки с помощью точек: *Wæs ða ræpling. seþe ær wæs heafod Angelkynnes and Cristendomes. Ðær man mihte ða geseon yrmde þær man oft ær geseah blisse. on þære ærman byrig. Panon us com ærest Cristendom and blis for Gode. And for worulde.* – «Тогда стал пленником тот, кто ранее был главой английского народа и Христианства. Там можно было узреть несчастье, где раньше можно было часто видеть благодать, в этом несчастном городе (*Кентербери*), из которого впервые пришло к нам Христианство и благодать от Господа для всего мира». Тот же фрагмент приводится и в Петерборской рукописи (E).

- ⁸⁵ *Bredehoft T.A.* Textual Histories: Readings in the Anglo-Saxon Chronicle. Toronto, 2001. P. 110–111.
- ⁸⁶ *O'Briene O'Keefe.* Visible Song. P. 106.
- ⁸⁷ Cnut's Erlasse und Gesetzbuch, 30.4 // Die Gesetze der Angelsachsen / Hrsg. von F. Liebermann. Halle, 1903. Bd. I. S. 332.
- ⁸⁸ Cnut's Erlasse und Gesetzbuch, 30.5. S. 332, 334.
- ⁸⁹ *Whitelock D.* Wulfstan and the Laws of Cnut // English Historical Review. 1948. Vol. 63. P. 433–452.
- ⁹⁰ *O'Brien O'Keefe K.* Body and Law in Late Anglo-Saxon England // Anglo-Saxon England. 1998. December. Vol. 27. P. 228.
- ⁹¹ *oððon hine hættian.* – «или с него может быть снят скальп» (Cnut's Erlasse und Gesetzbuch, 30.5. S. 334).
- ⁹² *Hi axodon hwæder he etan wolde ær ðan þe he behamelod wurde.* – «они спросили его, будет ли он есть, прежде чем будет изувечен»; *Pa swelleras hine be-hættedon* – «тогда убийцы сняли с него скальп» (*Ælfric's Lives of Saints: In 2 vols. / Ed. by W.W. Skeat. L., 1900. Vol. 2. 74. 116; 74. 126.*).
- ⁹³ О сходстве поэмы об Альфреде с прозой Эльфрика упоминается в: *O'Brien O'Keefe K.* Deaths and Transformations. P. 161–163.
- ⁹⁴ *Ælfric's Lives of Saints. Vol. 2. P. 166.*
- ⁹⁵ *Ælfric's Catholic Homilies. P. 488–489.*
- ⁹⁶ Two of the Saxon Chronicle Parallel. Vol. 1. P. 159.
- ⁹⁷ *Kries S.* Danish Rivalry and the Mutilation of Alfred in the Eleventh-Century Chronicle Poem 'The Death of Alfred' // Journal of English and Germanic Philology. 2005. January. Vol. 104. № 1. P. 49–50.
- ⁹⁸ *Encomium Emmae Reginae. P. 38–46.*
- ⁹⁹ Запись за 978 г. о гибели Эдуарда Мученика, приходившегося дядей Альфреду Этелингу, упоминалась в связи с поэмой об Альфреде лишь потому, что в обеих повторяется одна и та же формула (см.: *Trilling R.R.* The Aesthetics of Nostalgia. Historical Representation in Old English Verse. Toronto, 2009. P. 238), однако, насколько известно, вопрос о соотношении двух текстов ранее не ставился.
- ¹⁰⁰ В Петербургской и Вустерской рукописях в записях за 978 г. употребляется нейтральный глагол *ofslegen* – «убивать».
- ¹⁰¹ *William of Malmesbury: Gesta Regum Anglorum. P. 184.*
- ¹⁰² Вслед за Вильгельмом Жюмьежским историки XI–XII вв. Иоанн Вустерский, Уильям Малмсберийский, Генрих Хантингдонский тоже видели в событиях 1036 г. важнейший повод к нормандскому завоеванию, считая Альфреда старшим из этелингов и, следовательно, наследником престола (*John of Worcester, II, 522–524, William of Malmesbury 336–339, Henry of Huntingdon 370–373.*).
- ¹⁰³ *The Gesta Guillelmi of William of Poitiers. P. 18–20, 100.*
- ¹⁰⁴ *Ibid. P. 30–32, 176.* Предполагается, что Эдуард сам потребовал заложников, которыми, вероятно, были Вульфнот, сын Годвине, и Хакон, сын Свейна и внук Годвине, во время военного противостояния с кланом Годвине в 1051 г., а затем

отправил их в Нормандию, так как не хотел возвращать их вновь пришедшему к власти эрлу Годвине (*Barlow F.* Edward the Confessor. L., 1970. P. 301–306).

¹⁰⁵ Ibid. P. 2–6.

¹⁰⁶ *Baxter S.* Edward the Confessor and the Succession Question // Edward the Confessor: the Man and the Legend / Ed. by R. Mortimer. Woodbridge, 2009. P. 79; *Douglas D.C.* Edward the Confessor, Duke William of Normandy, and the English Succession // English Historical Review. 1953. Vol. 68. P. 526–545; *Oleson T.J.* Edward the Confessor's Promise of the Throne to Duke William // English Historical Review. 1957. Vol. 72. P. 221–228.

¹⁰⁷ The Gesta Guillelmi of William of Poitiers. P. 68–70, 120.

¹⁰⁸ Ibid. P. 100, 130, 140.

¹⁰⁹ Referentur enim in hoc conflictu pugne multa Anglorum milia corruisse Christo illis uicem reddente ob Aluredi, fratris Hetwardi Regis (*William of Jumièges.* Op. cit. Vol. 2. P. 170).

Переводы

ЕВГЕНИЙ ТОЛЕДСКИЙ

Из «Книги стихотворений»

Евгений, третий архиепископ Толедский (ум. 657), был известным церковным писателем и поэтом, и его краткое жизнеописание завершает книгу «О славных мужах», написанную его племянником и преемником на Толедской кафедре Ильдефонсом. Евгений происходил из знатной толедской семьи, выдающимся человеком был его дед Николай: «благородный и высоко вознесенный по причине великого совершенства добродетелей, / Могущественный в советах и воинственный деяниями десницы»¹, «о ком говорит непрерывно молва, / И другого, ему подобного, никакой век не принес / ...он одержал славные победы над врагом»². Отец, Евантий, отличался большим благочестием, построил церковь³. О Евгении его племянник Ильдефонс пишет, что тот был «телом худ, силами мал»⁴, т. е. по состоянию здоровья нести военную службу не мог. Знатность семьи обеспечила ему придворную карьеру, и он стал «клириком королевской церкви»⁵, т. е. священником домового церкви короля. На таких клириков ложились не только чисто церковные обязанности, т. е. отправленіе церковных служб, но и административные и придворные: работа в королевской канцелярии, возможно – дипломатические поручения, хранение королевской библиотеки, обучение королевских детей. Если Евгений, «прославленный»⁶, успешный клирик, как пишет Ильдефонс, «весьма горя силой духа»⁷, «находил удовольствие в монашеской жизни»⁸, то его удаление от двора

вполне понятно. Евгений тайно уехал в Сарагосу и там нашел ту среду, которая была необходима ему для его духовного роста: его наставником в «изучении премудрости»⁹ стал архиепископ Сарагосы Браулион, весьма образованный человек, автор изящной латинской прозы и стихов. Там же, в Сарагосе, осуществилось его «намерение [принять] монашество»¹⁰. Тем не менее в 647 г. Евгению пришлось возвратиться в Толедо, когда умер его тезка архиепископ, поскольку король Хиндасвинт (642–653) имел полное право требовать его возвращения: Евгений был клириком Толедской диоцезы. На Толедской кафедре Евгений провел, по сведениям Ильдефонса, 12 лет, по расчетам современных исследователей – 10, до самой своей смерти.

О Евгении как поэте в его житии сказано: «он с такой удивительной легкостью изливал стихи, как если бы свободно говорил [прозаической] речью»¹¹. Поэтическое наследие Евгения Толедского можно разделить на три части: литургическая поэзия, поскольку он реформировал Мосарабскую миссу («он исправил, узнав их мелодии, песнопения, искаженные весьма дурным использованием, восстановил опущенные чины богослужений и почитание [Бога и святых]»¹²), по приказу короля Хиндасвинта исправление и дополнение поэмы «Гексамерон», или «Шесть дней творения», поэта Драконция, и книга стихов «различными стихотворными размерами»¹³, которую он сам в стихотворном вступлении назвал «пугае» – «пустяки, безделки»¹⁴.

«Безделкам» Евгения повезло, их читали, переписывали. Манускрипт X в., который послужил источником для их издания, «Готский кодекс, ... по-народному [называемый] из Азагры», хранится в Национальной библиотеке Испании, в Мадриде (E-Mn 10029)¹⁵. Заказчиком этого манускрипта был Киприан, епископ Кордовский, сам поэт¹⁶. Ильдефонс пишет об этом сборнике как о единой книге, но при издании ее композиция была нарушена. Первое издание было предпринято в 1619 г., судя по всему, иезуитом Жаком Сирмондом (1559–1651), и он напечатал не все стихотворения. Судя по изданию 1782 г., осуществленному Ф. де Лорендзана (Francisco de Lorenzana), Сирмонд опубликовал только половину стихотворений и отредактированный «Гексамерон», вторая половина была добавлена уже Ф. де Лорендзана и помещена после «Гексамерона». В первую половину попало стихотворное вступление, во вторую – заключение.

При написании «Безделок» Евгений Толедский пользовался несколькими размерами: гекзаметром, элегическим дистихом, септенарием, сапфической строфой.

Поразительный пример сочетания разных размеров в одном произведении находим в стихотворении «Плач о наступлении собственной старости». Стихотворение начинается элегическими дистихами (шесть строк), продолжается шестистопным ямбом (30 строк), дальше идут гекзаметры (44 строки); весь текст завершается пятью строфами сапфического стиха.

Темы «безделок» довольно разнообразны. Небольшие стихотворения такого же плана, как и написанные Евгением Толедским, собраны из разных манускриптов и изданий XVI в. в так называемую «*Anthologia Latina*», содержащую позднеантичные и раннесредневековые произведения (издана Александром Ризе в 1868 г.). Готовя первый том своего издания, Ризе сознательно сосредоточился на периоде до VI в., поскольку считал, что VII век в Европе не дал ничего достойного внимания, кроме, может быть, Испании¹⁷. Сборник Евгения представляет собой следующий этап развития поэзии малых форм, который уже можно назвать раннесредневековым. Те же жанры, которые были популярны в эпоху античности, находим и среди его «безделок»: это послания («К Иоанну»¹⁸, «К пресвитеру Евсикию»¹⁹), эпитафии (три эпитафии Евгения самому себе²⁰), эпиграммы. Если обратиться к «*Anthologia Latina*», то можно найти множество тем, которые были продолжены Евгением. Так, в «*Anthologia Latina*» есть группа стихотворений, посвященных различным строениям («О банях»²¹, «О храме Венеры»²², «Стих на базилику дворца Святой Марии»²³). У Евгения есть несколько стихотворений, посвященных церквям Сарагосы, например, «О базилике восемнадцати святых мучеников»²⁴ или «О базилике святого Винцентия в Сарагосе, где, как говорят, пролилась его кровь»²⁵. Эта тема позже будет продолжена Алкуином, который знал творчество Евгения, и его учеником Храбаном Мавром.

Одной из тем в поэзии поздней античности было время, его деление на дни, месяцы, сезоны, например, «Похвала четырем временам года»²⁶, «Похвала всем месяцам»²⁷, «О приходе весны»²⁸. У Евгения находим дистих «О временах года»²⁹. Стихотворения о погоде, встречающиеся в «*Anthologia Latina*» (например, «О холодном дне»³⁰), находим и в сборнике Евгения Толедского. У него есть несколько стихотворений, объединенных общей темой «Вопрошение о состоянии небес»³¹. На этот вопрос в сборнике есть три стихотворных ответа-моностиха.

Не оставил Евгений Толедский без внимания и такую тему, как сотворенный мир. У него есть целый стихотворный bestiary, в котором встречается тех же птиц, зверей, рыб, минералы, что и в позднеантичной поэзии³², например, находим стихи о таких птицах, как феникс, зимородок, соловей, сова³³.

Тема пороков и добродетелей в поэзии поздней античности («Anthologia Latina») разрабатывается как обличение отдельных лиц (например, «На пьяницу, который ничего не ел, но лишьпил»³⁴). Евгений Толедский пишет целую группу стихов собственно о пороках, например «О гордости и смирении»³⁵, «Против пьянства»³⁶, и о добродетелях – «О страхе Божиим»³⁷, «О мудрости»³⁸. Позже такую же серию стихов напишет англосаксонский миссионер Винфрид-Бонифаций, апостол Германии.

Поздняя античность знает стихотворения о занятиях людей («На актера пантомимы»³⁹, «На канатоходца»⁴⁰, «На музыканта, играющего на кифаре»⁴¹). У Евгения Толедского есть «О предстоятелях»⁴², «О пресвитерах»⁴³, «О судьях»⁴⁴.

Афоризмы выделялись как отдельный вид текстов, составлять которые нужно было учиться еще в школе. Стихотворные афоризмы есть в «Anthologia Latina». Есть они и среди «безделок» Евгения, например моностих «О козле»⁴⁵.

Интересен случай загадки у Евгения Толедского. Загадки известны всем народам. В эпоху поздней античности были популярны загадки Симфония, загадки литературные. Евгений сочиняет загадку о льде, близкую по содержанию к англосаксонскому «Руническому стиху», но к отрывку не про лед, а про иней, где особое внимание обращается на превращение льда в воду⁴⁶. Возможно, здесь отразилась германская, вестготская, народная традиция.

Среди «безделок» резко выделяется группа стихотворений, объединенная общей темой болезни и приближающейся смерти («Напоминание о смертности человеческой», «Жалоба на собственную болезнь», упоминавшийся выше «Плач о приходе собственной старости», «Трохеическим метром о краткости сей жизни»). При том что мысли о бренности мира сего, мимолетности его радостей характерны для всей средневековой литературы, написанной на латыни, а также частично на народных языках, по глубине разработанности темы, по набору топов эти стихи Евгения, как кажется, находят соответствие не в западноевропейской, а в восточной, византийской традиции. Они сходны с произведениями свт. Григория Богослова (329–389), творчество которого было известно не только в Византии, но и в Западной Европе уже в раннее Средневековье. Среди стихотворений свт. Григория есть, например, «Жалобы на свои страдания»⁴⁷, «Плач Григория о самом себе»⁴⁸, «Покаянная песнь при конце жизни»⁴⁹, «На болезнь»⁵⁰. Поскольку вестготы сохранили память о тех временах, когда местом их жительства были византийские земли, а

именно Фракия⁵¹, и в государственной, и в культурной жизни они ориентировались не только на Рим, но и на Византию, поэтому подобные параллели между поэзией Евгения Толедского и свт. Григория Богослова неудивительны.

В VIII–IX вв. имя Евгения Толедского оставалось известным, его слава достигла двора Каролингов. И во времена Карла Великого, и во времена его сына Людовика о нем помнили. Алкуин включил одну из стихотворных молитв Евгения в составленный им служебник на каждый день недели⁵². Гимн св. Дионисию Ареопагиту, известный Хильдуину (775–840), первому переводчику сочинения «О Небесной иерархии» (836), был подписан именем Евгения Толедского⁵³. «Безделки» также оставили свой след в поэзии эпохи Каролингов: вестгот Теодульф, один из сподвижников Карла, был единственным поэтом, для которого, как и для Евгения Толедского, «bibliotheca» была не «книжным хранилищем», а Библией, т. е. собранием всех библейских книг под одним переплетом. И у Евгения Толедского, и у Теодульфа есть стихотворения о Библии как библиотеке⁵⁴. Можно с уверенностью предполагать, что сборник Евгения Толедского служит мостиком между двумя эпохами европейской поэзии – античной и средневековой.

Примечания

-
- ¹ SS. Patrum Toletanorum opera: 3 t. T. 1 / Ed. F. de Lorenzana. Matriti, 1782. P. 36.
  - ² Ibid.
  - ³ PL 87, col. 400B–400C.
  - ⁴ PL 83, col. 204B.
  - ⁵ Ibid, col. 204A.
  - ⁶ Ibid.
  - ⁷ Ibid, col. 204B.
  - ⁸ Ibid, col. 204A.
  - ⁹ Ibid, col. 204B.
  - ¹⁰ Ibid.
  - ¹¹ SS. Patrum Toletanorum opera. T. 1. P. 16.
  - ¹² PL 83, col. 204B.
  - ¹³ Ibid.
  - ¹⁴ SS. Patrum Toletanorum opera. T. 1. P. 19.
  - ¹⁵ The Cambridge Companion to Medieval Music / Ed. by M. Everist. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. XXIII.
  - ¹⁶ PL 121, col. 567A–568C.

- 17 Anthologia Latina sive Poesis Latinae supplementum. Pars Prima / Rec. A. Riese. Lipsiae, 1868. P. VII.
- 18 PL 87, col. 366C.
- 19 Ibid, col. 366D–367B.
- 20 Ibid, col. 365A–365B.
- 21 Anthologia Latina... P. 107.
- 22 Ibid. P. 104.
- 23 Ibid. P. 247.
- 24 PL 87, col. 361A–361B.
- 25 PL 83, col. 361B–361C.
- 26 Anthologia Latina... P. 110.
- 27 Ibid. P. 111.
- 28 Ibid. P. 163.
- 29 PL 87, col. 365A-365B.
- 30 Anthologia Latina... P. 123.
- 31 SS. Patrum Toletanorum opera. T. 1. P. 64.
- 32 Anthologia Latina... P. 194, 241, 248.
- 33 PL 87, col. 389B–390C, 391B–391C.
- 34 Anthologia Latina... P. 219.
- 35 PL 87, col. 393B.
- 36 Ibid, col. 360B.
- 37 Ibid, col. 395B.
- 38 Ibid.
- 39 Anthologia Latina... P. 108.
- 40 Ibid. P. 108.
- 41 Ibid. P. 109.
- 42 PL 87, col. 398C–398D.
- 43 Ibid, col. 399A.
- 44 Ibid, col. 399B–399C.
- 45 Ibid, col. 394A.
- 46 Anglo-Saxon Didactic Verse / Ed. by L.J. Rodrigues. Felinfach, 1995. P. 141.
- 47 *Святитель Григорий Богослов. Песнопения Таинственные*. М., 2000. С. 149–155.
- 48 Там же. С. 222–226.
- 49 Там же. С. 253–254.
- 50 Там же. С. 255–261.
- 51 PL 83, col. 1061B.
- 52 PL 101, col. 579C.
- 53 PL 87, col. 402C.
- 54 Ibid, col. 394B; PL 105, col. 299 etc., col. 307 etc.

ИЗ «КНИГИ СТИХОТВОРЕНИЙ»

Переводы сделаны по изд.: *Migne J.-P. Patrologiae Latinae Cursus Completus (PL)*. – On CD-Rom. – Chadwick-Healy, 1993–1995. Vol. 87, col. 359A–359B, 359C–361A, 361C–362A, 362B–365B, 365B–366A, 366B, 366C–367C, 368A–368B, 389B–391A, 391B–392A, 392B–392D, 395B–397A, 399A–399C, 400A–400C, 393A–393B.

«Книга стихотворений» Евгения Толедского написана несколькими стихотворными размерами: гекзаметром, элегическим дистихом, септенарием, сапфической строфой. Поэт использует характерные для античности жанры – послание, эпитафию, эпиграмму. В стихах развиваются темы, типичные для античной поэзии: описания строений, животных, птиц, рыб, времен года, погоды, загадки, а также новые темы, появившиеся под влиянием христианства: темы старости, болезни, смерти, бренности всего земного, пороки и добродетели и т. д.

Вступление

Ты, что на скромный мой труд неприязненно взгляды бросаешь,
Что за забота тебе, если мне в радость писать?
Пусть ты с наморщенным лбом приговор мне выносишь суровый,
Не оробеет поэт, не оробеет поэт.
Знай, что презрительный смех опечалить мой дух неспособен,
Ибо я вижу и сам, где я ошибся в стихах.
Так что скорей перестань, мой несчастный завистник, браниться.
Зависть, как злая болезнь, верь мне, вредна для души.
Если тебя до сих пор ненасытная зависть снедает,
Не принесешь мне вреда, а вот себе навредишь.
Если ж безделки мои ты читаешь с душевной приязнью,
Ценишь ты искренность чувств и в неученых стихах,
Пусть наградит тебя Бог и земным, и небесным богатством,
Пусть сочиненья твои Он от врагов защитит,
Пусть Милосердный Господь на путях безграничного мира
В мире тебя сохранит, друг мой, и близких твоих.

Напоминание о смертности человеческой

Вспомни природу свою, человек, по природе ты смертен,
Не отделишь ты конца, даже если стяжал ты богатство.
Все, что на свете ни есть, удовольствия, радости, счастье, –
Все исчезает, как тень, все уходит во тьму безвозвратно.
Ныне ты прибыли ждешь и надеешься на процветанье,
Вихря судьбы берегись, что неожиданно несет тебе гибель.
Пищу просящему дай и нагому пожертвуй одежду,
Эти деянья тебе после смерти блаженство подарят.
Бедность благою люби, не желай себе тленных сокровищ,
Ибо ввергают они тех, кто жаждет их, в адское пламя.
В золоте и жемчугах можешь ты пред людьми красоваться,
Жалким, нагим бедняком к теням предков сойдешь ты, несчастный.
Та лишь за гробом тебе неизменная выпадет участь,
Кую себе приобрел ты благими иль злыми делами.

О непостоянстве ума человеческого

Непостоянен наш ум, не идет он дорогой единой,
Мы не верны одному, что хотим, чрез минуту оставим.
То, что любили вчера, всей душой отвергаем сегодня.
Ныне нам правда мила, ныне кривду всем сердцем приемлем.
То к чистоте нас влечет, то впадаем – увь! – в непотребства.
Ценим мы трезвость и вдруг опьяненье везде превозносим.
Непостоянны сердца, их желания ветром носимы.
Что же еще мне сказать? Сколько звезд над землею сияет,
Сколько мгновений летит и уходит из времени в вечность,
Столь же бессчетны у нас настроения в душах нестойких.

О благе мира

Если ты жаждешь навек стать свободным от злого хелидра¹,
Мира взыщи, навсегда для лукавства закрой свое сердце.
Златом сияет душа, в коей образ Христов пребывает,
Те же, кто миру враги, погибают в неистовстве лютотом.
Мир есть лекарство души, ее сила, и жизнь, и надежда,
Мир есть порядок вещей, к справедливости вечной стремленье,
Мир есть усталым покой и безмерных трудов увенчанье,
Мир съединяет друзей, мир приветствует цели благие,

Мир прогоняет вражду, мир приносит согласие народам,
 Миру подруга – любовь, все дурное бежит их союза.
 Мир возлюбивший Господь отпускает грехи миролюбцам,
 Губит ведущих войну мир возлюбивший Господь.

Против пьянства

Если ты доли благой, словно хлеба, без устали ищешь,
 Крепкого бегай вина, хмель приносит одно только горе.
 Ток виноградной лозы хуже, чем лихорадка любая,
 Яда сильнее вино, если пить его без рассужденья.
 Меньше вреда от огня, и гадока, поверь, безопасней,
 Пусть уж укусит змея, легче смерть от змеиных укусов.
 Слабые руки дрожат, помутняется разум нестойкий,
 Налиты веки свинцом, заплетаются резвые ноги,
 Уши не могут служить, и язык непонятно лопочет,
 Словно собака ворчит, а не муж, наделенный мышленьем.
 Пьяница жалкий, ответь, ты живешь или смерть поджидаешь?
 Бледен лежишь, недвижим, словно жизнь от тебя отлетела,
 Словно бы смертный покой отягчил воспаленные очи.
 Жестко иль мягко тебе, хорошо или плохо, не знаешь.
 Тем отличаешься лишь от насельника хладной могилы,
 Что из застывшей груди вырывается с хрипом дыханье.

Против обжорства

Брюхо отвислое кто набивает излишками пищи,
 В теле огромном своем хилое сердце несет.
 Тупостью ум поражен, лишь утроба одна торжествует,
 Плоть подчинила себе тела тройкий состав.
 Горло, что некогда песнь выводило, как певчая птица,
 Жирные складки теснят, голос певучий охрип.
 Сонная вялость и лень размягчают ослабшие кости,
 Спит на ходу и храпит, бодрость обжора забыл.
 Если желаешь, чтоб ум возростал твой от множества знаний,
 Чрево свое укрощай, будешь ученейший муж.

О базилике святого Эмилиана²

Те, кого скорбь, кого грех, кого лютей недуг иссушает,
Старые раны томят иль лихорадка трясет,
Пусть поспешают сюда с упованием в преданном сердце,
Горечь тревог позабыв, здесь утешенье найдут.
Верное здравье больным, всем несчастным защита и помощь,
Словно бы мать и отец, встретит их Эмилиан.
Вот по веленью его изгоняется демон, что души
Долго терзал, но теперь душам не может вредить.
Ходят хромые, слепым подается сокровище зренья,
Чист от проказы, хвалу Богу больной воздает.
Всякая немощ бежит, даже мертвые здесь воскресают.
Счастье благих перемен Господа славить велит.
Рад Милосердный Господь умноженью знамений чудесных,
Славе святого, кому дивный сей храм посвящен.
Помни, проситель, сюда приходите надо с твердою верой.
Тот, кто без веры придет, грустный, уходит ни с чем.
Коль за себя изольешь ты слова покаянной молитвы,
Плач из душевных глубин ты о грехах принесешь,
Имя Евгения не позабудь, назови среди близких,
Так себе милость снискать сможешь скорей у Христа.

Жалоба на собственную болезнь

Горе мне, горе! Ослаб, от усталости я задыхаюсь,
Сломлен болезнью, едва бедные члены влачу.
Злая напала болезнь, облегчения не нахожу я,
Кости крушит ломота, сердце от страха болит.
Что подкрепляет других, мне приносит лишь вред и страданье,
Этим мученьям моим слабый желудок виной.
Холод, пусть легкий, вредит, не всегда и тепло помогает,
Страждет бессильная плоть, жизнь мне совсем не мила.
Смилуйся, Боже, прошу, дай, Христе, мне целебное средство,
Ибо душе нелегко тяготы плоти носить.

Плач о приходе собственной старости

Пробил мой час. Уж меня настигает согбенная старость,
Вот почему я теперь скорбные песни пою.
Слезы текут по щекам, голова то и дело кружится,
Жалобно я возношу горестный плач к небесам.
Жалящих ямбов чредой ненавистную старость ославлю,
Прежде чем станет она хворями мне докучать.

Жестокий возраст, старость пустоглазая,
Свирепой глоткой все живое губишь ты,
В прожорливом оскале разевая пасть.
Наношишь раны, словно злая мачеха,
И раненых пронзаешь смертным лезвием.
Приходишь и ведешь с собой бессилие,
Здоровье исчезает, хвори множатся,
Слабеют чувства, тает красота, как дым,
Лишь вздохи может издавать больная грудь,
И плач нам утешительнее радости.
Лицо морщины бороздят, а волосы
Редеют, сединою покрываются,
Тупятся зубы, кости ноют хрупкие,
Все тело сотрясает дрожь противная,
Что дружит со зловердной лихорадкою,
Подагра искривляет пальцы ловкие,
Дыханье гадким кашлем прерывается.
Болячки изъязвляют кожу бледную,
В питье и яствах нету удовольствия,
Лишь слезы нам приносят облегчение.
Когда вот так о старости я думаю,
То хочется, оставив преходящее,
Бояться Бога, помышлять о вечности,
Ко праху приравнять богатства тленные,
Всегда молиться и в рыданиях говорить:
Идите прочь, пустые мира почести,
Сокровища земные, преходящие,
Хвалы льстецов, высокий сан и почести.
Уж час настал, грядет погибель близкая,
Уже злодейка-смерть стучится в дверь мою.

Слушай, злохищная смерть, ныне голос к тебе обращаю,
Что поспешила прийти? Что настойчиво гонишь страдальца?
Время быстрее бежать заставляешь ты без сожаленья,
И убыстряют свой шаг кровожадные Судьбы покорно.
Коль ты приходишь, везде прекращаются радости жизни,
Всюду сгущается тень, гаснет свет лучезарного солнца,
Тела премудрый состав оставляют движения жизни:
Молкнет болтливый язык, очи смертная тьма застилает,
Уши, что прежде могли слушать сплетни и новости, глухнут,
Ныне ноздрям все равно – аромат обонять иль зловонье,
Словно бы груз на груди непрестанно мешает дыханью,
Алая кровь не тепла, цепенеют остывшие члены.
Плоть разлагается, в пищу достается червям ненасытным,
Прах возвращается в прах, красота человека преходит.
Спел я о многом, что в дрожь повергает смятенную душу.
Ныне о том расскажу, что мне кажется более страшным.
Вижу Высокий Престол, а на нем – Судия Беспристрастный.
Перед очами Его все творение в страхе предстало,
В белых одеждах толпа повергает к подножию трона
Подвиги знаки своих, на колени пред Ним опускаясь.
Лик Судии и Творца созерцать они вечно желают,
Так что мой дух потрясен их великим почтеньем к Владыке.
Как напугать может червь, разложение, костер погребальный,
Если блаженных сердца столь трепещут пред Ликом Христовым?
Я похищал, обирал, притеснял, замышлял преступленья,
К горьким слезам бедняков, к их стенаниям был равнодушен,
Тело свое осквернял я чудовищной язвой разврата,
Ныне дрожащий, как лист, предстою пред Судьей Всемогущим.
Милостью я никогда не умерил ни злобы, ни гнева,
Ненависть двигала мной, побуждала к жестоким убийствам,
Дух мой страшится теперь, чтобы сходного не претерпеть мне,
Чтоб не судил мне Господь бесконечность загробных мучений.
Пусть и недолго мы здесь совершаем дурные поступки,
После мучительно жжет душу грешную адское пламя.
Этой судьбы я страшусь, содрогается грешное сердце,
Господи Боже, Тебя умоляю о милости робко,
Ведь не положишь предел без Тебя никаким прегрешеньям,
Дух от пороков никак не очистишь без помощи свыше.
Боже, вину отпусти, покаянье прими благосклонно
И милосердно добром мне воздай за мои злодеянья,

Суд Твой всегда справедлив, но помилуй заблудшую душу,
Что утопает в слезах, сотворенное зло вспоминая.
Радости Ты подаешь и святым за терпенье награды,
Дай, чтоб легко претерпеть смог мученья несчастный Евгений.

Хочешь ли узнать, почему сложил я
Горестную песнь о своих несчастьях,
Знай, что облегчить пением страданье
Я попытался.

Сорок девять лет на земле проживши,
В мирных я трудах процветал, счастливцев,
Почести, хвала и любовь сограждан
Были мне в радость.

Вдруг в единый миг все переменялось,
Словно в ясный день набежала туча,
Тяжкая болезнь оковала члены
Узами боли.

Лихорадки дрожь сотрясала тело,
Я, слабея, ждал приближенья смерти,
Не могли помочь ни питье, ни пища
Мне в этой муке.

И, страдая так от болезни лютой,
Чувствуя, что смерть в дверь мою стучится,
Подгонять коня этой скорбной жизни
Песнями стал я.

Трохеическим метром о краткости сей жизни

Оскверненный преступленьем и виной терзаемый,
Силось я запеть в рыданиях песню покаянную.
По щекам струятся слезы, плачу и рыдаю я,
Вижу я, что все творенье смерти обрекается.
Все прекрасное уходит и сменяется дурным,
Мы с благами расстаемся, скорби – горький наш удел.
Плачь, Евгений, вот уж близко гостя страшная, болезнь,
Жизнь проходит, вот конец твой, гнева свыше ожидай.

В дверь твоей убогой кельи вестник смерти постучал,
Ты же, бедный нечестивец, все мечтаешь о мирском.
Что ж земного не оставишь, не стремишься к вечности?
Ищешь пользы преходящей, но теряешь главное.
В чем здесь видишь утешенье, коль за гробом кара ждет?
Что с собой туда захватишь? Что спасет тебя от мук?
Будет страшный адский пламень душу бедную терзать,
И никто тебе, несчастный, утешенья не подаст:
Ни родители, ни братья, ни вернейшие друзья.
Все, что ты любил при жизни, ты по смерти потерял.
Поспеш, пока живешь ты, покаяньем грех сотри.
Вместо хлеба слезы будут, вместо радости печаль.
Исповедай прегрешенья, плач из сердца источи,
Боже, к просьбам снисходящий, слух склони к моей мольбе,
К тем словам, что изливаю, вспоминая жизнь свою,
Дай очиститься от скверны, горю положи предел.
Ты и над Аверном властен, не суди мне адских мук,
Ибо пламя преисподней вечно грешников палит.
Лучше в этой брэнной жизни наказанье понести!
Род людской, в грехах погрязший, плачь пред Господом со мной.
Будьте милостивы к бедным, не чуждайтесь добрых дел,
Видя ваше покаянье, вас помилует Господь.

Эпитафия самому себе

К жизни воззавший меня, как в начале творенья, из праха,
Боже, в гробнице храни брэнное тело мое.
Прах возвратился во прах, честно пройдено поприще жизни,
В воле, Создатель, Твоей к жизни меня воскресить.
О Всемогущий Христос, дай Евгению после кончины,
Словно прямую стезей, в Горний Чертог Твой войти.

Другая эпитафия самому себе

Бог мне порукой, что я, смерть приняв, к новой жизни воскресну,
Мир сей оставив навек, смерти не буду я знать.
Жизненный путь без греха не прошел я, несчастный Евгений,
Милостив к смертному будь, Боже, меня пощади.

Восстановление мира

Мир благодатный слетел по молитвам на бедную землю,
 Радость он людям несет и ободряет мой дух.
 Чувства, что прежде война и раздоры в душе подавили,
 Ныне проснуться спешат, ныне страданиям конец.
 Днесь возрастает любовь, далеко уходите, о скорби!
 Воля Господня предел битвам кровавым кладет.
 Гибель несущий злодей, древний змей, бесполезны уловки,
 И не помогут ни в чем новые козни тебе.
 Мы не добыча тебе, хоть ты тщишься вражду и коварство
 В наших посеять сердцах, мы не добыча тебе!
 Так исчезай, словно дым, в дуновеньях стремительных ветра,
 Мы же союз во Христе вместе навек сохраним.

Семистрочный стих о происхождении мира

Свет отделился от тьмы в первый день³ при начале Творенья,
 Неба сияющий свод в день второй над землей распростерся,
 Моря шальная волна в третий день набежала на сушу,
 Созданы Солнце с Луной, также звезды зажглись в день четвертый,
 Рыбы и птицы весь мир в пятый день населили мгновенно,
 И в день шестой, наконец, звери, гады и люди явились,
 После великих трудов в день седьмой опочил наш Создатель.

О создателях алфавитов

Первым буквы нацарапал на скрижалях Моисей⁴,
 Финикийский ум прехитро сделал грекам алфавит⁵,
 Буквы те, что мы выводим, Никострата⁶ создала,
 Письмена халдейских свитков Аврааму⁷ удалась,
 За Изидой⁸ египтяне стали знаками писать,
 Готы Ульфилы⁹ трудами знают грамоту теперь.

К пресвитеру Евсикию

Благословенье тебе, муж преславный и друг мой Евсикий,
 Шлю я, ничтожный монах, жалкий Евгений, в письме.
 Со снисхожденьем прими сих стихов неученые строки,
 Их тебе, мой дорогой, эта страница несет.

В руки твое письмо взял я с радостью, но, прочитавши,
Очень я был огорчен, даже в душе восскорбел,
Ибо ты пишешь, мой друг, что тебя позабыл твой Евгений,
Кончилась дружба и твой образ из сердца исчез.
Верь мне, Евсикий, прошу, ибо Небо велит тебе верить,
Вера несчастных живит, вреден сомнения яд.
Бога в свидетели я призываю и ангелов лики,
Дружба меж нами крепка и не ослабла ничуть.
Прежде погаснет Луна и остынет палящее Солнце,
Чем из души у меня память о друге уйдет.
Прежде окончится жизнь для меня в этой слезной юдоли,
Чем разорвется союз, что между нами возник.
Быстро мгновенья летят, из мгновений слагаются годы,
Но на устах у меня имя и дружба твои.
Верную к другу любовь пусть заимствует эта страница,
Друг мой, меня не забудь, друг мой, меня не забудь.
Как заповедал Господь, золотое яви послушанье,
Друга далекого ты хоть иногда вспоминай.
Пусть Милосердный Христос начинаньям твоим помогает,
Пусть, как отец, снизойдет Он к прегрешеньям моим.

Некому другу

Кротко желаю узнать о здоровье твоём и успехах,
Радостно в этом письме другу я шлю свой привет,
И, чтоб посланье мое не увязло в пустом многословье,
Кратко скажу тебе так: друг дорогой мой, прощай.

То же к нему же

Многие Богу хвалы я воздал в благодарность о друге,
Ибо я весть получил, что невредим ты и здрав.
И потому я в ответ посылаю тебе ободренье,
В этих нехитрых стихах – мой тебе братский привет.

То же к нему же

Благо мне будет, когда ты стяжаешь спасенье благое,
Ныне сердечный привет шлю тебе, друг, будь здоров.

Стих о лете

Тягостное я воспеваю время,
Лето, что несет много огорчений,
На манер Сапфо полные печали
Строфы слагаю.

На небе царит Феб неумолимый,
Жар его лучей иссушает реки,
А в грозу из туч мечет он на землю
Дротики молний.

Если ж дождь идет, он посевам вреден,
Виноградных лоз он цветенье губит,
Завязи плодов ледяной крупую
Град посекает.

Летом нет в жару облегченья людям,
Счастливы одни жабы да лягушки,
Да еще змея рада в знойный полдень
Греться на камне.

Комары пищат, мухи больно жалят,
Для клопов теперь полное раздолье,
Злобная блоха бодрствует ночами,
Мучая спящих.

Господи, избавь нас от этих чудищ,
Даруй силы нам, прогоняя слабость,
Чтобы мы могли отдыхать спокойно
В мягкой постели.

О Филомеле

Спутница теплых ночей, сладкозвучной я песни подруга,
В имени к песне любовь так, Филомела, храню.

О Филомеле

В пении ночь проводя, Филомела покоя не знает,
Нас усыпляет она, бодрствовать учит себя.

Четырехстрочная беседа

Песней своей, соловей, почему ты со тьмою воюешь?
 – Чтобы недобрая тьма вред не чинила гнезду.
 Можешь ли песней птенцов защитить ты от ворага злого?
 – Или могу, или нет; бодрствовать нравится мне.

Песня о Соловье

Песня твоя, соловей, к похвале побуждает поэта,
 Хочет прославить тебя мой неученый язык.
 Песня твоя, соловей, затмевает звучанье кифары,
 Трели твои мне милей гулко-го рокота струн.
 Песня твоя, соловей, от скорбей избавляет страдальцев,
 В сердце вселяет покой, бодрость душе подает.
 Голос твой звонкий летит к небесам над весенней землей,
 В лиственной теплой тени малых выводись птенцов.
 В роще твой чудный напев повторяет веселое эхо.
 Лес отвечает тебе шумным согласьем листвы.
 Если судить мне дано, не равны тебе лебедь поющий,
 Пестрый болтун-попугай, быстро щебечущий стриж.
 Птичьего царства певцы состязаться с тобою не могут,
 Звуков журчащий поток словно бы медом течет.
 Плектр твоего языка пусть по струнам воздушным ударит,
 Горлышко пусть изольет музыки чистый хрусталь.
 Золото гимнов твоих приглашает на пиршество слуха.
 О, не молчи, соловей! О, не молчи, соловей!
 Господи, слава Тебе, сотворившему небо и землю,
 Давшему песнь соловья нам как утеху в скорбях.

О вязах и певчих птичках

Вот, над зеленой травой на ветвях звучнолиственных вязов
 Стройно, как маленький хор, певчие птички поют.
 Можем в прохладной тени отдохнуть от полдневного зноя,
 Птичкам подобно, сложить песню из радостных слов.

О приключившейся ссоре

Смыслов иных не ищи, я прошу тебя, милый читатель,
 Скорбь побудила меня эти стихи написать.
 Боже, молю, помоги мне сложить покаянную песню,
 Чтобы я мог Тебе в дар жалобный стон принести.

Даруй реченье устам, даруй слезы очам помертвевшим,
Отдыхом будет мне плач, мукою – радость теперь,
Ибо глухая вражда разделила согласные души,
Слушать раздоры устав, мир далеко отступил.
Словно бы горлица я, у которой убили супруга,
Бедная горько скорбит, став сиротою навек.
Братий скорей созову, навестите меня, горемыку,
Руку с любовью подать не откажитесь, молю.
Господи, пусть навсегда ненавистные ссоры исчезнут,
Чтобы к Святыням Твоим я без греха приступил.

О птице Феникс

Имя мне Феникс. Таких древних нет больше птиц во Вселенной.
В смерти сгораю и вновь, возродившись, взлетаю из пепла.

О зимородке

Здесь на прибрежном песке вьет гнездо зимородок зимою,
Море седое птенцов не потревожит волной.
В путь, корабельщик, скорей ты на быстрой ладье отправляйся,
Ныне четырнадцать дней будет великая тишь.

О ласточке

Кроны дерев не люблю, не живется мне в поле широком,
Ласточкой я названа, гостьею крыш городских.
Малых птенцов пощади, не готовь из них вкусного блюда,
Съесть беззащитных гостей значит весьма нагрешить.

О горлице

Горлица я, подаю вам пример наилучший, супруги,
Памяти мужа верна, я второго союза не знаю.

О павлине

Перьев блистающий плащ, как царя, одевает павлина,
Хоть и прекрасно перо, мясо, к несчастью, жестко.

О говорящих птицах

Вороны, галки, скворец, попугай да болтуня сорока
Любят людские слова на все лады повторять.

О филине

Филин угрюмый вдали от пернатых певцов пребывает,
Мрачную песней своей он возвещает беду.

О рыбке ехидне

Рыбка ехидна мала. Пусть корабль рядом с нею огромен,
Плыть не пускает его крошечной пастью своей.

О козле

Святости знак – борода? Знать, козел во святых пребывает.

О временах года

Розы приносит весна, вяжет лето снопы золотые,
Осень дарит виноград, а зима – изобилье оливок.

Предсказание погоды

Небо красно поутру, ожидай непременно ливня,
К ночи повеет затем с юга теплый пунический ветер.

Другое предсказание погоды

Стелется низко туман, значит, солнечно будет и ясно.
Тучи ль по небу плывут, ждате нашей ниве дождя.

О льде

Воды висят бахромой, обратила их стужа в сосульки,
Гладким стеклом замерла в речке бегучей вода.

Загадка

Мать порождает дитя, от дитяти сама же родится.
В лед превращаясь, вода льдом порождается вновь.

О камне гагате

Имя мне камень гагат, сходен цветом я с черной смолою,
Жарко горю я в воде, от еляя мой пламень угаснет.

Об асбесте

Если бы жгучий огонь охватил вдруг волокна асбеста,
Он бы и сам не погас, и не сгорел бы асбест.

Об алмазе

Камень, рекомый алмаз, от железа ущерба не знает,
Можно его расколоть только лишь кровью козла.

Об оконной слюде

Так же, как солнечный луч не вредит слюдяному оконцу,
Девой осталась Жена, Бога Христа породив.

О серебряном блюде

Светлый расплавив металл, сделал мастер прекрасное блюдо,
Вкусные яства гостям ныне на нем подают.

О солонке

Белых крупинок запас будет к мясу и рыбе приправой, –
Камень, что в прах обращен, или сгущенье воды.

О женской фибуле

Полы плаща зацепив, я скрепляю их, словно укусом,
Чтоб не соскальзывал с плеч плащ дорогого сукна.

Вопрошение о состоянии небес

Глянь, не горит ли заря, небеса освещающая собою.

Ответ о ясной погоде

На небе свет золотой изливают, сияя, светила.

То же про пасмурную погоду

Синие дали небес облака дождевые закрыли.

То же, когда погода переменная

Небо звездами горит, в то же время и дождь изливает.

О полотенцах

Что предписали тебе омовенья заботы, исполни,
Насухо вытрись затем чистым льняным полотном.
Как полотно белизной, словно снежные горы, сияет,
Так и заслуги твои будут пред Богом сиять.

О любви Божией

Сердце твое, государь, пусть Христова любовь наполняет,
Знай, что молиться всегда заповедал Господь человекам.
Любит он тех своих чад, кои помнят Его предписанья,
Кои желают идти тем путем неудобным и тесным,
Тем, по которому ввысь Сам Христос шел в Небесное Царство.
Чад Своих любит Господь, и они Его преданно любят.

О премудрости

Если ты хочешь служить Одному лишь Владыке Вселенной,
Выбери спутницей ты золотую Премудрость Цареву,
Чтоб наилучший совет подавала она в затрудненьях,
Чтобы победный венец принесла, приумножила земли,
Чтобы тебя облекла по достоинству царской порфирой,
Чтоб даровала и здесь, и за гробом блаженную участь.

О рассудительности

Нравы суровых царей рассудительность часто смягчает,
Учит учтивости их, украшает деяния славой,
Дарует кротость в речах, видеть зло и добро позволяет,
Выразить в точных словах помогает и мысли, и чувства,
Облик и поступь дает, что царя отличают по праву.
Эти дары государь получает от Бога Благого.

О простоте

Сладостный дар простоты семена добродетелей сеет,
Он наставляет сердца, обучая обычаям добрым,
Токи учтивых речей он изводит из уст медоточных,
Учит он зла не держать, не прельщаться пустой похвалою,
Злоумышлять не дает, злые козни плести запрещает
И побуждает людей исповедать грехи без остатка.

О терпении

Муж терпеливый легко поднимается в Горнее Царство,
Если, живя на земле, он противится грешным деяньям,
Праздность не терпит, ему ненавистно пустое безделье,
Ибо бездумная лень часто к гибели души приводит.
Тонкую мудрость змеи должен голубь стяжать простодушный,
Голубя разум благой пусть умерит змеиную хитрость.

О справедливости

Царь всех царей поручил эти земли тебе для правленья,
Сам справедливость верши, государь, по велению свыше,
Дай своим судьям наказ, чтоб они исполняли законы,
Ибо Всемощный Господь чтить законы велел человекуам.
Их Божий Перст начертал на тяжелых гранитных скрижалях.
Бог повелел, чтобы Вы в своих грамотах их записали.

О милосердии

Пусть в непрестанных трудах жизнь ведет милосердный правитель,
Пусть по потребностям всем подает – и великим, и малым,
Не устает облегчать голод, скорбь и нужду неимущих,
Если желает стяжать плод бесценный Небесной награды.
Тот без препятствий взойдет к тучным пажитям Горнего Царства,
Кто на земле беднякам помощь дарует щедрой десницей.

О сокровище, на небе собираемом¹⁰

Счастлив, кто может собрать то сокровище в Царстве Небесном,
Кое разбойник украсть не способен, хоть кражу замыслит,
Кое кусая тля, все грызя, уничтожить не может.
Есть в Небесах для тебя кладовая несметных сокровищ,
Ангельский хлеб и питье, вечной жизни благая награда,
Все изобилье даров души праведных вечно питает.

Это сокровище – страж лучезарных надмирных пределов.
Ангелы облачены там в сиянье Нетварного Света,
Лики блаженные там надевают прекрасные платья:
Фибулы ярко блестят, с плеч златые плащи ниспадают,
Поручи, перстни, венцы, пояса, дорогие запястья
Блещут, искрятся, горят и мерцают, подобно зарницам.

О пресвитерах

Нужно пресвитерам знать: не должна симонийская ересь
Язвой греха своего светлую веру чернить.
Малый подарок сквернит чистый дар благодати священства,
Взяткой оплаченный сан не освящает Господь.
Божий служитель, кому в Небесах уготовано место,
Да убоится сетей, что расставляет корысть.
Да не одержит порок даже малой победы над теми,
Кто, стоя пред алтарем, столу несет на плечах.
Ты благочестия свет, государь, ты земли своей слава,
Господа верно люби, ибо он любит тебя.

О том, как должно увещать монахов

Ласковым словом учить подобает общины монахов,
Чтоб не пеклись о земном, к горнему мысль обратив.
Пусть не стремятся они к обладанию тленным богатством,
Им уготована жизнь в дивных чертогах Небес.
Пусть вспоминают пример Иоанна, Антония, Павла,
Пусть, как пророк Илия, шума людского бегут.
Пусть ничего своего не имеют, пусть все будет общим,
Муж, что молитву стяжал, должен о внешнем забыть.
Ты благочестия свет, государь, ты земли своей слава,
Господа верно люби, ибо он любит тебя.

О судьях

Судьям вели, государь, чтоб они справедливо судили
Поданных верных твоих и уважали закон.
Пусть их не вводит в соблазн подношений бесстыдное бремя,
Пусть не снедает любовь к золоту и серебру.
Пусть по законам страны твоей народ подчиняется судьям,
И вот тогда процветет мир в государстве твоём.
Почетъ Христу воздадим: положил Он Вселенной законы.
Господи, слава тебе днесь и во веки веков.

Эпитафия Николаю, своему деду

Если ты хочешь воспеть фасций Ромула гордые знаки,
 Славный Сенат похвалить, здесь ты героя найдешь.
 Если ты любишь войну или ценишь сужденье в совете,
 То приношенье свое к этой гробнице неси.
 Здесь погребен Николай; о деяньях его непрестанно
 Нам сообщает молва, равного нету ему.
 Много побед над врагом одержал он в кровавых сраженьях,
 Жребий жестокий ему выпал: он сам был убит.
 О преблаженная жизнь! О внезапно настигшая гибель!
 Был ты при жизни любим – мир без тебя восскорбел.

Эпитафия Евантию, своему отцу

Двери открыты для вас, христиане, почтите молитвой
 Бога в сем храме святом, двери открыты для вас.
 Чтобы прославить Христа, дом молитвы Евантий построил,
 Пышно украсил его, чтобы прославить Христа.
 Церковь Евантий воздвиг, чтоб родителя прах упокоить,
 Чтоб поминанье творить, церковь Евантий воздвиг.
 Ради тебя, мой отец Николай, благочестье явил я,
 Труд сей священный подъял ради тебя, мой отец.
 Все, что имею, твое, без тебя я б на свет не родился,
 И потому признаю: все, что имею, твое.

Эпитафия Басилле

Розы, читатель, рассыпь, положи на могилу лилеи
 И по обычаю так место святое почти.
 Упокоенье нашла здесь любезная Богу Басилла,
 Род ее славен весьма, жизнь без порока – славной.
 Миру известна она добродетелей кладом бесценным.
 Участи хочешь благой? Ей поспеши подражать.

Заключение

О Всемогущий Творец, укрепляющий царства земные,
 То, что тебе я пропел, как приношенье прими.
 Мощной Десницей Своей защити государя вестготов
 И по молитвам ему преуспеянье подай.
 Дай ему торжествовать над врагами в тяжелых сраженьях,
 Дай ему радость побед и упаси от беды.

К слугам пусть ласков, к врагам снисходителен будет владыка,
 Так угодит он Христу и сохранит с нами мир.
 Что о великих делах передам я правителю кратко?
 Пусть он благое творит, мыслей не держит дурных,
 В Троице Единый Господь, недостойной молитвы не презри,
 Слух Свой к молитве склони, о Всемогущий Творец.

 Примечания

- ¹ Согласно «Этимологиям» св. Исидора Севильского, «змея хелидр... пребывает и в воде, и на земле. Когда она скользит по земле, то земля дымится» (PL 82, col. 445A–445B). Св. Исидор приводит цитаты из античных поэтов, в которых хелидр называется *teter* – «отвратительный, страшный». Считалось, что хелидр весьма ядовит. Змей, искушавший в Раю Адама, также называется хелидром.
- ² Св. Эмилиан Кукуллат (474–574), один из наиболее почитаемых испанских святых, монах, отшельник, покровитель Кастилии. Получил прозвище «кукуллат», поскольку по обычаю греческих монахов носил куколь – монашеский головной убор в виде остроконечного капюшона. Отшельничал с учениками в горах на севере Испании, в области, сейчас называемой Ла-Риоха, жил в пещерах. Вскоре после его смерти на месте его подвигов был основан монастырь, получивший название Сан-Мильян-де-Сусо (теперь Сан-Мильян-де-Коголья). Мощи св. Эмилиана хранились в монастыре с конца VI в. В стихотворении речь идет о первой церкви, построенной в романском стиле.
- ³ *Feria prima* соответствует воскресенью, *feria secunda* – понедельнику, *feria tertia* – вторнику и т. д. *Feria septima*, или *sabbatum*, – субботе.
- ⁴ По преданию, пророк Моисей записал на каменных скрижалях заповеди, данные ему Богом на горе Синай: «И обратился и сошел Моисей с горы; в руке его были две скрижали откровения, на которых написано было с обеих сторон: и на той и на другой стороне написано было; скрижали были дело Божие, и письменна, начертанные на скрижалях, были письмена Божии» (Исх 32:5–16).
- ⁵ Греческий алфавит был создан на основе финикийского в IX в. до н. э.
- ⁶ В античной мифологии нимфа Никострата, или Кармента, мать царя Эвандра, основателя маленького городка Палатин на месте, где позже был основан Рим. Создала латинский алфавит на основе греческого. Как пишет св. Исидор Севильский в «Этимологиях», «нимфа Кармента первой дала италам латинские буквы. Она названа Карментой (от *carmen* – песня), ибо в песнях предвещала будущее. Кроме того, еще звалась и Никостратой» (PL 82, col. 77A).
- ⁷ Согласно «Этимологиям» св. Исидора Севильского, Авраам изобрел «буквы сирийцев и халдеев» (PL 82, col. 75B), т. е. алфавит арамейского языка, на

котором были написаны некоторые книги Библии, а также Иерусалимский и Вавилонский Талмуды.

- ⁸ Говоря о происхождении египетской письменности, Евгений снова обращается к «Этимологиям»: «Царица Изида, дочь Инака, придя из Греции в Египет, изобрела египетские буквы и дала их египтянам» (PL 82, col. 75B).
- ⁹ Здесь Евгений опирается на «Историю правителей готов, вандалов и севов» св. Исидора Севильского, где упоминается Ульфила, или Вульфила, епископ остготов (ум. 383), просветитель готов, который на основе устного народного языка и греческого алфавита создал готский алфавит и перевел на него Священное Писание. Согласно св. Исидору, «Гульфила, епископ готов, создал готские буквы и перевел на этот язык писания Ветхого и Нового Завета» (PL 83, col. 1060C).
- ¹⁰ Аллюзия на Евангелие от Матфея: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровища ваши, там будет и сердце ваше» (Мф 6:19–21).

*Предисловие, перевод с латинского и комментарии
М.Р. Ненароковой*

IN MEMORIAM

ПАМЯТИ ЕЛЕНЫ СЕРГЕЕВНЫ НОВИК
09.09.1941–12.05.2014

В ночь на 12 мая скорпостижно скончалась Елена Сергеевна Новик, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, одна из ярких представителей московско-тартуской семиотической школы, исследователь шаманизма, крупнейший специалист по фольклорным и обрядовым традициям народов Сибири.

Е.С. Новик родилась в г. Омске в 1941 г. в эвакуации, после войны ее семья вернулась в Москву. В 1965 г. она окончила филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, где писала дипломную работу по фольклористике под руководством Е.М. Мелетинского. Несмотря на то что путь в аспирантуру, как и официальная научная карьера, для Елены Сергеевны были маловероятны, она продолжала активно участвовать в «нелегальной» научной жизни. Так, с 1968 г. она участвовала в Летних школах по семиотике, организуемых в Тарту Ю.М. Лотманом; с 1966 и затем многие годы Елена Сергеевна была постоянной участницей домашнего семина-

ра Елеазара Моисеевича Мелетинского – еженедельно по средам он собирал у себя дома учеников, где вместе с ними занимался научными исследованиями (попытка перенести семинар в стены ИМЛИ в 1970 г. закончилась неудачей – организовать семинар помешал Р.М. Самарин, тогдашний руководитель отдела истории зарубежной литературы, где работал Е.М. Мелетинский, несмотря на согласие директора института Б.Л. Сучкова). По результатам работы в семинаре были написаны первые научные статьи Е.С. Новик по структурному описанию и системе персонажей волшебной сказки, в том числе в соавторстве с Е.М. Мелетинским, С.Ю. Неклюдовым и Д.М. Сегалом (эти статьи получили в 1971 г. международную премию Питре за лучшую работу по фольклористике и были переведены на несколько языков)¹.

В это же время, с 1969 г., Е.С. Новик была редактором в издательстве «Искусство», где работала с книгами по фольклору, этнографии, семиотике. Во многом благодаря самоотверженным усилиям Елены Сергеевны увидели тогда свет монографии «Поэтика композиции» Б.А. Успенского (1970), «Вопросы теории народного искусства» П.Г. Богатырева (1971), «Категории средневековой культуры» А.Я. Гуревича (1972). В 1974 г. во время очередного разгрома «крамольной» редакции литературы по эстетике Е.С. Новик уволили из издательства «Искусство» по политико-идеологическим мотивам. Лишь с большим трудом ей удалось тогда устроиться во Всесоюзную фольклорную комиссию Союза композиторов СССР², где она проработала до 1989 г. Эта деятельность дала Елене Сергеевне возможность теснее, «вживую» соприкоснуться с носителями фольклора – музыкантами, сказителями, шаманами (и в фольклорно-этнографических экспедициях³, и при организации их выступлений в Москве), что отразилось и на ее научных работах. Следует сказать, что Е.С. Новик к тому времени уже обращалась к исследованию шаманской традиции народов Сибири, используя свой опыт структурного анализа устных повествовательных текстов, прежде всего их «ролевой» модели (лишь намеченной В.Я. Проппом в его «Морфологии сказки»)⁴. В последующие годы, используя в том числе материалы, собранные во время поездок в Сибирь, она продолжила изучение шаманизма как мифоритуальной системы. Кандидатская диссертация на тему «Типология и функции шаманского обряда (на материале сибирских традиций)», которую она защитила в Ленинграде в 1984 г., была опубликована в том же году в виде книги и стала (и остается до сих пор) программной работой в области изучения шаманизма и в целом – обрядового фольклора⁵.

Во время работы в Фольклорной комиссии Е.С. Новик внештатно трудилась научным редактором в издательстве «Наука». Под ее редакцией в 1985 г. вышел перевод «Структурной антропологии» К. Леви-Стросса и ряд других важных изданий.

Лишь в разгар перестройки научная работа Е.С. Новик приобрела официальный статус: в 1989 г. уже известным ученым она по приглашению Ю.Б. Симченко пришла работать в Институт этнографии АН СССР, а в 1992 г. стала сотрудником Российского государственного гуманитарного университета (вначале Института высших гуманитарных исследований, а с 2004 г. – Центра типологии и семиотики фольклора), где продолжила свои изыскания в области структурно-семиотического изучения текстов устной культуры. В 1996 г. Е.С. Новик защитила докторскую диссертацию на эту тему⁶, переиздала, дополнив, свою монографию⁷, написала ряд статей.

В Центре типологии и семиотики фольклора РГГУ Елена Сергеевна занималась и научной, и преподавательской деятельностью. Она читала курсы «Сравнительная мифология» и «Обряд и текст» для магистрантов, обучающихся по направлению «Фольклористика и мифология». Под ее руководством были защищены несколько кандидатских и докторских диссертаций по фольклору и этнографии народов Сибири.

Уже работая в РГГУ, Елена Сергеевна продолжала отдавать много времени и сил научному книгоизданию. В 1990–2000-е годы под ее редакцией вышли избранные труды Е.М. Мелетинского и П.Г. Богатырева, мифы и сказки народов Западной Сибири⁸. Многие годы Елена Сергеевна сотрудничала с издательством «Восточная литература», входила в редколлегия серий «Исследования по фольклору и мифологии Востока» и «Сказки и мифы народов Востока».

Один из масштабных проектов, которым Е.С. Новик занималась в последние годы, – создание электронного архива фольклорной прозы народов Сибири и Дальнего Востока (сканирование текстов из малодоступных публикаций, кодирование их по источникам и жанровая дистрибуция). Архив размещен в интернете (URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/novik/index.htm>).

Нужно отметить и еще одну важную сторону деятельности Елены Сергеевны – визуальную антропологию. Фольклорная комиссия Союза композиторов, в которой она работала, способствовала формированию в нашей стране этого хорошо известного в мировой антропологии направления, находящегося на стыке науки и искусства. Елена Сергеевна была одним из создателей и с 1987 по 1993 г.

членом оргкомитета Международного кинофестиваля по визуальной антропологии в Пярну (Эстония); с 1989 по 1995 г. – членом Комиссии по визуальной антропологии (Commission on visual Anthropology, International Union of Anthropological and Ethnological Sciences, Монреаль, Канада); была членом жюри I и II Российских фестивалей антропологических фильмов в Салехарде (1998 и 2000); постоянной участницей Московского международного фестиваля по визуальной антропологии (2004–2012) и Международного семинара по визуальной антропологии, который с 1993 по 2012 г. проводился на базе Института наследия им. Д.С. Лихачева. Е.С. Новик в сотрудничестве с латышским кинодокументалистом Андрисом Слапиньшем, трагически погибшим в 1991 г. во время политических событий в Риге, создала этнографический фильм «Времена сновидений» о шаманских традициях народов Сибири (съемки 1980–1985 гг., существуют две монтажные версии – черно-белая и цветная, подготовленная Еленой Сергеевной вместе с сотрудниками Института этнологии РАН в 1999 г.).

Е.С. Новик – ученица Е.М. Мелетинского, ее следует также считать последовательницей двух других замечательных отечественных ученых – П.Г. Богатырева и В.Я. Проппа. В работах Елены Сергеевны можно обнаружить синтез характерных для них и взаимно дополняющих друг друга методов, которые отнюдь не выглядят у нее простой суммой заимствованных приемов или церемониальной демонстрацией своего уважения к учителям и предшественникам. Здесь мы имеем дело именно с творческим развитием концепций современной гуманитарной науки, развитием в полном смысле этого слова актуальным.

В трудах Е.С. Новик отразился опыт исследователя,двигающегося в значительной мере по нехоженным территориям. Однако эти поиски всегда и с завидной последовательностью направлялись единым вектором научных интересов, которые постепенно все более и более концентрировались на решении самых узловых вопросов современной фольклористики и культурной антропологии. Этот вектор следует определить как универсальную типологию повествовательных и обрядовых традиций. Е.С. Новик удавалось не просто рассмотреть вместе эти две важнейшие части народной культуры, ранее в отечественной науке, как правило, изучавшиеся раздельно и в рамках разных научных дисциплин (фольклористики и этнографии), но также проанализировать «вербальные» и «обрядовые» тексты как две взаимосвязанные манифестации единой устной традиции, порожденные идентичными механизмами.

Сложность (как, впрочем, и увлекательность) поставленной задачи обусловлена тем, что именно здесь Е.С. Новик почти не имела предшественников; скорее наоборот, ей приходилось не раз преодолевать инерцию «автономных» научных интерпретаций, обусловленную несовпадающими «цеховыми» интересами указанных разделов гуманитарной науки. Всего один пример. В начале 1980-х годов у Елены Сергеевны возникли трудности при защите кандидатской диссертации: для ИМЛИ в ней было «слишком много этнографии», а для Института этнографии – «слишком много фольклористики». В итоге фольклористическая диссертация все же была защищена по этнографии в Ленинградском отделении ИЭ АН СССР, где работу, оценив ее высокую научную ценность, курировали К.В. Чистов и Б.Н. Путилов.

Исследование синкретической природы традиции побудило Е.С. Новик обратиться к соотношению вербальных и невербальных текстов, ритуального действия и слов, которые его сопровождают, с одной стороны, текста и его исполнения – с другой; к знаковой природе обряда и фольклорного нарратива; к коммуникативным аспектам их внутренней организации и их функционирования в народной традиции. Разработка одной и той же темы различными средствами в разных областях устной культуры давало ей уникальную возможность продемонстрировать, каким именно образом происходит перекодировка одного и того же «сообщения» в разных семиотических системах. Параллелизм структуры шаманского камлания и морфологической схемы фольклорного нарратива (по В.Я. Проппу) привел Е.С. Новик к выводу об «обменной» структуре, в конечном счете «диалогической», лежащей в основе как устного традиционного повествования, так и обрядового «сюжета». Основываясь на ряде отечественных и зарубежных исследований (К.В. Чистов, А.-Ж. Греймас и др.), Е.С. Новик рассмотрела акциональные, словесные и «вещные» манифестации народной культуры с точки зрения коммуникативного процесса.

Методологический инструментарий, полученный в данной области, она применила уже к материалу устных повествовательных традиций, вернувшись в своей докторской диссертации к собственно фольклористической проблематике. Здесь ею были получены оригинальные и чрезвычайно убедительные результаты в истолковании поэтики и жанровой классификации архаического фольклора, семантики и структуры обряда. Хорошо обдуманная методология позволила предложить единый подход к разным формам архаической культуры, наметить жанрово-классификационные принципы применительно к фольклорным текстам,

причем основанием для подобной классификации оказывается автохтонная терминология, отражающая самосознание традиции и в этом смысле не являющаяся чем-либо привнесенным извне. До нынешнего времени этому аспекту уделялось мало внимания, хотя без его учета природа жанровой системы фольклора ускользает от познания.

Е.С. Новик – автор более 150 работ по теоретической фольклористике, мифологии и этнографии, обрядовым и фольклорным традициям народов Сибири, поэтике и структуре фольклорных жанров⁹. Но не только собственные работы были ее «детьми», но и те книги, которые она с любовью и борьбой «вынянчила» как научный редактор. Предметом особой гордости была серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока» издательства «Восточная литература», так называемая «Черепашка» (таков логотип серии). Елена Сергеевна говорила: «Смысл не только в моих ста пятидесяти работах! Вон они мои книжечки стоят. Вот “Черепашка” для востоковедов просто послужила таким... Плот такой вот был... Ковчег!»

Тема «ковчеха» красной нитью проходила через воспоминания Елены Сергеевны. Хотя в советские годы вокруг всегда было много темного, недобро-абсурдного, рядом оказывались друзья, которые не только помогали преодолеть трудности и неприятности, но и были щедры на избыточное, на чудеса. Таким ковчехом для Елены Сергеевны были и домашний семинар Е.М. Мелетинского, и Летние школы в Кяэрику, и Фольклорная комиссия, и Институт высших гуманитарных исследований... А для нас – коллег и учеников – таким ковчехом была дружба с Еленой Сергеевной и совместная с ней работа, которую назвать сухими словами «научное руководство» не повернется язык – это был общий путь, творчество, радость от открытий, сделанных вместе. Не бывало так, чтобы на рабочем столе Елены Сергеевны не лежала чья-то рукопись – реферат, статья, диплом, диссертация. Она никогда не отказывала коллегам (часто в ущерб своему времени и силам, которых в последние годы у нее оставалось все меньше) в просьбе прочесть рукопись статьи, написать отзыв на дипломную работу или диссертацию – и нередко в конце года оказывалось, что таких отзывов написано больше, чем собственных докладов и статей. Елена Сергеевна была открытым, щедрым и очень светлым человеком. Она ушла вдруг, неожиданно, и тем болезненнее невосполнимая пустота, образовавшаяся после ее ухода...

С.Ю. Неклюдов, О.Б. Христофорова

- ¹ *Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М.* Проблемы структурного описания волшебной сказки // Труды по знаковым системам IV (Уч. зап. ТГУ, № 236). Тарту, 1969. С. 86–135; *Они же.* Еще раз к проблеме структурного описания волшебной сказки // Труды по знаковым системам V (Уч. зап. ТГУ, № 284). Тарту, 1971. С. 63–91. Переводы: Soviet Structural Folkloristics. The Hague; P., 1974. P. 73–139; La struttura della fiaba. Palermo, 1977; Semiotica Sovietica. Sowjetische Arbeiten der Moskauer und Tartuer Schule zu sekundären modellbildenden Zeichensystemen (1962–1973) / Hrsg. und eingel. von K. Eimermacher. Aachen, 1986. S. 199–318; Travaux de semiotique narrative. Quebec, 1992. P. 1–82. Несколько лет назад эти статьи были опубликованы в виде отдельной книги: *Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М.* Структура волшебной сказки. М.: РГГУ, 2001; *Новик Е.С.* Система персонажей русской волшебной сказки // Типологические исследования по фольклору. Сб. статей памяти В.Я. Проппа (1895–1970). М.: ГРВЛ, 1975. С. 214–246.
- ² Образована в 1972 г. как Всесоюзная комиссия по народному музыкальному творчеству (ВКНМТ), впоследствии прижилось название «Фольклорная комиссия».
- ³ Е.С. Новик участвовала в следующих экспедициях, связанных со сбором аудио- и видеоматериалов по фольклору и обрядам народов Сибири: в Якутию (1977, 1980), на Чукотку (1981, 1983, 1986), в Хабаровский и Приморский край (1984).
- ⁴ Первые ее работы на эту тему: *Новик Е.С.* Камлания шамана как драматизированное описание вселенной // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973. С. 20–25; *Она же.* Структура шаманских действий // Проблемы славянской этнографии (к столетию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Д.К. Зеленина). Л., 1979. С. 204–212.
- ⁵ *Новик Е.С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. М.: ГРВЛ, 1984. Пер. на нем. (1989), англ. (1989–1990), польск. (1993) языки.
- ⁶ *Новик Е.С.* Фольклор – обряд – верования: Опыт структурно-семиотического изучения текстов устной культуры: Дис. в форме науч. докл. ... д-ра филол. наук. М., 1996.
- ⁷ *Новик Е.С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. М.: Восточная литература, 2004. 2-е изд., испр. и доп.
- ⁸ *Мелетинский Е.М.* Избранные статьи. Воспоминания / Отв. ред. Е.С. Новик. М., 1998; *Богатырев П.Г.* Народная культура славян / Сост. Е.С. Новик, Б.С. Долгин; под общ. ред. Е.С. Новик. М.: О.Г.И., 2001; Мифы, предания, сказки хантов и манси / Под общ. ред. Е.С. Новик. М.: ГРВЛ, 1990; Мифы, предания, сказки кетов / Под общ. ред. Е.С. Новик. М.: Восточная литература, 2001; и др.
- ⁹ Укажем ее ключевые работы: *Meletinsky E., Novik E.* Les rites chamaniques à la lumière de la théorie d'A.J. Greimas // Exigences et perspectives de la sémiotique.

Amsterdam; Philadelphia, 1985. P. 1001–1003; *Новик Е.С.* К типологии несказочной прозы Сибири и Дальнего Востока // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. Горноалтайск, 1986. С. 36–48; *Она же.* Структура сказочного трюка // От мифа к литературе: Сб. в честь 75-летия Е.М. Мелетинского / Сост. С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик. М.: РГГУ, 1993. С. 139–152; *Она же.* Архаические верования в свете межличностной коммуникации // Историко-этнографические исследования по фольклору. М., 1994. С. 110–163; *Она же.* Статус слова и понятие жанра в фольклоре // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания / Отв. ред. П.А. Гринцер. М., 1994. С. 39–104 (в соавторстве с Е.М. Мелетинским и С.Ю. Неклюдовым); *Она же.* Вербальный компонент промысловых обрядов (на материале сибирских традиций) // Малые формы фольклора: Сб. статей памяти Г.Л. Пермякова. М., 1995. С. 198–217; *Она же.* Прагматический аспект магических обрядов // Лотман. сб. 1. М., 1995. С. 655–666; *Она же.* Межличностная коммуникация как семиотический механизм архаической культуры // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998. С. 232–241; *Она же.* Магическая функция фольклорных нарративов в традиционной культуре народов Сибири: прагматическая структура и перлокутивный эффект повествовательного текста // Мировое древо. Международный журнал по теории и истории мировой культуры. М., 1998. Вып. 6. С. 11–18; *Она же.* «Вещь-знак» и «вещь-жест»: к семиотической интерпретации фетишей // Вестник РГГУ. Вып. 2. ИВГИ за письменным столом / Под ред. С.Ю. Неклюдова: Сб. статей. М.: РГГУ, 1998. С. 79–97; *Она же.* Семиотические функции голоса в фольклоре и верованиях народов Сибири // Фольклор и мифология Востока в сравнительно-типологическом освещении / Отв. ред. Н.Р. Лидова, Н.И. Никулин. М.: Наследие, 1999. С. 217–235; *Она же.* Представления об индивиде в традиционных культурах Сибири // «У времени в плену». Памяти Сергея Сергеевича Цельникера: Сб. статей. М.: Восточная литература, 2000. С. 121–130; *Она же.* Принцип реципрокности и формы его проявления в архаической культуре // Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 294–302; *Она же.* Иноговорение в песнопениях сибирских шаманов // Дело авангарда. The case of the avant-garde / Ed. by W.G. Weststeijn. Amsterdam, 2008 (Pegasus Oost-Europese Studies 8. Uitgeverij Pegasus). С. 373–396; *Она же.* Жанровое пространство фольклора айнов // Вестник РГГУ. 2009. № 9. Серия «Филологические науки. Литературоведение. Фольклористика». С. 44–58; *Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С.* Историческая поэтика устных традиций: от архаики к классике. М.: РГГУ, 2010 (Серия «Традиция–текст–фольклор: типология и семиотика»).

СВОДНОЕ СОДЕРЖАНИЕ «ARBOR MUNDI» № 11–20

От редколлегии

«Мировому древу» – двадцать с лишним лет. Эту дату мы отмечаем тем, что даем сводное содержание номеров за вторую декаду (список публикаций за первую был помещен в № 11, вышедшем в 2004 г.). За время, прошедшее между публикацией двух этих списков, лицо издания полностью определилось, что показывает, в частности, их сравнение. Главными стали рубрики «История культуры» и «Историческая поэтика», существенно возрос удельный вес раздела «Переводы». Вместе с тем куда более скупо представлены «Архетипические и мифологические сюжеты», «Россия и Европа», «Фольклор» – это объясняется и объективными, и субъективными причинами. Материалы по фольклористике уходят в специальные издания, тема «Россия и Европа» стала слишком заезженной (хотя, разумеется, не может быть исчерпана в принципе), исследование литературных архетипов, напротив, похоже, что утрачивает научную привлекательность (кроме того, в эти годы ушел из жизни главный представитель этого направления – Е.М. Мелетинский). Новых рубрик мы старались не заводить; единственное исключение – «Методология гуманитарного знания», тема, пока не получившая у нас продолжения. Рубрика *In memoriam* заведена самой жизнью (вернее, смертью): за эти годы мы простились с десятью сотрудниками ИВГИ – замечательными по всем меркам учеными. В рамках избранного нами предметного поля мы старались оперировать тематическими блоками (количество их по сравнению с первым десятилетием увеличилось вдвое) – это не всегда получалось, но в этом направлении мы будем стараться работать и дальше.

СТАТЬИ, ИССЛЕДОВАНИЯ

Архетипические и мифологические сюжеты

Успенский Ф.Б. Лютый зверь (óarga dýr) в древней Скандинавии: история и предыстория – № 14

Историческая поэтика

Андреев М.Л. «Декамерон» в свете исторической поэтики – № 20

Неклюдов С.Ю. Русский фольклорист Александр Дюма и Легенда о Девичьем кургане – № 20

Фаустов А.А. Голос стрекозы в русской поэзии – № 11

Чекалов К.А. У истоков паралитературы: проза французского барокко – № 13

Чекалов К.А. «Алектор» Бартеlemi Ано и рефлексия о романе во Франции в XVI в. – № 18

Драматургия Корнеля в свете исторической поэтики
(тематический блок) – № 15

Андреев М.Л. Испанская комедия во французском изводе: Корнель

Ермоленко Г.Н. Текстуальные совпадения и типологические схождения в комедиях П. Корнеля «Иллюзия» и А. Грибоедова «Горе от ума»

Осокин М.Ю. Корнель и Мольер: передел собственности

Чекалов К.А. Взгляд, слово и музыка в «Андромеде»

Чеснокова Т.Г. Поэтика «римской доблести» в трагедии Корнеля «Гораций»

На границах трагедии
(тематический блок) – № 17

Андреев М.Л. Пьетро Метастазιο: Между трагедией и комедией

Дмитриева Е.Е. Антропологические характеристики барочной драмы (трагедии и комедии Андреаса Грифиуса)

Чеснокова Т.Г. Бурлескная трагедия Генри Филдинга в контексте жанровой традиции

Восток – Запад

Античность и Восток. Материалы XIX Лотмановских чтений
(тематический блок) – № 19

Брагинская Н.В. Предварение

Вигасин А.А. Притча о страхе смертном

Коваль А.Н. Varietas delectat. Несколько соображений, вызванных статьей
А.А. Вигасина «Притча о страхе смертном»

Ковельман А.Б. Платон и Талмуд: герменевтические трудности

Разерфорд Иэн. Греческая поэтика и Ближний Восток: проблемы и перспективы

Гринцер Н.П. Что сравнивать и зачем сравнивать? (Комментарий к статье
Иэна Разерфорда)

Маслов Б.П. Опозиция «Восток–Запад» в истории сравнительной поэтики

Шайтанов И.О. Уточнения, необходимые при начале разговора (Комментарий к статье Б.П. Маслова)

Россия и Европа: диалог культур

Доброхотов А.Л. Из истории русского гетеанства – № 18

Плоханова М.Б. Солнце, обходящее вселенную. Образы Богоматери в
русских и итальянских исторических контекстах XV–XVII веков –
№ 15

Фольклор

Матюшина И.Г. Былины об Илье Муромце и Сокольнике в древнегерманском контексте – № 16

Христофорова О.Б. Интерпретации молчания: речевой этикет народов
Севера в заметках путешественников и по данным фольклора –
№ 12

История культуры

Доброхотов А.Л. Тектоника фильмов Хичкока в свете морфологии культуры – № 20

Зотов О.А. Средневековое ирландское право как культурный феномен –
№ 11

- Мартыненко Н.П.* Предпосылки возникновения концепции «инь – ян» в китайской культуре – № 12
- Мошонкина Е.Н.* Переводы «Божественной комедии» и современная теория перевода – № 20
- Осминская Н.А.* Традиция универсального музея: коллекционирование как мировоззрение – № 11
- Плюханова М.Б.* Сретение иконы Богоматери Владимирской: исторические и литургические корни события и праздника – № 16
- Резвых П.В.* Шеллинг о «божественной иронии» – № 12

Числа в системе культуры
(тематический блок) – № 13

- Киселева Л.Н., Степанищева Т.Н.* «Отмеченные» даты в мире Жуковского
- Кривонос В.Ш.* Отмеченные числа у Гоголя
- Кронгауз М.А.* «Новая нумерология», или Мода на числа
- Михайлик Е.Ю.* «Маленькая и тоже пятиконечная»: из наблюдений над числовой символикой «Белой гвардии»
- Неклюдова М.С.* Дважды два четыре, или Математическая проблема в «Дон Жуане» Мольера
- Утгоф Г.М.* «13» в «Приглашении на казнь»

Комментарий в истории культуры
(тематический блок) – № 14

- Арсланов В.В.* Язык Бога в перевернутом мире: спиритуалистическая аллегореза Себастьяна Франка и споры о ясности текста в период Реформации
- Брагинская Н.В.* Комментарий как механизм инноваций в традиционной культуре и не только
- Виноградская В.Б.* Самосознание традиции. Комментарии в традиции канонов киноари от Вэй Бо-Яна до Лю И-Мина (II–XIX вв.)
- Воскобойников О.С.* Формы комментария во французской вероучительной литературе конца XIII века
- Евдокимова Л.В.* «Историческое Зерцало» Жана де Винье: перевод-комментарий
- Махлин В.Л.* Комментарий после интерпретации

- Смирнова В.В.* Комментарий как механизм взаимодействия ученой и народной культур (на материале «Книги чудес святой Фиды» Бернара Анжерского)
- Хорьков М.Л.* Ян ван Рюйсбрук: от библейского комментария к мистическому трактату
- Шмагина-Великанова А.И.* Некоторые особенности раввинистического комментария: опыт прочтения «Песни песней»

Интеллектуальные рамки современной мистики (тематический блок) – № 18

- Болдырев И.А.* Секулярная мистика у Блоха и Беньямина
- Зенкин С.Н.* Жорж Батай: мистицизм без бога
- Пахомов С.В.* Мистическая трансформация времени и пространства в художественных произведениях Мирчи Элиаде
- Ронен Омри.* Мистический извод научной фантастики в русской словесности
- Светликова И.Ю.* Комментарий к полемике П.А. Некрасова с дарвиновской теорией
- Уракова А.П.* Мистические контексты повести Генри Джеймса «Поворот винта»

Классическая традиция

- Протопопова И.А.* Метафизика зазеркалья, или О двух материях у Плотина – № 12

Литература Средних веков и Возрождения

- Гуревич Е.А.* Исландец в поисках удачи: о «Пряди об Аудуне с Западных Фьордов» – № 11
- Матюшина И.Г.* Король Эдгар Миротворец в поэмах «Англосаксонской хроники» – № 20
- Ненарокова М.Р.* «Рыбак Витин» Летальда из Миси как пример средневекового ученого юмора – № 15
- Стаф И.К.* «Кимвал мира» Бонавентуры Деперье и конец средневековой мифологии книги – № 13

Немецкая мистика позднего Средневековья:
индивидуальный опыт – научный метод
(тематический блок) – № 16

Бондарко Н.А. Языковые модели в духовной прозе немецких францисканцев XIII–XV вв.: в поисках элементарных структур одной литературной традиции

Логутова М.Г. Рукописные молитвенники из монастырей «нового благочестия» в библиотеке герцога Августа (Вольфенбюттель, Германия)

Реутин М.Ю. Поэтика гипотезы. Традиция платоновского «Парменида» в творчестве Майстера Экхарта

Хорьков М.Л. Некоторые тенденции развития немецкой мистики между Майстером Экхартом и Николаем Кузанским

Структурализм и постструктурализм

Зенкин С.Н. Возвышенное и сакральное в «Лекциях об “Аналитике возвышенного”» Ж.-Ф. Лиотара – № 15

Зенкин С.Н. Ролан Барт: признаки мифа – № 20

Искусство

Гэнебе Клод, Рику Одиль (Франция). «Битва Карнавала и Поста» [пер. с фр. и примеч. Ю.В. Пухлий] – № 12

Методология гуманитарного знания

Иванов Вяч.Вс. Тема хронотопа в культуре новейшего времени – № 15

Кузнецова Н.И. Презентизм и антикваризм – две картины прошлого – № 15

ИНТЕРВЬЮ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

Интервью с А.Я. Гуревичем. «Гуманитарное знание... не должно бояться неясностей и парадоксов» – № 11

Феномен историзма. Интервью с А.М. Пятигорским [примеч. Г.В. Бондаренко] – № 12

- Интервью с Вяч.Вс. Ивановым. «Восстановим блеск уходящего поколения русской гуманитарной науки» – № 16
- Дмитриева Е.Е.* Искусство видеть мелочи, или Заметная незаметность (о книге О.Б. Вайнштейн «Денди. Мода. Литература. Стиль жизни») – № 14
- Реутин М.Ю.* Изучение средневековой немецкой мистики в России – № 11
- Реутин М.Ю.* От мистерии к карнавалу – № 12
- Реутин М.Ю.* Рец. на кн.: *Пильгун А.В.* Вселенная Средневековья. Космос, звезды, планеты и подлунный мир в иллюстрациях из западноевропейских рукописей VIII–XVI веков. М., 2011 – № 20

ПЕРЕВОДЫ

- Аврелий Августин.* О христианской науке. Книга III (пер. с лат. Ю.В. Ивановой, С.А. Степанцова, предисл. С.А. Степанцова, коммент. Ю.В. Ивановой) – № 11
- Из «Жизней софистов» Флавия Филострата (предисл. Е.Г. Рабинович; пер. с др.-греч. и коммент. Ф.Г. Беневича, А.А. Ветушко-Калевича, А.А. Кладовой) – № 19
- ИОСИФ И АСЕНЕТ – № 17
- Брагинская Н.В.* Несколько вводных слов к апокрифу «Иосиф и Асенет» Иосиф и Асенет (пер. с др.-греч. Н.В. Брагинской, М.С. Касьян, В.В. Пислякова, А.И. Шмаиной-Великановой)
- Брагинская Н.В., Виноградов А.Ю., Шмаина-Великанова А.И.* Был ли крест на медовом соте?
- Летальд из Миси.* Стих монаха Летальда о некоем рыбаке, которого проглотил кит (пер. и коммент. М.Р. Ненароковой) – № 15
- Прядь об Орме сыне Сторольва (пер. с др.-исланд., коммент. и статья Е.А. Гуревич) – № 16
- Прядь о Норна-Гесте (пер. с др.-исланд., коммент. и послесл. Е.А. Гуревич) – № 18
- Прядь об Эймунде сыне Хринга (пер. с др.-исланд. и коммент. Е.А. Гуревич) – № 20
- Сага об Эреке. Erex saga (вступит. ст., пер. с исланд. и коммент. И.Г. Матюшиной) – № 12
- СЕКВЕНЦИИ АДАМА СЕН-ВИКТОРСКОГО – № 17
- Ненарокова М.Р.* Секвенции Адама Сен-Викторского как часть образовательной программы викторинцев
- Адам Сен-Викторский (пер. с лат. и коммент. М.Р. Ненароковой)
- Сон Одди Звездочета (пер. с др.-исланд., коммент. и послесл. Е.А. Гуревич) – № 14

IN MEMORIAM

Автономова Н.С. Рыцарь филологии как серьезной науки (Памяти М.Л. Гаспарова) – № 12

Брагинская Н.В. После Аверинцева – № 11

Доброхотов А.Л. Nunc dimittis... Памяти Георгия Степановича Кнабе – № 18

Иванов Вяч. Вс. Памяти Владимира Николаевича Топорова – № 12

Лушицкая С.И. Арон Яковлевич Гуревич – № 13

Неклюдов С.Ю. Памяти Виля Борисовича Мириманова – № 11

Неклюдов С.Ю. Путем культурного героя (Памяти Е.М. Мелетинского) – № 12

Серебряный С.Д. Павел Александрович Гринцер – № 15

Этингф О.Е. Ирина Евгеньевна Данилова – № 20

ИВГИ: 20 ЛЕТ СПУСТЯ – № 19

Неклюдов С.Ю. В начале позапрошлого десятилетия...

Серебряный С.Д. Заметки по случаю 20-летия ИВГИ РГГУ

Список научных трудов, подготовленных в ИВГИ за 1992–2012 годы

Круглые столы, конференции, научные чтения и другие мероприятия ИВГИ с 1992 по 2012 г.

Abstracts

N. Avtonomova

LOTMAN AND JAKOBSON: BETWEEN THE “LESSON” AND THE “EXAM”

The notions of “exam” and “lesson”, which Lotman used to define Jakobson’s attitude towards the host of the immortals, and the attitude of the living towards the late classic, are used here to test our own attitude towards Jakobson and Lotman. Various aspects of their legacy are united in the idea of “romantic in science”: this is the title that Lotman used for Jakobson, but we could justly name Lotman the same. The scientific approaches of Jakobson and Lotman have a lot in common; the major distinction lies in the area of interpretation of communication and the mechanisms of translation. Thus, unlike Jakobson, Lotman insists on multilingual communicative schemes, and sees a creative potential in situations of cultural misunderstanding and untranslatability.

Key words: “romantic in science”, interdisciplinarity, multilingualism, translation and untranslatability, romantic scientism.

P. Flack

ROMAN JAKOBSON AND THE TRANSITION OF GERMAN THOUGHT TO THE STRUCTURALIST PARADIGM: TOWARDS A NEW HISTORIOGRAPHY OF STRUCTURALISM

This short paper aims to programmatically outline the contours of a general framework for future research on structuralism and its genealogy. I wish to argue that mainstream approaches to the history of structuralism need to be significantly broadened, not only to better account for the contributions of Eastern and Central European

thinkers, but also to take into full consideration structuralism's deep, complex and rich roots in 19th Century German thought. To make this point, I will succinctly compare three distinct historiographical models of structuralism ("French", "East-West", "Jakobsonian"), each of which provides a very rough and selective, yet highly contrastive map of the intellectual and personal networks that underpinned the development of structuralism up to World War II.

Key words: Structuralism, History of the Humanities, Saussure, Lévi-Strauss.

I. Matyushina

ALFRED THE ÆTHELING AND THE ANGLO-SAXON CHRONICLE POEM

The article is devoted to one of the poems of the Anglo-Saxon Chronicle which is little read and less commented upon. The meaning of the poem on the death of Alfred the Ætheling, the brother of king Edward the Confessor, which is included into the Abingdon and Worcester manuscripts for the year 1036, is reconstructed on the basis of comparison with the later sources of the 11th–12th centuries. The analysis of the poem shows that its rhythmical, sound, lexical and syntactic organisation goes back not to the Western-Germanic tradition of alliterative verse but to the hagiographical and homiletic tradition recorded in the rhythmical and alliterative prose of Wulfstan and Ælfric. An attempt is made to show that the compiler of the Chronicle composed the poem on the death of Alfred following the example of an earlier rhythmical text on the death of Edward the Martyr included into the Peterborough manuscript as an annal for the year 978.

Key words: Anglo-Saxon Chronicle, alliterative verse, homiletic prose.

P. Sériot

WHY ARE SIMILAR THINGS SIMILAR?

Despite the general view of Jakobson as a founding father of structuralism, in the interwar period he was occupied rather with form than with function. He borrowed the concept of structure from

various sources, among which one can consider the anti-darwinian stream of orthogenesis, for which causal explanation has to be replaced by goal-orientated evolution, and in first place idealistic morphology, which claims that two forms can look like each other without any contact in space or time, and that similarities cannot be explained *by chance*, but by a hidden plan, which has to be discovered. It is thus possible to reconstruct a whole series of scientific and philosophical trends of thought, which strive to assert the possibility of *interaction without contact*, for instance J. Frazer's idea of imitative magic, which was a source for Jakobson's famous opposition between metaphor and metonymy.

Key words: comparative and historical epistemology; J. Frazer; R. Jakobson; sympathetic magic; homology / analogy; metaphor / metonymy.

T. Venediktova

A CONVERSATION BETWEEN ROMAN JAKOBSON AND "THE RAVEN"

This paper offers a close reading of R. Jakobson's essay "Language in Operation" (1949), exploring "undercurrents" of his then developing theory on communication. In that essay, we argue, Jakobson treats communication as a multifunctional "intricate process," a transfer of experience wherein verbal performance is moved by suggestion and inference. From this vantage Jakobson's choice of "The Raven" by Edgar Allan Poe, poet and analyst, as both privileged object of analysis and implying role model is of particular interest.

Key words: communication, poetic function, performative use of language.

S. Zenkin

JAKOBSON AND VISUALITY

Roman Jakobson's works on visual semiotics are characterized by a complex variability of method. The problems of visuality cannot be explored in a purely structuralist way, so Jakobson operates some-

times as a “formalist”, attentive to the conflictual interactions of forces in the work of art, and sometimes as a spontaneous phenomenologist, researching man’s perception of his own body and its projection onto external images. The constant element in these works is their dynamic approach to visual images, and that is not a diachronic dynamic of evolution but a static dynamic of the conflict and tension of forces which shape an esthetical object.

Key words: Jakobson, visuality, methodology, structuralism, formalism.

Сведения об авторах

Автономова Наталия Сергеевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН; ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского РГГУ, avtonomovanatalia@gmail.com

Венедиктова Татьяна Дмитриевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории дискурса и коммуникации филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, tvenediktova@mail.ru

Зенкин Сергей Николаевич – доктор филологических наук, главный научный сотрудник РГГУ, sergezenkine@hotmail.com

Матюшина Инна Геральдовна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований им. Е.М. Мелетинского РГГУ, innamat@hotmail.co.uk

Ненарокова Мария Равильевна – доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела классических литератур Запада и сравнительного литературоведения Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, maria.nenarokova@yandex.ru

Серио Патрик – доктор филологических наук, почетный профессор Лозаннского университета, patrick.seriot@unil.ch

Флак Патрик – кандидат наук (PhD), постдокторант Карлова университета, patrick@flack.ch

General data about the authors

Avtonomova Natalia S. – Dr. in Philosophy, chief researcher, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; leading researcher, E.M. Meletinsky Institute for Advanced Studies in the Humanities, Russian State University for the Humanities, avtonomovanatalia@gmail.com

Flack Patrick – Ph.D., Post-Doc in Philosophy of Language and Intellectual History, Charles University, patrick@flack.ch

Matyushina Inna G. – Dr. in Philology, leading researcher, E.M. Meletinsky Institute for Advanced Studies in the Humanities, Russian State University for the Humanities, innamat@hotmail.co.uk

Nenarokova Maria R. – Dr. in Philology, senior researcher, Department of Classical Western Literature and Comparative Studies, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, maria.nenarokova@yandex.ru

Sériot Patrick – Dr., professor emeritus, University of Lausanne, patrick.seriot@unil.ch

Venediktova Tatiana D. – Dr. in Philology, professor, head, Department of Discourse and Communication Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, tvenediktova@mail.ru

Zenkin Sergey N. – Dr. in Philology, chief researcher, Russian State University for the Humanities, sergezenkine@hotmail.com

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*

Художник *В.В. Сурков*

Художник номера *В.Н. Хотеев*

Корректор *О.К. Юрьев*

Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Подписано в печать 15.10.2015.
Формат 60×90^{1/16}
Усл. печ. л. 10,8. Уч.-изд. л. 11,3.
Тираж 1050 экз. Заказ № 140

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggi.ru
www.knigirggi.ru